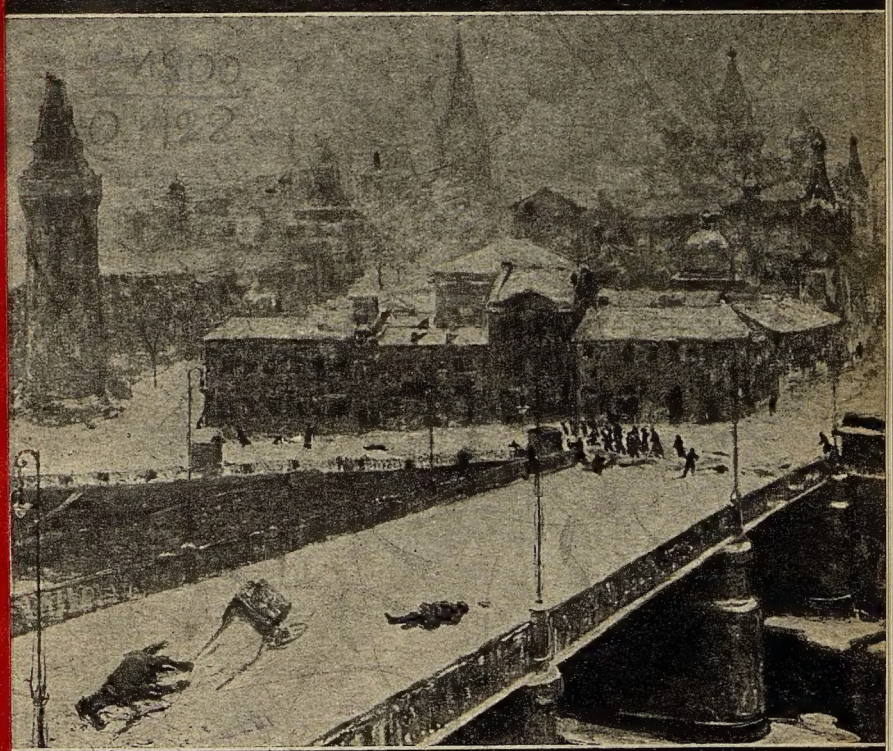
ОКТЯБРЬ
В ЭКСКУРСИЯХ ПО МОСКВЕ

ИТУТ ЛЕНИН-
ИБЛИОТЕКА
ГИ200
0428

ОКТЯБРЬ

В ЭКСКУРСИЯХ ПО МОСКВЕ



„БОЙ ПОД КРЕМЛЕМ"
Картина худ. Мешкова
Музей Красной Армии.

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

МОСКОВСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ КОМИССИЯ ПО ПРОВЕДЕНИЮ
ПРАЗДНОВАНИЯ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ИСТПАРТ МК ВКП(б)

ГИ200
О-428 Р

9 (47)
О 52

ОКТЯБРЬ В ЭКСКУРСИЯХ ПО МОСКВЕ

СБОРНИК СТАТЕЙ-ЭКСКУРСИЙ
под общей редакцией
Н. Н. ОВСЯННИКОВА
с методическим введением
Н. М. ДРУЖИНИНА

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

2 экз

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008

ОПЕЧАТКИ

СТР.	СТРОКА	НАПЕЧАТАНО	СЛЕДУЕТ
17	22 сверху	влияние	внимание
30	4 снизу	летом1918 г.	летом 1918 г.
3	4 „	Л. И. Финогеева	Л. А. Финогеева
65	1 „	К. Постниковой	Н. Постниковой
65	1 „	М. Финогеевой	Л. Финогеевой
103	7 „	время войны	во время войны
101	9 „	он	сон
133	13 „ (под снимком)	Александровское	Алексеевское
150	под снимком	Ванто	Ванторина
159	2 снизу (под планом)	им. т. Шлюминса	им. т. Шломина

ГИ200
О 428 Р
Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
1030
7838
1054892

Мосгублит 46.738. Тираж 5000.
Типограф. и Словол. „КРАСНАЯ ПРЕСНЯ“ (МОСПОЛИГРАФ) М. Груз., Столярный п., д. № 5/7.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
Методическое введение Н. М. Дружинин	7
Экскурсия на тему: „Борьба в октябре 1917 г." З. П. Базилева	23
„ „ „Октябрь в Москве" Н. И. Шапиро и А. Б. Закс	35
„ „ „Большевистский центр и роль рабочих районов в октябре 1917 г." О. Д. Цыпленкова и М. Г. Петрова	48
Экскурсия на тему: „Октябрь в Красно-Пресненском районе" Д. Найдич и М. Винокур	66
„ „ „Хамовники в октябре 1917 г." С. Закс	77
„ „ „Замоскворечье в октябре 1917 г." О. Т. Козлова	92
„ „ „Городской район в Октябрьские дни" О. И. Тарутина	106
„ „ „На тыловой позиции" (Октябрь в Бауманском районе) Л. И. Финогеева	119
Экскурсия на тему: „Дорогомилово в октябре 1917 г." А. Б. Закс	138
Приложения	153
Библиография	155

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник ставит своей задачей помочь школьным педагогам и руководителям внешкольной работой при подготовке ими экскурсий, посвященных Октябрьской революции на территории Москвы. Помещенные в сборнике статьи излагают девять вариантов экскурсий, разработанных и методически проверенных комиссией по изучению историко-революционных экскурсий при Институте методов внешкольной работы.

В основу трех первых экскурсий положены маршруты по центральным улицам города: задача этих основных вариантов дать общую картину восстания, использовав материал о главных событиях в Москве 25 октября—3 ноября 1917 г. Остальные шесть вариантов построены по краеведческому принципу: в основу каждого положен маршрут по территории того или иного района, с учетом своеобразных условий его топографии и местной социально-политической обстановки; при этом выбраны районы, особенно богатые фактами революционной борьбы в Октябрьские дни 1917 г. (Пресненский, Хамовнический, Замоскворецкий, Лефортовский, Городской, Дорогомиловский).

При разработке экскурсий авторы использовали наличную литературу по истории Октябрьской революции в Москве, дополнив ее рукописными материалами Музея революции СССР и результатами устных опросов различных участников восстания (преимущественно рядовых, но активных деятелей фабричных окраин). При обработке указанных источников приходилось сталкиваться с разногласиями и неточностями; отсутствие какой бы то ни было научно-исторической сводки требовало от авторов самостоятельной критики сырого материала и его тщательного отбора. Методические принципы, которые применялись при построении экскурсий (постановка темы, выбор вещественного материала, выработка маршрута, приемы ведения экскурсий), изложены в методи-

ческом введении, предваряющем остальные статьи. Некоторые документы, необходимые руководителю в качестве дополнительных пособий, выделены в специальные приложения. Каждая экскурсия, являясь результатом работы одного или нескольких московских экскурсионистов, была проведена с группами школьников (а некоторые также с внешкольными и учительскими группами) и подверглась коллективной критической обработке. Эта практическая проверка экскурсий дает основание авторам рекомендовать их как для школьных групп, так и для взрослой аудитории; причем необходимо указать возможность использовать данные экскурсии для конкретного ознакомления с событиями московского Октября не только городских масс, но и сельского населения губернии и в организации экскурсий Губполитпросветом при Губ. Доме Крестьянина и в работе политпросветчиков с деревенскою молодежью, самотеком попадающей в Москву и совершенно не знакомой с историко-революционной значимостью отдельных пунктов города.

В дополнение к настоящему экскурсионному пособию, авторы рекомендуют при подготовке экскурсий пользоваться соответствующими отделами справочника «По революционной Москве» изд. МКХ. М. 1926 г. и той литературой, которая указана в библиографии данной книги на стр. 56.

Иллюстрации в тексте заимствованы из запаса Музея революции СССР с любезного разрешения С. И. Мицкевича.

Авторы обращаются к лицам, применившим в своей практической работе указания данного сборника, с просьбою присылать материалы по его использованию и сообщать о его недочетах и желательных изменениях в кабинет внешкольника Института методов внешкольной работы. Арбат, Спасопесковский, 3; тел. 3.06.75.

МЕТОДИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

Историко-революционные экскурсии возникли и нашли себе применение на основе богатого опыта, накопленного экскурсиями общественно-историческими: методические обобщения, полученные в этой последней области, послужили опорными пунктами для экскурсионного освещения революционных событий. Но экскурсии историко-революционного содержания сохраняют целый ряд отличительных особенностей, которые требуют соответственного варьирования общепризнанных методов.

Всякая экскурсия является организованным коллективно-самодеятельным восприятием в процессе движения. Признак движения, моторности, активного овладения пространством—первый и самый существенный признак экскурсионного метода. Повышая степень нашей восприимчивости, моторное чувство облегчает предметное восприятие материала, которое составляет основное содержание всякой экскурсии. «Уменье видеть», вооруженный «мыслящий взор»—главное, но не единственное орудие постижения мира; напряжению зрения сопутствует в экскурсии сочетание слуховых, осязательных и даже обонятельных ощущений, которые наслаиваются в последовательном и строго рассчитанном порядке. Этот момент организованности,—внешнего и внутреннего единства, которые обеспечиваются руководителем-педагогом,—составляет непременное условие экскурсионного изучения. При этом, как общее правило, изучение построено не в форме индивидуального и пассивного восприятия, а в форме совместной, коллективно-творческой проработки избранного об'екта: руководитель имеет дело с группой, с маленьким социальным организмом, который определенными приемами возбуждается к активной самодеятельной жизни.

Историко-революционная экскурсия на открытом воздухе вполне отвечает очерченному определению: она—моторна, заключается в предметном восприятии вещественного мате-

риала, организована единством темы, маршрута и метода, построена, как коллективное восприятие, сопровождается активно-творческими реакциями группы. Но она отличается от распространенного типа общественно-исторических экскурсий — и задачею, и темою, и материалом, и методами.

Ни одна экскурсия не ограничивается изолированным изучением воспринимаемого материала. Ее задача—шире и глубже: исходя из непосредственного ощущения экскурсантов, руководитель старается раздвинуть их внутренний горизонт, связать их воображение с другими жизненными явлениями, поднять их до высоты обобщающих выводов. Об'яснения руководителя и собственное размышление экскурсантов озаряют предмет неожиданным светом: его скрытое овеществленное содержание выступает наружу и помогает понять не только настоящее, но и прошлое, помогает постигнуть закономерную связь жизненных процессов. Наслоения речного берега раскрывают вековую историю геологических переворотов, архитектурные памятники города рассказывают о смене общественных классов, вещественные остатки революционного прошлого воскрешают драматические моменты вооруженной борьбы.

В этом отношении историко-революционные экскурсии принципиально не отличаются от других категорий экскурсий: и здесь от видимого мы переходим к воображаемому и мыслимому, от частного и случайного—к общему и закономерному. Экскурсионно изучая «московский посад», мы не ощущаем торгового быта XVII в. в непосредственном и полном созерцании, так же как не видим вооруженной борьбы дружинников на современных полузаснувших улицах московской Пресни. Принципиального различия здесь нет, но есть существенная разница в одном пункте: в степени соответствия наличного материала поставленной задаче и теме.

Задача общественно-исторической экскурсии по преимуществу логически-познавательная: нужно выяснить группе определенный круг социальных явлений, связать их в систему, использовать их для понимания современности. Эмоциональный момент присутствует здесь, как во всяком переживании, но он не играет главной определяющей роли. Историко-революционная экскурсия преследует иную задачу: не только вооружить экскурсантов познанием и пониманием фактов, но одновременно вдохнуть в них революционную эмоцию и волю к борьбе. Руководитель такой экскурсии должен не только «об'яснять» группе, он должен воодушевленно воздействовать на ее внутренний мир, возбуждая ответные отклики—сочувствия, негодования, пафоса. Историко-революционная экскурсия преследует практическую

общественно-воспитательную революционную задачу—в этом ее первое существенное отличие.

Второе отличие заключается в ее теме. При всем разнообразии построения, основное ядро всякой историко-революционной экскурсии составляет описание революционной борьбы, раскрытие ее внешнего и внутреннего драматизма, оживление минувших событий. Легче и проще воссоздать статичные культурно-бытовые картины, чем воскресить в воображении экскурсантов быстро сменяющиеся и полные динамизма боевые эпизоды. Моменты индивидуального и массового под'ема, столкновения человеческих воль, напряжения боевой энергии—более сложные и трудные об'екты для экскурсионной обработки. Нужно большое мастерство педагогической техники, чтобы экскурсионно овладеть содержанием историко-революционной темы и организовать ее предметное восприятие группою.

Эта трудность увеличивается еще более вследствие скудости вещественного материала. В распоряжении экскурсиониста-естественника все разнообразие даров природы: каждый уголок леса, луга, речного берега дает ему неисчерпаемый запас для наблюдений и опытов; руководитель общественно-историческими экскурсиями располагает огромными запасами ценнейших культурных памятников, которые кристаллизовали в себе идеологию и быт разнообразных общественных формаций. Гораздо хуже положение педагога, строящего историко-революционную экскурсию: следы революционной борьбы, несмотря на ее хронологическую близость, выступают бледнее и реже. Эта особенность вытекает из самого существа революционных явлений: быстро сменявшиеся драматические события не могли овеществиться в такой прочной и выпуклой форме, как длительные и постепенно наслаивавшиеся культурные состояния. Экскурсионисту приходится исходить из менее значительного и менее яркого материала; на каждом шагу он чувствует пробелы, и недостаток материальных реликвий революционного прошлого вынужден восполнять вспомогательными пособиями.

Отсюда—последнее отличие историко-революционных экскурсий: более сложные и изощренные формы ее методов. Чем сложнее задача и тема, чем ограниченнее и бледнее материал, тем совершеннее должны быть приемы экскурсионной работы. Историко-революционная экскурсия пред'являет более строгие требования к педагогу-руководителю: он должен увлечь свою группу настроением борьбы, обобщить наблюдения в стройные выводы на материале недостаточном, иногда бледном, иногда косвенно связанном с содержанием темы. Чтобы достигнуть этой цели, он должен изы-

скать недостающие об'екты восприятия, заразить группу искренностью собственного под'ема и организовать мысль коллектива логичностью своего построения. Нигде «живое слово» руководителя—яркое, образное, воздействующее на чувство,—не играет такой огромной роли, как в историко-революционных экскурсиях. Нигде не приобретают такого значения наглядные вспомогательные пособия, которые восполняют недостаток зрительных образов. И—что особенно важно—именно здесь заявляет о себе с такой силой основное условие всякой экскурсии: необходимо тесно связывать словесный комментарий с предметными и, прежде всего, зрительными ощущениями. В противном случае историко-революционная экскурсия вырождается в иллюстрированную лекцию, вместе с тем теряя все свои методические преимущества.

Историко-революционная экскурсия сравнительно новое явление в нашей педагогической практике. До сих пор круг ее разработанных тем оставался крайне ограниченным, приемы ведения—недостаточно разработанными, методическое обоснование—слегка затронутым в литературе. И все-таки историко-революционные экскурсии завоевали себе прочное место в текущей работе, непрерывно развиваются, прокладывают себе собственную методическую дорогу. Драматизм ее содержания и эмоциональность ее тона помогают заинтересовать и подчинить себе группу. Вот почему трудность и методическая неразработанность экскурсии этого типа не должны останавливать рядового руководителя: учитывая накопленный опыт и корректируя его собственной работой, он сумеет нащупать более правильные и совершенные способы воздействия на экскурсантов.

Переходя к обоснованию революционных экскурсий, вошедших в состав данного сборника, необходимо прежде всего остановиться на их содержании. Все экскурсии являются вариациями на о б щ у ю т е м у: «Октябрьская революция на территории Москвы». Авторы ставили своей целью экскурсионно выявить картину революционной борьбы в условиях определенного места и времени, во всей конкретности живых и волнующих эпизодов. Но задача конкретно-исторического изображения не устраняла необходимости социологического истолкования воссоздаваемых событий. Октябрьская революция представлена авторами как высшая точка напряженной и упорной классовой борьбы, дошедшей до степени вооруженного восстания. Подчеркивая активно-наступательную роль пролетариата, составители стремились оттенить руководящее значение партийного авангарда и важную роль боевых организационных органов. На ряду с энтузиазмом рабочих кадров подробно освещены технические

условия вооруженной борьбы, сопровождавшейся переменным успехом и связанной с риском поражения. Особенности уличного партизанского боя поставлены в связь с городской топографией. Победа советов истолкована как исходный момент будущей мировой революции. Октябрьская борьба, достигшая в Москве большого и длительного напряжения, захватившая и центр и окраины, обрисована с различных точек зрения. С одной стороны, экскурсионно освещены события, развернувшиеся в городском центре и получившие решающее общегородское значение,[1]) с другой стороны, выявлена борьба в различных городских районах, особенно насыщенных революционными столкновениями. В каждом районе раскрыта социальная и стратегическая обстановка, которая обусловила направление и формы событий. При этом в задачу составителей входило: обрисовывая борьбу каждого района, выяснить его связь с соседними районами и с центром, вдвинуть его в перспективу общемосковского восстания.[2])

Такая постановка избранной темы обусловила собой логическое построение экскурсий. Как общее правило, они развертываются по одному и тому же плану: сначала выясняются движущие силы октябрьской борьбы, поскольку они вещественно отразились в уличном материале района; затем освещается организационная подготовка к вооруженной борьбе -создание руководящих центров, мобилизация боевых сил, использование технических средств; наконец, раскрывается картина самой борьбы в конкретных условиях данной местности, на основе сложившегося соотношения борющихся сил; в заключение выясняются последствия и внутренний смысл происшедших событий. Такова основная логическая канва, к которой подбирался необходимый материал, и которая определяла собой маршрут экскурсий.

Материал, которым может воспользоваться руководитель октябрьских экскурсий, слагается из разнообразных элементов. На первое место следует поставить вещественные остатки борьбы, непосредственно или косвенно связанные с разыгравшимися событиями. Прежде всего надо использовать сохранившиеся следы уличных боев: метины от пуль, образующие иногда целые гнезда, говорящие о массовой и длительной перестрелке; пустыри, образовавшиеся от действия артиллерийских снарядов; «кирпичные» заплаты и другие результаты последующих исправлений. Несмотря на

---

[1]) Экскурсия по центру дана в трех вариантах, захватывающих разные уличные узлы и магистрали, но сведенных к одному конечному пункту.

[2]) Отсюда некоторые повторения в изложении фактов, неизбежные при пространственной конкретизации общего явления.

усиленную реставрацию поврежденных зданий, московские улицы имеют еще много домов с отчетливыми следами понесенных ранений. Иногда сосредоточенное наблюдение помогает нам проследить ясную линию боя по расстрелянным зданиям—на улице Герцена (б. Б. Никитская), на улице Кропоткина (б. Пречистенка) и на других магистралях города. Различие цвета старых и новых кирпичей на фасаде б. городской думы ясно обнаруживает место и степень причиненного разрушения. Открытая площадка у памятника К. А. Тимирязеву—наглядное воспоминание о пожаре и гибели находившегося здесь дома, места упорной, переменной и долгой борьбы.

Менее красноречивы, но очень важны архитектурные сооружения, которые являлись «фокусами событий», притягивающими и отталкивающими центрами нарастающих столкновений. Таков Кремль с его стенами и башнями, которые служили защитною оградою для белого штаба; здание Московского совета, которое сыграло роль могучего революционного символа в глазах пролетарской окраины; дома, занимавшиеся военно-революционными комитетами, которые стягивали к себе возбужденные рабочие и солдатские отряды; крупнейшие фабрики —резервуары накапливавшихся революционных сил; отдельные здания, служившие форпостами и боевыми пунктами сражавшихся противников. Многие из этих зданий утратили прежний боевой вид, внешние следы вооруженной борьбы окончательно изгладились на их подновленных и закрашенных фасадах. Но они попрежнему обвеяны богатыми воспоминаниями, неотделимо связаны с революционными образами и вызывают особое ощущение у каждой сочувственно настроенной группы. Как будто в этих недвижимых памятниках овеществилась революционная энергия, которая заполняла когда-то их стены возбуждающими речами, стуком оружия, трескотней и раскатами выстрелов. Нередко внешний вид этих зданий наглядно обнаруживает условия и формы борьбы: впечатления от фасада говорят о назначении и населении дома, место и высота здания—о его боевой роли, расположение отдельных частей—о причинах того или иного эпизода.

На ряду с памятниками—свидетелями и участниками борьбы—мы имеем позднейшие сооружения, которые косвенно отобразили революционные события. Прежде всего необходимо отметить могилы погибших деятелей, ассоциируемые с образами умерших, их революционной деятельностью и часто трагической смертью. Таковы братские могилы на Красной площади, которые вызывают представления о массовых жертвах Октябрьской революции и об отдельных, особенно выдающихся вождях. Особую категорию составляют худо-

жественные монументы, воздвигнутые победившей революцией: каждый из таких памятников заключает в себе определенный символ, который раскрывается и приобретает особое значение на фоне воссоздаваемых событий. Величественный обелиск Свободы на Советской площади и скромная колоннада на месте Хамовнического ревкома по своему истолковывают и иллюстрируют Октябрьскую революцию. Иногда вещественные воспоминания принимают более сжатую и простую форму наглядной эмблемы или выразительной надписи, украшающих фасад здания. Красный флаг, развевающийся над кремлевским зданием ЦИКа, такой же революционный символ, как образ пролетария на фасаде б. городской думы.

На втором месте в составе экскурсионного материала следует отметить топографию местности—расположение и взаимную связь городских проездов, русло реки, значение земного рельефа,—всю совокупность внешних географических факторов, которые оказывают такое сильное влияние на развитие и исход вооруженной борьбы. В каждом отдельном случае необходимо подметить и оценить эти местные особенности: учесть открытое положение и узловую роль площади, соединяющие функции уличных артерий, боевое значение узких переулков, стратегическую ценность высокого берега и т. д. Каждый из этих пунктов, подобно зданиям, мостам, железнодорожному полотну, мог послужить ареною революционного события, связан с воспоминаниями о том или ином эпизоде. Иногда уличная мостовая, перегороженная баррикадами, окопами и проволочными заграждениями, засыпанная пулеметными и ружейными пулями, покрытая фигурами перебегающих повстанцев, играла не меньшую боевую роль, чем та или иная каменная «крепость». Событие, воскрешенное на месте происшествия, с учетом всей окружающей обстановки, необычайно выигрывает в своей рельефности и внутренней убедительности. Поэтому каждый перекресток Тверской, на котором происходили партизанские стычки, каждый уголок Головинского сада, игравший роль подступа к Алексеевскому училищу,—такой же вещественный материал октябрьской экскурсии, как человеческие сооружения из камня и дерева.

В свою очередь архитектурный материал города может быть экскурсионным об'ектом не только по связи с революционными событиями. Ансамбли городских зданий—населенных домов, церквей, магазинов, фабричных предприятий, железнодорожных вокзалов—образуют разнотипные «социальные пейзажи», которые косвенно отображают общественную жизнь данного городского района. В историко-революционной экскурсии необходимо начинать с анализа общественных

классов, которые являлись участниками и двигателями революционных событий. «Социальный пейзаж» дает нам зрительный комплекс, который помогает обнаружить эти предпосылки борьбы, осветить местную социальную обстановку и подготовить зрителя к дальнейшему содержанию экскурсии. В качестве примера можно указать сумму разнородных впечатлений, воспринимаемых у Зубовской площади, на стыке «дворянской» и «рабочей» Москвы: по одну сторону Садового кольца, по проездам бульваров и б. Пречистенке—пейзаж городского центра, правильные ряды красивых и комфортабельных зданий; по другую сторону, у Теплого переулка—пейзаж рабочей окраины с громоздкими и закопченными фабричными зданиями. Еще резче социально-архитектурный контраст между б. Театральной площадью с ее богатыми и художественными памятниками и захолустной окраиной мещанского Дорогомилова. Для характеристики районного населения и его жизни важен не только общий ансамбль, но и отдельные детали: здание военных казарм, которое говорит о массовом скоплении солдат, железнодорожный вокзал с расходящимися рельсовыми путями, мелкие лавки, ремесленные мастерские и проч.

Пониманию социального лика района служит не только архитектурный материал; непосредственное восприятие современной жизни, наблюдение за прохожими и проезжими, эпизодические уличные сцены являются прекрасным источником для классовых характеристик. Правда, за истекшее десятилетие жизнь изменилась: произошли сдвиги, перестановки, опрощение, но многое сохранилось и может быть использовано. Попрежнему мы ярко чувствуем горячий пульс торгово-промышленного центра на б. Театральной площади, наблюдаем характерные черточки мещанского быта на улицах Дорогомилова, ощущаем пролетарский быт пресненской окраины. Особенно сильны такие «демографические» впечатления в отдельные, удачно выбранные моменты, например, при выходе рабочей массы из помещения фабрики, когда живым и колоритным потоком она заполняет всю ширину улицы.

Часто воспринимается не только зрительный материал - фигуры движущихся людей, их лица, костюмы и положение: нередко мы слышим живую человеческую речь, которая сливается с шумом машин и звуками заводских гудков, ощущаем немолчное оживление городской площади—уличные крики, грохот ломовиков, дребезжание трамвая, или, наоборот, «прислушиваемся» к тишине заглохшего пустыря или заснувшей окраины. Иногда зрительное и звуковое ощущения переплетаются с обонятельными, и резкий запах замоскворецкой пекарни помогает нам ярче ощутить при-

сутствие революционного питательного пункта. Мы видим, слушаем, обоняем и одновременно измеряем пространство боевой линии напряжением своим мускулов; так, сложным сочетанием разнородных ощущений мы всесторонне воскрешаем обстановку Октябрьского восстания.

Есть еще один материальный элемент, который сохраняет свое, хотя и не крупное, значение в ряду других экскурсионных об'ектов: современная номенклатура городских пунктов. Нередко улицы, площади и мосты имеют новые названия, связанные с Октябрьскими событиями 1917 г.: наглядный «архив города» пополнился именами активных деятелей, которые сыграли ту или иную роль во время восстания. Название Люсиновской улицы в Замоскворечьи должно быть так же использовано экскурсионистом, как название Померанцева переулка в районе Пречистенки.

Однако, очерченного материала далеко недостаточно, чтобы воскресить события во всей их полноте и конкретности: вещественные остатки, позднейшие символы, внешняя топография, «социальный пейзаж», бытовые наблюдения, предметные комплексы, номенклатура улиц не всегда соединяются в непрерывную и прочную экскурсионную ткань. Образуются неизбежные провалы, которые необходимо восполнить вспомогательным материалом зрительных и слуховых образов. Этой задаче служат переносные пособия, достаточно портативные и не стесняющие движения руководителя. К числу наглядных материалов нужно отнести фотографию, диаграмму и карту, к числу зачитываемых пособий—политические документы и революционные мемуары. Фотографии крупных и рядовых деятелей, заснятых событий, исчезнувших памятников дают документальную иллюстрацию к рассказу экскурсиониста, вносят конкретные поясняющие детали. В натуре мы видим здание Военно-революционного комитета—фотография дополнит наше восприятие образами его живых участников; мы стоим у места баррикады или окопа—фотография показывает нам самую баррикаду и самый окоп. Не менее существенно применение графических пособий, особенно схематической карты, наглядно рисующей экономику района, расположение и маневры борющихся противников. Такие схемы наглядно обобщают разрозненные и трудно вообразимые явления. Демонстрированию конкретных и схематических образов должна сопутствовать живая речь современников: тексты боевых приказов и яркие цитаты воспоминаний дают подтверждающую силу зрительным впечатлениям.

Подбор наличного материала определяет собою построение экскурсионного м а р ш р у т а. Экскурсия развертывается в

процессе движения—необходимо определить его исходную точку, его направление, главные и второстепенные остановки, его последний завершающий пункт. Надо наметить линию движения в полном соответствии с намеченной темой и с ее внутренним пониманием; необходимо, чтобы маршрут отвечал наличному материалу и был равномерно насыщен предметными восприятиями. Исходя из первоначальной логической схемы, экскурсионист строит остов своей экскурсии, располагая материал вокруг определенного стержня. Выбор такого стержня диктуется самым содержанием экскурсионной темы. Необходимо дать социально-политическую характеристику отграниченного района анализом его «социального пейзажа» и предметным восприятием его быта; обрисовать военно-политическую подготовку, опираясь на важнейшие революционные памятники; затем подробно и конкретно проследить перипетии вооруженной борьбы, следуя естественному ходу ее развития и соответственно переходя от одного боевого пункта к другому; наконец, подвести окончательные итоги, выбрав для этого наиболее благодарный обобщающий образ. Примером такого построения маршрута может служить октябрьская экскурсия по Дорогомилову: автор начинает изучение общим обзором дорогомиловской окраины с ее массой мещанских домишек, редкими фабричными трубами и резко выделяющимся вокзалом; он дополняет впечатление «социального пейзажа» непосредственными бытовыми наблюдениями: экскурсия проходит в самую глубь Дорогомиловского района и воочию убеждается в его мещанском, только частично рабочем характере. Затем перед группою последовательно проходят важнейшие опорные пункты нарастающей революции, воскресают картины митингов, заседаний, самостоятельного вооружения, захвата вокзалов, переправы ударников, самоотверженных разведок, причем создающаяся обстановка тесно связывается с предшествующим анализом. Далее, по дороге через Бородинский мост и Шубинский переулок, остановившись у важнейших боевых пунктов, автор развертывает картину вооруженных столкновений, обстрела района, ответного наступления и, наконец, победоносного захвата враждебной крепости—5-й школы прапорщиков. Выйдя на большую магистраль, в виду начинающегося городского центра, автор подводит итоги ограниченной районной борьбе и связывает ее с исходом общемосковских событий. Логический порядок явлений вполне примирен с хронологической последовательностью событий.

Вырабатывая маршрут, очень важно наметить наиболее удобные и выигрышные места остановок. Необходимо, чтобы позиции для наблюдений и выводов действительно обеспечи-

вали максимум результатов. Для восприятия социального пейзажа хорошо избирать возвышенную точку, с которой открывается широкая и общая перспектива,—так поступают авторы октябрьских экскурсий по Замоскворечью и Красной Пресне: первый дает характеристику района с колокольной вышки на Зацепской площади; второй—с высокого пригорка у Трехгорной мануфактуры. Для ощущения городского центра—его построек, движения и шума—необходимо останавливаться на середине узловых площадей. Так начинаются две центральные экскурсии и экскурсия по Баумановскому району. Для успешного и всестороннего осмотра важнейших памятников необходима перемена наблюдательных пунктов, иногда круговой обход, иногда медленное приближение с заранее отсчитанного расстояния. С этой точки зрения имеет крупное значение частая перемена позиций на Красной площади, при созерцании Кремля, или неоднократное приближение и возвращение к зданию Алексеевского училища в Баумановском районе.

При построении маршрута необходимо выделить ударные пункты, которые имеют важное значение в развертывании темы, особенно выдаются своим наружным обликом и должны сосредоточить на себе максимальное влияние экскурсантов. В коротком маршруте первой центральной экскурсии такими экскурсионными узлами являются здание «Метрополя» (боевой форпост противника), здание б. городской думы (его руководящий центр) и, наконец, Кремлевские стены, выходящие на Красную площадь (боевая крепость противника). В длинном маршруте бауманской экскурсии значение ударных пунктов имеют здание Военно-революционного комитета (руководящий революционный центр), мастерские осадной артиллерии (главная боевая сила восставших) и связанные друг с другом здания кадетских корпусов и Алексеевского училища (тыловая крепость противника и главный об'ект революционного наступления).

Очень важно, чтобы развертывание маршрута облегчало под'ем эмоционального восприятия, чтобы революционная экскурсия развивалась crescendo,—начинаясь об'ектами более спокойного созерцания и кончаясь источниками волнующих переживаний. Когда мы следуем от пресненской окраины к месту ожесточенных боев—Никитским воротам, мы испытываем длительную гамму революционного возбуждения: от окраинных домиков, где шло формирование боевых отрядов, мы последовательно проходим через узловые пункты нарастающих столкновений—у Горбатого моста, у Зоологического сада, на Кудринской площади, на Б. Никитской, наконец, на последнем боевом перекрестке, где кипела го-

1054892
при Ц. К. КПСС
БИБЛИОТЕКА
при ЦК КПСС

рячая перестрелка, грохотали орудия и пылали загоревшиеся здания.

Движение экскурсирующей группы должно по возможности соответствовать действительному движению наступавших революционных сил. Следуя по их пути, мы реальнее и ярче переживаем все частные эпизоды, логичнее и яснее распутываем нить событий. Все разработанные экскурсии, в большей или меньшей степени, следуют этому приему. Примерами такого воспроизведенного движения может служить хамовническая экскурсия: шаг за шагом она ведет нас дорогою боевых отрядов, которые захватывают магистрали Пречистенки и Остоженки, борются в прилегающих переулках, упорно продвигаются к зданию Военного штаба и заканчивают свой путь его победным захватом.

Наконец, важно заранее наметить исходный и заключительный моменты разрабатываемой экскурсии. Очень желательно, чтобы начало экскурсии давало яркое восприятие, возбуждающее внимание и овладевающее мыслью. Можно избрать для этого художественный символ (например, обелиск Свободы на Советской площади) или широкую перспективу расстилающегося пейзажа (Замоскворечье, Пресня, Дорогомилово), или комплексное ощущение волнующегося центра (остальные экскурсии). Необходимо, чтобы это была не частная деталь, вырванная из общего плана, а сильное, полное и целостное ощущение.

Заключительному моменту революционной экскурсии хорошо соответствует яркий синтезирующий образ, который в сжатой, но выразительной форме подводит итог пережитым событиям; примерами таких «эффектных точек» могут служить развевающийся красный флаг над куполом ЦИКа и символические статуи у под'езда б. Алексеевского училища.

Разработка маршрута дает схематический остов будущей экскурсии, формируя отобранный материал с точки зрения намеченной и продуманной темы. Для того, чтобы экскурсионная схема превратилась в одушевленное целое, необходимо, чтобы живая речь руководителя сплелась с самодеятельной работой экскурсантов. Для осуществления этой цели должны быть применены определенные методы ведения экскурсии. Основная задача руководителя—оживить и осмыслить разрозненные образы, вдвинуть их в общую картину событий, раскрыть их внутренний смысл и значение. Руководитель одновременно воздействует на мысль и на эмоции экскурсантов: вносит логический порядок в накопляющиеся факты и возбуждает ответные реакции взволнованного чувства. В разных частях экскурсии попеременно преобладает то тот, то другой из указанных моментов: выяснение предпосылок восстания требует спокой-

ного систематического анализа, воскрешение образов вооруженной борьбы должно захватить драматичным и красочным изображением. Соответственно варьируются приемы руководителя. Характеристику социального пейзажа можно давать в форме совместной, но планомерной беседы с постановкой наводящих вопросов, сообщением необходимых справок и демонстрацией схематических планов. Стоя на краю Варгунихиной горы, руководитель последовательно переводит взгляд экскурсантов на отдельные точки раскрывающегося пейзажа: обращает внимание на внешний облик дорогомиловских построек, на выделяющееся здание вокзала, на отдаленные трубы фабрик, на пограничную ленту реки, на низменное положение района и проч.; самостоятельно расчленяя первоначальное суммарное впечатление, экскурсанты получают дополнительные сведения о соседних районах, о роли Киево-воронежской железной дороги и т. д.; на схематическом плане Москвы они уясняют себе положение Дорогомилова в общей системе городской топографии.

Беседа также уместна при выяснении складывающейся стратегической обстановки: сосредоточенный анализ местных особенностей, наблюдения над высотою боевых пунктов, над кривизною и извилинами улиц, над прихотливыми изменениями рельефа лучше всего обеспечиваются коллективным обменом мнений, вопросами и ответами руководителя и участников группы. Именно так проводится соответствующая часть центральной экскурсии на б. Театральной площади, где социально-архитектурный анализ соединяется с топографическими наблюдениями.

Наконец, не менее уместна совместная беседа при подведении заключительных итогов в результате организованного наблюдения над современною жизнью избранного района. Короткие беглые беседы возможны и в других пунктах экскурсии—всякий раз, как логически-познавательным элементам необходимо дать перевес перед элементами, возбуждающими чувство.

Беседа требует со стороны группы активности, предполагая в ней предварительную работу сосредоточенного размышления. Для того, чтобы этот внутренний процесс протекал правильнее и успешнее, хорошо время от времени применять метод самостоятельных заданий. Группе предстоит длительный переход по Б. Дорогомиловской улице, основной уличной артерии района. Переход должен быть организован не только внешне, но и внутренно: группе дается самостоятельное задание—внимательно всмотреться в раскрывающуюся бытовую картину и выяснить, из кого состоит население района и как протекает его внешняя жизнь? При этом основной вопрос расчленяется на частные зада-

ния, которые распределяются между отдельными подгруппами: кто преобладает в составе пешеходов? Какой характер носит уличное движение? Каковы типические черты построек? О чем говорят вывески магазинов и лавок? и т. д. На углу 2-го Бородинского переулка группа останавливается и подводит итоги. В результате беглого обмена мнений удается установить единодушный и прочный вывод: мы находимся в привокзальном районе, с преобладанием ремесленного производства, мелкой торговли и мещанского населения. Руководитель подтверждает эти непосредственные впечатления экономической схемой Дорогомиловского района: обилие мелких предприятий и господствующая роль Брянского вокзала ясно вскрываются из цифровых данных. Вывод важен для понимания Октябрьских событий по территории мещанской окраины. Он не навязан руководителем, а пережит группою в процессе ее самостоятельного наблюдения и анализа.

Совершенно иначе строятся другие части экскурсии, в которых воссоздаются образы революционного под'ема и кипучей борьбы. Эти моменты центральные и самые ответственные в историко-революционной экскурсии. Задача руководителя меняется; он попрежнему озабочен последовательностью и стройностью освещения фактов, но его главная цель иная: воскресить прошлое, заставить группу представить себе реально и ярко переживания борцов и драматизм столкновений, ощущение риска и гибели, настроение победы и торжества. Орудием такого воскрешения событий является «живое слово» руководителя, который в форме драматического рассказа воздействует на творческое воображение экскурсантов. Необходимо заранее подобрать подходящие словесные краски, самому проникнуться настроением излагаемого момента, чтобы суметь передать его настороженным слушателям. Образная и искренняя речь руководителя должна перемежаться с умелым цитированием воспоминаний и документов. Иногда для поднятия эмоционального тона можно выбрать подходящий стихотворный или прозаический отрывок, используя его не в форме исторического источника, а в виде яркой художественной иллюстрации. Чтобы достигнуть более конкретного представления, важно дополнить недостающие образы демонстрированием фотографических снимков—событий, лиц и недвижимых памятников. Такое сочетание разнообразных элементов—уличного материала, наглядных пособий, самостоятельного рассказа, исторических и художественных цитат—должно давать стройное и внутренно-уравновешенное целое. Ощущение места должно быть исходным и преобладающим, фотографические и словесные иллюстрации

должны вкрапливаться как дополнительные штрихи, не перегружая восприятия; живая речь должна возбуждать, но не перетягивать натянутую струну усиливающегося под'ема. Подобно артисту, руководитель историко-революционной экскурсии должен воздействовать на группу и тоном своего голоса, и рассчитанными паузами, и энергией жеста. Но это использование внешних технических ресурсов не должно переходить в аффектацию и дешевое «актерство». Экскурсионист должен с начала и до конца стремиться к простоте и искренности выражения. Однако, соблюдая меру в средствах словесной передачи, он должен помнить, что его цель не только раз'яснить, но и взволновать, овладеть не только мышлением, но и чувством.

Примером такого сочетания разнородных элементов может служить соответствующее место в экскурсии по Городскому району. Двигаясь от почтамта по направлению к телефонной станции и развертывая картину происходившей здесь уличной борьбы, руководитель использует зрительные восприятия группы (кривые узкие переулки, выступы, углубления, проходные дворы, высокие громады домов, боевые пункты со следами пулеметного обстрела), связывает их драматическим рассказом, дополняет живыми штрихами из воспоминаний участника-солдата и, наконец, иллюстрирует фотографией, которая наглядно показывает степень разрушений, а следовательно, и степень напряжения борьбы.

Иногда, при определенной комбинации материала, оказывается необходимым переплетать живой рассказ о событии с топографическим анализом местности. В таких случаях педагогический такт должен подсказать руководителю, в какой мере можно допустить самодеятельность группы, чтобы не «расхолодить» экскурсию, или, наоборот, насколько уместно преобладание «живого слова», если оно мешает спокойному наблюдению. Примером такого сплетения различных приемов может служить замоскворецкая экскурсия, особенно в пункте последней остановки—у Крымского моста.

Особенность уличных экскурсий составляет длительные переходы от одной остановки до другой. Такие переходы являются естественными перерывами словесного изложения. Очень важно, чтобы они не превратились в эмоциональные и логические разрывы, которые разрушают единство и цельность построения. Иногда бывает важно дать короткую передышку группе, чтоб сберечь ее силы для последующего под'ема. Но нужно остерегаться, чтобы время неизбежного перерыва не заполнилось отвлекающими впечатлениями,—например, летучими разговорами на посторонние и чуждые темы. Необходимо сохранять за собою

непрерывное руководство группой, влиять на нее беглыми указаниями, вопросами, дополняющими замечаниями. Попутный материал должен входить органической частью в состав развертываемой экскурсии, оставаться в поле непрерывного зрения движущихся экскурсантов. Как общее правило, каждый переход должен быть мотивирован руководителем: направляясь от одного пункта наблюдения к другому, группа должна ясно осознавать взаимную связь отдельных экскурсионных звеньев. С этой целью руководитель бегло намечает задачу предстоящего осмотра или формулирует вопрос, вытекающий из пережитых впечатлений.

Таковы в общих чертах необходимые пояснения, которые следует учесть при разработке и проведении публикуемых экскурсий. Высказанные соображения одинаково применимы к экскурсионной работе со школьными и внешкольными группами. Причем и здесь и там должны быть приняты во внимание особенности каждого отдельного случая; с одной стороны, внешние условия работы (например, время года, час дня, погода и проч.), с другой стороны, социальный и возрастный состав группы, степень ее подготовки и интереса. Экскурсионист прежде всего педагог, который постоянно варьирует установленные приемы, чтобы достигнуть максимального эффекта. Каждая проведенная экскурсия есть творческий акт, который предполагает самостоятельную и обдуманную подготовку. Статьи, предлагаемые вниманию читателей, дают примерные схемы, отвечающие требованиям экскурсионной методики; но они не могут устранить главного условия плодотворной работы—живого искусства педагога-руководителя.

Н. Дружинин.

Борьба в Октябре 1917 года

В сквере на Свердловской площади, возле фонтана

Центр Москвы, Свердловская площадь,—шумит и мелькает на ней современная жизнь столицы. В быстром водовороте уличного движения среди ярких плакатов и криков газетчиков все внимание захватывают потоки людских масс с их интересами текущего дня. Но стоит лишь отойти в глубь сквера, и взгляд невольно переходит к спокойным громадам зданий, окружающих площадь. Построены они десятки лет назад в годы незыблемой, казалось, крепости старого строя, но символы и лозунги, украшающие их стены, говорят о другом, о новом, о близком нам времени.[1]) «Только диктатура пролетариата в состоянии освободить человечество от ига капитализма.—В. И. Ленин»,—твердо звучат эти слова, начертанные на одном из самых высоких зданий площади. Как же подошел пролетариат к диктатуре? Как завоевал ее? Об этом времени напряжения, борьбы и победы много могут сказать эти площади, улицы и здания, свидетели дней Октября 1917 г.

На окраинах города, на фабриках и заводах поднимались и организовывались пролетарские отряды. Каков же был враг, которого они встретили, и где он находился? Оглядимся по площади: против нас, налево от Большого театра, также находится здание театра (теперь МХАТ II); вплоть до октября 1917 г. здесь был частный театр Незлобина, одного из московских капиталистов; самое помещение театра Незлобин арендовал у другого капиталиста—Шелапутина, которым были устроены в Москве Учительский институт и гимназия. Что говорят нам эти факты? То, что к 1917 г.

---

[1]) Герб Республики и лозунг „Искусство трудящимся“—на здании Большого театра; цитата из В. И. Ленина—на стене „Метрополя“ посреди цветного орнамента.

русская, и в частности московская, буржуазия была уже сильна не только рублем, но и умом, образованием; знания и достижения европейской культуры были ей необходимым оружием классовой борьбы, и она покровительствует различным культурным начинаниям.

Посмотрим другие здания. Налево и направо от нас—многоэтажные дома бывших гостиниц «Континенталь» и «Метрополь»; последняя была самая большая и самая дорогая в Москве (здесь, в зависимости от этажа и стороны дома—суточная расценка номеров была от 5 до 25 руб.). Кого же обслуживала эта гостиница?

В конце сквера, за фонтаном

Она вплотную подходит к старой стене; за стеной—Китай-город,—та часть Москвы, которая по вековой традиции была центром экономической жизни. Здесь—биржа, здесь—банки, здесь—оптовые склады производств, работающих на окраине города. Но не только Москвой и ближайшими районами руководил Китай-город, —его директивы шли по всей тогдашней европейской России и дальше, в Сибирь; потому в номерах «Метрополя» постоянно можно было встретить иногородних представителей крупных фирм (например, фирмы Второва из Иркутска, Читы и др.), приезжавших в Москву для срочных сделок и не останавливавшихся перед оплатой дорогой гостиницы, расположенной зато так удобно.

Итак, Китай-город—центр экономической силы буржуазии. Сила эта обусловливает политическое значение класса, и мы видим сосредоточие и выявление этого политического влияния тут же, рядом: это здание бывшей городской думы. Теперь посмотрим на противоположный конец Свердловской площади: направо от Большого театра—магазин Мосторга, б. Мюр и Мерилиз (называвшийся так по фамилии учредителей-англичан). Предприятие было акционерным, в него были вложены и русские и иностранные деньги. Это здание нам служит напоминанием того типичного явления для 1917 г., когда многие русские крупные торговые и промышленные предприятия были связаны с иностранным капиталом.[1])

Итак, мы разобрали ряд зданий вокруг площади; в итоге—ясная характеристика той силы, которая поднялась

[1]) По данным П. В. Оля („Иностранные капиталы в России"), к началу Февральской революции иностранных капиталов, вложенных в различные акционерные и паевые кредитные, торговые и торгово-промышленные предприятия, т.-е. в их акции и облигации; было—2248 млн. руб.

против рабочих отрядов в дни Октября—буржуазии; она была сильна своим всероссийским влиянием, вооружена знаниями и политическими правами и имела крепкую опору в лице интернационального капитала.

На краю площадки сквера, в начале центральной дорожки

Еще одно дополнительное наблюдение выявит нам боевого союзника буржуазии в дни борьбы: на углу Б. Дмитровки и площади Охотного ряда мы видим большой дом с колоннами; теперь он принадлежит пролетариату, организованному в профсоюзы,—это «Дом союзов». Вплоть до 1917 г. это было «Российское благородное собрание»—центр и, вернее, символ всероссийского значения второй привилегированной группы старого строя—дворянства.

Выяснив таким образом, какого врага должны были встретить красные отряды и где находились здания и учреждения, особенно связанные с интересами привилегированных классов, мы ясно понимаем, что именно на захват этой части города пролетариат должен был положить много сил: пока банки и прочие центры влияния буржуазии были в ее руках, она не сочла бы себя разбитой. Поэтому сюда были выдвинуты с окраин наибольшие силы; здесь развернулись напряженные бои.

«Когда мы не знали, где находятся белые отряды, мы расстреливали их чековые книжки», говорил один из участников октябрьских боев Джон Риду, образно об'ясняя причину артиллерийского обстрела отдельных зданий в центре города.

Сопоставив по плану расположение районов с открывающимися перед нами улицами, мы уясним себе движение районных отрядов к городскому центру.[1])

На тротуаре, между сквером и зданием „Метрополя“

Что же происходило здесь, в центре? Приглядимся к топографии, к планировке этой местности: перед нами—Петровка; большие серые дома сдавили вход в нее; а дальше в тесный проезд улицы надвигаются контуры дальних зданий. Эта узость и кривизна Петровки типична,—все приле-

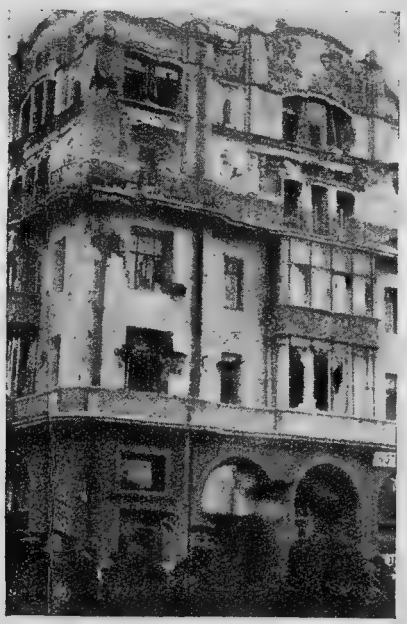
---

[1]) Красно-Пресненский—по Тверской, Б. Дмитровке, Петровке; сокольнический—по Мясницкой, Театральному проезду и по Никольской; бауманский—по Покровке и Ильинке; рогожско-симоновский—по Солянке и Варварке, замоскворецкий—охрана линии мостов; хамонический—борьба в своем и соседних районах. См. приложение Б.

гающие центральные улицы Москвы таковы: развернутым военным строем по ним не пройдешь; выходят же они на широкие открытые площади, окруженные высокими зданиями. Эти особенности планировки и ее преимущества для обороны и были учтены белыми с первых же дней Октябрьских событий: сюда было стянуто большое количество вооруженных сил, на крышах высоких домов размещены пулеметы; и красные отряды длительным артиллерийским огнем подготовляли возможность штурма, стоившего большого напряжения и жертв.

Против „Метрополя“ у д. № 1 на углу Свердловской площади и площади Революции

Особенно тщательно был укреплен белыми «Метрополь». С противоположного края площади хорошо видны высота этого здания и размеры его, и понятным становится стратегическое использование его крыши, господствующей над соседними кварталами: белым достаточно было обстрелять оттуда выходы из улиц на площадь, и все окружающие здания становились неприступными.



Здание б. гостиницы „Метрополь“ на Свердловской площади, после артиллерийского обстрела в октябре 1918 г.

Захватив 29 октября Большой театр, красные отряды готовят атаку Свердловской площади; навстречу пулеметному огню 3-дюймовое орудие красной артиллерии с Петровки начинает обстрел „Метрополя“; пули белогвардейцев залетают далеко по Петровке; ряд товарищей ранены, выбывают из строя. Но красногвардейцы не отступают: утомленные бойцы получают смену, а в следующие дни красная артиллерия укрепляется и по другую сторону Большого театра (в Спасском пер. у д. № 2 и в тупике у дома № 5).

Но лишь на пятый день обстрела 2 ноября, когда все здание гостиницы было изрешетено и была выбита боль-

шая часть белогвардейских пулеметов, красные отряды штурмом, с применением ручных гранат взяли „Метрополь".

По другую сторону того же дома, на площади Революции, против здания Мосфинотдела

Не меньшую роль играло в эти дни и здание б. городской думы. Рассмотрим внимательно его фасад: на темно-красном фоне стены (северо-восточной) выделяются кирпичи более светлого цвета: это—следы ремонта после обстрела. Немало снарядов посылала сюда красная артиллерия; здесь надо было не только ослабить укрепленную позицию противника, но и дезорганизовать его центр: в этом здании находился Комитет общественной безопасности, организация, которая руководила действиями всех контр-революционных сил в Москве.

В вестибюле здания Мосфинотдела

Войдем в вестибюль этого здания.[1]) Перед нами большая парадная лестница; она ведет в зал заседания; зал находится во 2-м этаже над вестибюлем (которому он равен по площади). Вот здесь-то, в этом зале, 25 сентября 1917 г. (ст. ст.) было созвано экстренное заседание городской думы тогдашним городским головой эсером Рудневым. К назначенному сроку все гласные в сборе. Думский зал набит битком, но ни шума, ни разговоров не слышно. В напряженной тишине заместитель городского головы Минор открывает заседание. Руднев информирует собравшихся о событиях в Петрограде: «Временное правительство в опасности, орудия «Авроры» наведены на Зимний дворец»,—упавшим голосом сообщает докладчик. Дальше—одно за другим нарастают перед собранием события питерского Октября.

Но информация встречена молчанием: на скамьях «правящей» партии эсеров полнейшая растерянность. Выручают кадеты, предложившие вместо обсуждения выслушать «сидящих на левых скамьях виновников грозных событий». Большевики, оппозиция тогдашнему думскому большинству [2]), принимают вызов,—слово берет И. И. Скворцов: «Вы жалкие, мелкие людишки,—говорит он, обращаясь к эсерам»—На-

[1]) В настоящее время оно занято Мосфинотделом, и во внутренние помещения пройти нельзя.

[2]) В лице Н. И. Бухарина, И. И. Скворцова, В. Н. Подбельского Б. Волина и др.

род—рабочие и крестьяне—ненавидят вас за ваше небывалое предательство интересов революции. Начало революции вы стараетесь представить как выступление кучки заговорщиков. Вы сами отлично знаете, что это неправда». Обличая дальше политику эсеров, тов. Скворцов указывает, что они теперь фактически потеряли большинство среди масс, что народ отвернулся от них. «Суд истории настанет для вас раньше, чем это вы могли думать», заканчивает он свою речь [1]).

После речи тов. Скворцова начались выступления других фракций; общий смысл их речей сводился к тому, что положение совершенно неясно, необходимо ждать дальнейших событий, получить детальные информации Временменного правительства и т. д. Пока произносились эти речи, представители фракции большевиков один за другим покидают собрание; они потеряли надежду договориться здесь; они шли в районы Москвы, где перед московским пролетариатом уже вставала задача подготовки к бою. А думское заседание затянулось до позднего вечера; определенных решений не было вынесено. Продолжение собрания было назначено на следующее утро, 26 октября, когда и была принята соответствующая резолюция и организован Комитет общественной безопасности, под предлогом «охраны мирных жителей на случай возможных военных действий».

«Мирные» задачи Комитета общественной безопасности заставили его уже на следующий день, 27 октября, стянуть в центр города крупные силы белогвардейцев. Здесь, в вестибюле думы, был размещен отряд юнкеров; во дворе—полсотни казаков (казаки, однако, отказались впоследствии выступать против красных отрядов и все время держались нейтралитета); все окна, выходившие на площадь, были своеобразно забаррикадированы: папки думских «дел», ящики письменных столов, чехлы пишущих машинок,—все пошло на укрепление этой белогвардейской цитадели. Были привезены пулеметы, подошли броневики, и белые начали укреплять площадь и соседние дома.

На площади Революции, возле Большой московской гостиницы, против здания Мосфинотдела

Глубоким окопом пересечена площадь; щетина штыков, дула пулеметов направлены из него в сторону Тверской; туда же глядят пулеметы с вышки Воскресенских ворот.

---

[1]) Статья В. Н. Подбельского в сборнике „Октябрьское восстание“, стр. 58.

А внизу, по площади—непрерывное движение вооруженных людей: то военным строем, то нестроевой группой, то в одиночку идут они в шинелях, в штатском пальто, в студенческой и гимназической форме—это контр-революция мобилизует своих защитников. Со штабом Московского военного округа—полный контакт; сюда полковник Рябцев (начальник штаба) двинул части из юнкерских училищ и школ прапорщиков [1]).

Здесь Комитет общественной безопасности готовился оказать главное сопротивление красным отрядам районов Москвы. Но... «Революция—вихрь, отбрасывающий назад всех ему сопротивляющихся», смело написал победивший пролетариат на этом убежище контр-революционного руководства в дни Октября [2]).

Как же удалось победить этот вооруженный, чуть ли не бронированный, центр разрозненным, безоружным районам? Уже 25 октября, как раз в то время, когда на думском заседании раздавались речи о неясности положения, о желательной помощи Временному правительству, в большой аудитории Политехнического музея происходило заседание пленума Московского совета. Здесь подавляющим большинством была принята резолюция о немедленной поддержке питерских товарищей, для чего и был избран Военно-революционный комитет под председательством Григория Александровича Усиевича [3]).

На углу площади Революции и Тверской улицы

Военно-революционный комитет поместился в здании Московского совета на Советской площади. Тут был готовый технический аппарат Моссовета, но территориально такой центральный пункт был более чем не выгоден Военно-революционному комитету. Близость к белому центру с первых же моментов борьбы была учтена юнкерами: отрезать отдаленные районы от Военно-революционного комитета, лишить их руководства красного центра—на это наталкивала белогвардейцев сама топография. И вскоре телефонные про-

---

[1]) В Москве тогда было два юнкерских училища—Александровское и Алексеевское. Из 6 школ прапорщиков только одна—Кремлевская—отказалась выступать и была арестована юнкерами.

[2]) Эта надпись над входом в здание б. городской думы была сделана к первой годовщине Октябрьской победы в 1918 году.

[3]) Резолюция была принята 294 голосами против 106 (меньшевиков и беспартийных) при 25 воздержавшихся (об'единенцев). В состав Военно-революционного комитета входили члены: Усиевич, Муралов, Смирнов, кандидаты—Аросев, Москалев, Рыков и Будзинский.

вода перерезаны, юнкерские патрули перехватывают живую связь с окраинами, все движение города через центр—в руках белых. Только кружным путем, через Пресненский район, доходят до Военно-революционного комитета отрывочные случайные вести из районов. Фактически в первые дни борьбы районы были почти совершенно лишены его директив. Но дело там не замирает, инициатива не слабеет, общность цели ведет их к одному: поднимаются красногвардейские отряды, рабочие группируются вокруг районных партийных органов, ячеек, отдельных лиц; к ним примыкают одна за другой солдатские части; но пока и те и другие бессильны: нет оружия. [1])

Но вот доходит в районы слух, что в самой сердцевине белогвардейского центра, в Кремле, большой склад оружия—Кремлевский арсенал—в руках красной части. Немедленно снаряжаются грузовозы, их направляют в центр.

Юнкерские части уже стянуты к Кремлю. Но они пропускают грузовозы через Троицкие ворота в Кремль.

Действительно, в Кремле—красная часть.

Быстро погружено 1500 винтовок, есть и патроны к ним. Едут назад. Но за воротами—застава юнкеров; грузовики арестованы, их заперли в манеж. Попытка окончилась неудачей; однако, районы не теряют надежды: новые планы, новые усилия—и наступление на белый центр ширится и растет.

А в центре уже много белогвардейских сил, горы пулеметных лент возле каждого наводчика. Правильно подвозится и продовольствие; только наличие красного Кремля нарушает все планы белогвардейцев.

На Красной площади, возле под'езда Исторического музея, откуда видны посты караула у Никольских ворот и на стенах Кремля

Как же могла произойти такая неудача в их центре?

Уже 25 октября, когда два заседания—Моссовета и городской думы—как бы символизировали предстоящее разделение всей Москвы на два враждебных лагеря, вести о них доходят и до Кремля.

В тот день караул в Кремле нес 56-й запасный пехотный полк, часть которого была расквартирована в кремлев-

---

[1]) По распоряжению Временного правительства еще летом 1918 г. из московских казарм было вывезено почти все оружие; минимальное количество было оставлено лишь для обучения маршевых рот, отправляемых на фронт.

ских казармах. Созывается общесолдатское собрание; решено оказать поддержку советам, не сдавать караула юнкерам.

Так на стенах Кремля стал на защиту революции первый красный полк.

Лица, не согласные с солдатской резолюцией, покинули Кремль (в том числе большинство офицеров 56-го полка): юнкера Рябцева расположились за стенами Кремля.

26 и 27 октября 56-й полк бессменно несет караул.

Комиссар Военно-революционного комитета Е. Ярославский и красный комендант О. Берзин поддерживают бодрость солдат. Но к вечеру 27 октября Берзин видит, что утомление солдат доходит до крайнего предела: ведь почти все караульные посты Кремля—на открытых местах; часовые стояли то под хлопьями мокрого снега, переходящего в дождь, то под леденящим ветром, когда дождь сменялся морозом, и намокшие шинели тяжелой корой давили усталые плечи. Однако, предложение полковника Рябцева сдать Кремль встречено единодушным отказом: солдаты рассчитывают продержаться до ночи; есть надежда, что подойдет на смену красная часть, обещанная по телефону тов. Усиевичем из Военно-революционного комитета.

Правда, сейчас телефон уже прерван белыми, никаких вестей не доходит в Кремль, но красные защитники не теряют уверенности. Какая же военная часть могла их сменить? Военно-революционный комитет имел тогда лишь одну вполне боеспособную группу в своем распоряжении—команду «двинцев» [1]).

Один из их отрядов и был вызван тов. Усиевичем в последнюю минуту работы телефона. На приказ выступать двинцы ответили немедленным согласием. Но... куда, для чего—на это замолчавшие провода не дали ответа.

Из Замоскворечья, где стояли двинцы, они решили итти к Моссовету,—ведь оттуда звонил тов. Усиевич; вероятно, Военно-революционному комитету грозит опасность.

На Красной площади, у под'езда Исторического музея, откуда видно место столкновения двинцев и юнкеров (посреди площади, между собором Василия Блаженного и памятником Минину и Пожарскому)

Уже поздно ночью их отряд, перейдя мост, выходит на Красную площадь. Вокруг тихо. В полной темноте отряд продвигается вперед. Вдруг, среди площади перед ними

---

[1]) См. стр. 50 — статья „Большевистский центр и роль рабочих районов".

вырастает вооруженная масса людей; слышится команда, и пули летят навстречу двинцам. Это застава юнкеров. Надо пробиваться; двинцы отвечают выстрелами; юнкера переходят в рукопашный бой; начальник отряда тов. Сыпунов поднят ими на штыки. Двинцы не дрогнули... наступают... пробились к Тверской. Но на Красной площади 45 их товарищей легло под пулями юнкеров. Это были первые боевые выстрелы в Москве; была первая кровь, пролитая за успех пролетарской революции.

Во-время пробились двинцы к Совету: обходное наступление юнкеров грозило в этот момент Военно-революционному комитету захватом. Но отбитые двинцами юнкера отступили, и Военно-революционный комитет мог продержаться до утра 28 октября, когда подошла ходынская артиллерия.

А в Кремле наступившее утро отняло последнюю надежду; всю ночь понапрасну ждали смены измученные солдаты; никто не пришел; вестей—никаких; в городе—полная тишина. И когда на рассвете Рябцев, лично вызвав Берзина к Троицким воротам, снова предложил ему сдать Кремль, уверяя, что вся Москва на стороне Временного правительства, что нет ни одной красной части, кроме кучки упрямцев 56-го полка,—Берзин решил открыть белым ворота. Выбора не было: о приходе красной артиллерии, о положении на окраинах он не знал. Что же ему оставалось? Или сдаться немедленно, но при условии свободного выхода из Кремля красным бойцам; или оттянуть еще несколько часов без надежды на помощь извне; тогда, при первой же попытке вооруженного наступления юнкеров обессиленные солдаты будут взяты, как пленные, но с оружием в руках, и пощады им не будет. Солдатский комитет теперь не возражал, и 28 октября в 7½ час. утра белые заняли Кремль.

Прошел час, полтора. Весь караул в руках юнкеров, и по сигналу обезоруженные солдаты 56-го полка выстроены на площади (Сенатской, теперь Каляевской) у казармы. Они ждут команды выступать из Кремля. Раздается другая команда: стрелять,—и с трех сторон начинают работать пулеметы [1]). Словно окаменевший в первое мгновенье от неожиданности, строй дрогнул и распался. Солдаты в панике мечутся по площади, ища защиты от пуль за выступами зданий, за лафетами старинных орудий. Все выходы предусмотрительно закрыты юнкерами, заперты и ворота в арсенальский двор; у калитки ворот груда барахтающихся тел. Кругом—крики и стоны. Через две-три минуты пулеметы замолкли. Под угрозой револьвера и шашки

---

[1]) Пулеметы стояли: один возле-царь пушки; другой—у дверей казармы; третий—со стороны Троицких втрот.

сгоняют юнкера уцелевших солдат убирать убитых и раненых товарищей; разместив их на грузовиках, юнкера увозят их из Кремля, а оставшиеся в живых загоняются во двор здания ВЦИК (тогда окружной суд); только вечером перегнали их в помещения казарм и арсенала, где они оставались в плену у белых до окончательной победы красных войск. Но день победы еще не наступил; 28 октября по городу только развертывались грозные события.

Районы, не раздобыв оружия в центре, вооружаются иными способами: то реквизицией у обывателя, то разоружением на вокзалах приезжающих офицеров. 29 октября—повсюду бои: взяты Симоновские пороховые погреба; почтамт, градоначальство, Курский и Александровский вокзалы—в руках красных. У Никитских ворот—жаркие бои с переменным успехом. Напряжение борьбы с обеих сторон так велико, что об'явленное руководящими организациями сторон на 30 октября перемирие фактически почти нигде не проходит. Обе стороны за этот день укрепляются: белые—приходом части ударников с фронта; красные—рабочими отрядами из губернии и области. Всякое промедление на-руку белым: они ждут прибытия с фронта еще значительных сил себе на помощь. Красные должны форсировать события, чтобы не попасть между двух огней с приходом фронтовых частей на вокзалы.

Решить исход многодневной борьбы надо не медля; надо скорее захватить белый центр. И вот 31 октября, в половине дня, Военно-революционный комитет издает приказ о расстреле Кремля тяжелой артиллерией с Воробьевых гор. С первых дней борьбы заготовлены красными эти орудия, но они бездействуют: Военно-революционный комитет щадит художественно-исторические памятники Кремля и три с половиной дня (с 28 октября, когда белые заняли Кремль) ждет капитуляции белогвардейцев.

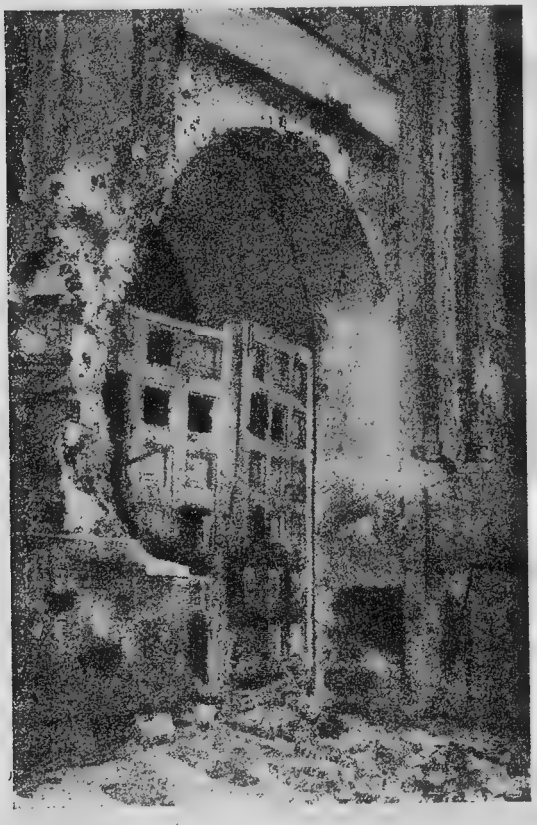
И только 1 ноября на подмогу наступающим районам, кольцом стягивающим белый центр, загремела воробьевская артиллерия.

Расчет Военно-революционного комитета оказался правильным, белые дрогнули: 1-го же ноября был поднят вопрос о заключении мира.

Целые сутки работала, при посредстве Викжеля, согласительная комиссия. 2 ноября когда красные части уже готовили штурм Кремля и артиллерийским обстрелом с Никольской и Ильинки расчищали путь наступающей пехоте, договор был подписан обеими сторонами (см. приложение 1-е). В 9 часов вечера был издан «Приказ всем войскам Военно-революционного комитета» о прекращении военных действий (приложение 2-е).

Утром 3 ноября пролетарские отряды, уже без выстрела, заняли Кремль.

Прошло семь дней, и 10 ноября Красная Москва хоронила своих павших товарищей. Весь день накануне и всю ночь подходили на Красную площадь, сменяя одна другую, группы людей: с кирками и заступами шли сюда рабочие и работницы из районов. При тусклом свете ненастного осеннего дня, а ночью, освещая работу факелами, готовили они братскую могилу.



Никольские ворота

Здесь на Красной площади, где раздались первые выстрелы по двинцам, было погребено 10-го ноября, около 500 товарищей под самой стеною Кремля, в борьбе за который они погибали.

Среди ряда могильных холмов, выросших возле братской могилы в последующие годы, одним из первых поднимается камень над могилой Джона Рида[1]). Это имя иностранца среди участников Октябрьской борьбы особенно подчеркивает мировое значение пролетарской революции. «Октябрь 1917 г.—это шаг к мировому Октябрю»,— говорит и знамя парижских коммунаров, помещенное иностранными товарищами в мавзолее над головою вождя, руководившего этими первыми шагами пролетариата.

З. Базилева.

---

[1]) В качестве корреспондента американских газет Джон Рид наблюдал Октябрьскую борьбу в Петрограде и Москве; позднее был избран членом Исполкома Коминтерна и умер от тифа в 1920 г.

Октябрь в Москве

Сквер на Арбатской площади (у часов)

Вокруг сквера на Арбатской площади всегда оживленно. Это узел, к которому со всех сторон сбегаются улицы. Это торговый центр для всего окружающего района.

Общий вид площади—дома, движение, пешеходы, даже маленькие посетители сквера—говорят нам о том, что мы не в рабочем районе. Действительно, мы в центральной части Москвы. Свои фабрики и заводы московская буржуазия концентрировала на окраинах, рабочий люд селился там же, и, занятый непосильным трудом, не нарушал налаженного хода жизни господствующих классов.

1917 год внес коренные изменения в жизнь этого буржуазного района.

Этот великий сдвиг начала Февральская революция.

4 марта Арбатская площадь видела печальную процессию—похороны жертв революции. Хоронили трех солдат автомобильной роты, и члены комитета общественных организаций—кадеты Челноков и Кишкин—прославляли бескровную революцию и говорили о необходимости «всеобщего» единения.

Прошло 4 месяца, и Арбатская площадь явилась свидетельницей других демонстраций. Мимо сквера движутся стройные ряды рабочих, пришедших с далеких окраин. Их знамена и плакаты пестрят уже большевистскими лозунгами.

Во главе—большевики. Этой демонстрации не приходится спокойно закончить свой путь. Офицеры и студенты нападают на идущих. Они врываются в их ряды, пытаются вырвать из рук рабочих развевающийся стяг. Эта попытка им не удается, демонстрация направляется дальше.

В эти июльские дни 1917 г. рабочие массы убедились в том, что проповедь классового мира—это пустые слова,

ведущие к поражению революции. Дальнейшая тактика буржуазии окончательно убедила их в этом.

С июля по октябрь растет и углубляется пропасть между двумя лагерями—пролетариатом и буржуазией.

25 октября в Петрограде дается сигнал к вооруженной борьбе.

25 октября в здании, занятом Моссоветом, формируется Военно-революционный комитет, в то же время организуются силы белых.

Арбатская площадь, против здания кино

Арбатская площадь—один из пунктов, где концентрируются силы белых. На углу Арбатской площади, в здании кино, уже с 26 октября (ст. ст.) была об'явлена запись в белую гвардию. Скоро у дверей кино выстроилась длинная очередь. В ней среди штатских костюмов мелькали синие студенческие фуражки и гимназические шинели. А напротив кино, в ресторане «Прага» находились вооруженные отряды и лежали запасы оружия. Всю площадь пересекали окопы и опутанная проволокой барикада, а у трамвайной станции было поставлено орудие, грозно возвещавшее о наступающих боях. Арбатская площадь превратилась в укрепленный лагерь. Движение замерло. Только отдельные офицеры и юнкера проходили по ней, иногда собираясь небольшими группами и обсуждая текущие события.

Вооруженные патрули стояли на каждом углу, напряженно вглядываясь в тревожную даль опустевших улиц.

Эти улицы (например, Арбат, ул. Воровского), пересекая центральную часть города, за Садовым кольцом упираются в рабочие районы. Там-то и была главная опасность для белых. Там медленно, но непрерывно росла боеспособность рабочих масс. Туда направлялись дула и штыки белогвардейцев, защищавших Арбатскую площадь.

Не случайно она была так хорошо укреплена. На углу ее, в начале ул. Фрунзе (б. Знаменка), в помещении, занятом теперь Реввоенсоветом, находился главный военный штаб белых.

Ул. Фрунзе, против Реввоенсовета

Самый вид здания с мощной колоннадой, столь характерной для дворянских построек, с барельефами, изображающими знамена, каски и прочие военные атрибуты,—говорит нам о том, для чего оно было предназначено. Уже с 1830 г. здесь помещалось Александровское военное училище. Это здание было удобно для штаба и по своей величине и

по наличию в нем вооруженной силы—юнкеров.Сюда направлялись на обучение и новые кадры контр-революции, только что записавшиеся в белую гвардию.

27 октября здесь созывается собрание офицеров и юнкеров для обсуждения вопроса о поддержке Временного правительства. Выясняется необходимость активного наступления.

Но уже в самом начале борьбы чувствуется непрочность оторванной от масс белогвардейщины. Солдатская масса колеблется. Казаки—бывший оплот правительства—отказываются итти против красных. Их запирают во дворе училища. Это первые пленные. А позже помещение главного штаба наполняется самыми разнообразными пленными—от перепуганного обывателя до активного революционера. И специальная следственная комиссия накладывает на их «дела» грозные резолюции, которые не удается, впрочем, приводить в исполнение.

Александровское училище быстро превращается в укрепленную базу контр-революции. Два пулемета на крыше делают его недоступным для нападения. Сюда свозится оружие. Здесь заготовляется продовольствие. Штаб готовится к упорной борьбе. У штаба постоянно дежурят патрули, требующие пропуска у проходящих. Вся улица, как и Арбатская площадь, превращается в военный лагерь.

От Александровского училища до угла Моховой

Улица Фрунзе (б. Знаменка) имеет свою определенную физиономию. В больших капиталистических домах и красивых особняках жила буржуазия и обеспеченные слои интеллигенции.

Переулки Знаменки того же типа.

Ул. Фрунзе (б. Знаменка) у Старо-Ваганьковского пер.

Только пройдя по этой улице можно понять, что штаб белых в этом районе был силен не только пулеметами и военными силами, но и сочувствием окружающего населения. Население этого района было главным резервом их сил. Здесь же, в под'ездах домов, устраивались питательные пункты для проходивших юнкеров.

Ул. Фрунзе (б. Знаменка) угол Моховой

Знаменка—прямой путь к Кремлю (с угла Моховой видна его Боровицкая башня и часть зубчатой стены). И это де-

лало еще более выгодным расположение главного штаба. Кремль— важный стратегический пункт, его защищает высокая и крепкая стена, в нем находится арсенал—склад оружия.

На Кремль было направлено внимание борющихся сторон. 27 октября из Александровского училища по распоряжению командующего Московским военным округом полковника Рябцева по Знаменке в Кремль направляется отряд юнкеров.

У Боровицких ворот

Юнкера подошли к Кремлевским воротам, но дальше проникнуть не смогли: они столкнулись с непреодолимой преградой в виде революционной охраны. В Кремле стоял отряд 56-го полка. Пропаганда, которую вел среди его солдат прапорщик Берзин, достигла своей цели: с первого дня борьбы полк перешел на сторону Военно-революционного комитета.

Эта поддержка дала возможность назначить тов. Ярославского комиссаром Кремля и арсенала, а тов. Берзина комендантом кремлевского гарнизона. Все же в Кремле, в Малом Николаевском дворце, помещался штаб контрреволюционеров, во главе с полковником Рябцевым. Белогвардейцы продолжали усиленно стягивать к Кремлю юнкеров. Наружная охрана Кремля была организована юнкерами, внутренняя—солдатами 56-го полка. При выходе из Кремля белые пред'являли пропуск, выданный красными, а для прохода через караулы юнкеров требовалось разрешение Рябцева.

Настроение было тревожное и напряженное. Такая ненормальная обстановка—обстановка «двоевластия»,—чувствовалась не только в Кремле. Весь город был об'ят тревогой и напряженным ожиданием. На заборах и стенах домов рядом с приказами ВРК были расклеены распоряжения КОБ. Это тоже красноречиво говорило о «двоевластии». Такое положение не могло быть длительным. Переговоры между обоими руководящими центрами ни к чему не приводили.

27 октября Рябцев пред'явил Военно-революционному комитету ультиматум: немедленно об'явить себя распущенным, возвратить взятое из арсенала оружие и вывести солдат 56-го полка из Кремля. На обсуждение было дано 15 минут. В случае отказа Рябцев угрожал открыть огонь по Совету. Ультиматум был единогласно отвергнут. Борьба становилась неизбежной. Красная разведка сообщила о решении юнкеров взять Кремль во что бы то ни стало в ночь на 28 октября. Ожидая наступления юнкеров, прапорщик Берзин часов в 8 вечера закрыл наглухо Кремлевские во-

рота и расставил возле них пулеметы. Двумя часами позже юнкера начали обстреливать Кремль, сначала из винтовок и пулеметов, затем из бомбометов и 3-дюймовых орудий. Красные отвечали ружейными и пулеметными выстрелами. Часам к 3½ ночи перестрелка прекратилась, к 6 час. утра выстрелы окончательно стихли. Ночью же было прервано телефонное сообщение. Этим Кремль был отрезан от ВРК. К 7½ час. утра Берзина вызвали в команду офицеров-броневиков (она находилась в Кремле). Там ему заявили, что вся власть в городе в руках Комитета общественной безопасности; Военно-революционный комитет отказался от борьбы, весь гарнизон сдался и обезоружен, войсками Рябцева заняты все центральные учреждения. Белогвардейские офицеры предлагают Берзину снять красные караулы и впустить в Кремль юнкеров. При сдаче они гарантируют солдатам 56-го полка полную неприкосновенность личности. Для выполнения пред'явленного ультиматума Берзину дается 25 минут. В противном случае Рябцев угрожает открыть орудийный огонь. «Разговор короток,—говорил он,—все войска разоружены уже мною, я требую немедленного безусловного подчинения Требую немедленной сдачи Кремля». Вот как рассказывает Берзин о мотивах, побудивших его подчиниться приказу:

„Вся внешняя обстановка: затишье в городе, отсутствие связи с центром, благодаря перерыву связи с Советом (центральная станция телефона не соединяла меня с Советом)—все это заставило меня подумать, что офицер броневиков говорит правду. Не рассчитывая, что имею возможность силами одного кремлевского гарнизона продержаться, я решил подчиниться приказу и сдать Кремль, чтобы спасти солдат от расстрела, избегнуть бессмысленного пролития крови солдат. Я знал, что моя участь все равно горька“[1]).

С большим неудовольствием встретили кремлевские солдаты решение Берзина. «Нет, господин комиссар,—ответили они,—мы Кремля не сдадим, нам все равно погибать, так лучше погибнуть с оружием в руках».

Однако, Берзину удается убедить их. Солдаты сложили оружие и разошлись по казармам. Берзин же направился к Боровицким воротам и собственноручно открыл их. Невдалеке от ворот уже стояли юнкера с винтовками «на изготовку», здесь же находились пулеметы и одно орудие.

«Шапку долой»,—уже издали кричали они Берзину. Несколько белогвардейцев подошли к нему, пытались его обезоружить и избить. Во избежание каких бы то ни было эксцессов, ему была дана охрана из нескольких офицеров и юнкеров. Берзин идет от ворот к воротам, выполняя при-

[1]) „Москва в октябре 1917 г.“ стр. 96.

каз Рябцева. Так, Кремль без боя, путем провокации, переходит в ночь с 27 на 28 октября в руки белогвардейцев. Красные потеряли один из важнейших стратегических пунктов, который с этого момента становится цитаделью контрреволюции. Много сил и упорной борьбы потребовалось позже для того, чтобы вернуть его в свои руки.

Где же черпала пролетарская революция свои силы?

Угол Манежной и ул. Фрунзе (б. Знаменка) возле Александровского сада

Перед нами Замоскворечье. В архитектурном пейзаже видны новые элементы—маячат трубы. Они вскрывают нам социальную физиономию местности, они говорят о фабриках, заводах, о капитализме и его «могильщике»—пролетариате. И, действительно, это один из больших рабочих районов Москвы. Он отделен узкой полосой Москвы-реки от буржуазного белогвардейского центра. Там находился мощный источник революционной энергии. Взглянем на схематический план, [1]) рисующий расположение враждующих сил в начале октябрьской борьбы: вот он—белый центр, простерший свои цепкие лапы почти до Садовых, к которым примыкает стальное кольцо красной Москвы—рабочих окраин. И только единственная улица в центре, и то не вся—Тверская—в руках у красных. На ней помещался Военно-революционный комитет. С большим под'емом, необычайно дружно откликнулся пролетариат Москвы на призыв Военно-революционного комитета и выступил для борьбы за лозунги, выдвинутые пролетарским вождем Владимиром Ильичем Лениным: «Вся власть советам», «Мир народам, земля крестьянам», пишут уже в июне на своих знаменах рабочие массы. Еще до октября в рабочих районах шла подготовка к борьбе: обсуждались ее планы, формировались отряды Красной гвардии. 28 октября по призыву ВРК на промышленных предприятиях была прекращена работа. Происходит массовая запись в отряды Красной гвардии. Употребляются героические усилия для того, чтобы получить оружие. Каждый район имеет свой ревком, который становится центром, организующим массы. К нему стекаются красногвардейские отряды, с нетерпением ожидая, когда их направят в бой. Каждая фабрика, каждый завод спешит принять горячее участие в развивающихся событиях. Силы красных распылены, оружие достать трудно, нет военной подготовки, массы начинают организовываться лишь во

[1]) См. приложение Б.

время самой борьбы. И в первые дни борьбы белые берут в свои руки боевую инициативу. Юнкерские училища, школы прапорщиков, офицерство—вот их силы. Они сконцентрированы, хорошо вооружены, имеют военных специалистов. В их руках средства связи: телефон, телеграф, почтамт. Исключительно качественным перевесом сил можно об'яснить их успехи. Мы на границе рабочего Замоскворечья и белого Кремля с прилегающим к нему буржуазно-дворянским районом. Это два враждебные лагеря, два классовые врага, вступившие в решительную схватку. Одна из преград, замедляющих наступление красного района на белый центр—мосты через Москву-реку—заняты юнкерами. И на той небольшой территории, которая нам видна, велась активная борьба. По ту сторону реки, с башни трамвайной электростанции, красногвардейцы Замоскворечья обстреливали противника. Под обстрелом находился перекресток Манежной и Знаменки. Это затрудняло связь белогвардейского штаба с Кремлем. Знаменка теряла значение питательной артерии белых. Следы пуль на д. № 5 по Манежной ул., говорят о происходившей здесь борьбе, указывают направление обстрела со стороны Замоскворечья. Вдали, высоко над домами, блестит золотой купол храма Христа Спасителя. На храме белыми были поставлены пулеметы; они превратили его в один из пунктов, обстреливавших красное Замоскворечье. Итак, Замоскворечье—рабочий район, который ближе всех других районов примыкал к Кремлю. Белые, так безболезненно овладевшие Кремлем, усиливали тяжесть положения района.

Как же развивались события в самом Кремле?

Последуем за прапорщиком Берзиным в тот момент, когда он открывает Кремлевские ворота по требованию Рябцева.

Сапожковская площадь, против Троицких ворот

Перед нами Троицкие ворота и вытянутое вдоль стены желтое здание арсенала. Там, в Кремле, большевистски настроенная солдатская масса. По эту сторону—белогвардейцы, нетерпеливо ожидающие возможности вступить в Кремль. Сняв у ворот караул, Берзин двинулся дальше. Не успел он дойти до Спасских ворот, как услышал ряд выстрелов. Они раздавались с различных сторон Кремля. Берзин не знал, чем об'яснить эти выстрелы. Он был немедленно арестован и посажен на гауптвахту. Ворота открыты, красные караулы сняты—путь для юнкеров в Кремль свободен.

На площади возле Троицких ворот и арсенала по приказу командира юнкеров выстроили кремлевских солдат.

Все солдаты были обезоружены и не сомневались, что их начнут выпускать через Троицкие ворота в город. Не сомневались в этом даже и тогда, когда увидели направленные на них три пулемета. О том, что произошло несколькими минутами позже, расскажу словами одного из участников, солдата Ильи Носкова:

„Томительные долгие три минуты рокового молчания были прерваны командой офицера: „Смирно! Руки по швам". Мы застыли в ожидательной позе. Вскоре откуда-то, один за другим, раздалось несколько ружейных выстрелов, к которым присоединилась ураганная трескотня пулеметов. В наших рядах началась паника, слышались истерические крики и стоны раненых, а оставшиеся в живых спешили укрыться от этого дикого расстрела в стенах арсенала, но так как ворота арсенала были закрыты, и для входа была оставлена лишь маленькая дверь, в которую с трудом могут пройти два человека, здесь произошло что-то ужасное, и скоро у входной двери образовалась гора барахтающихся людей, которые давя друг друга, ползли кто куда мог. В довершение этой жуткой картины откуда-то один за другим прогремели три орудийных выстрела, попавшие в нашу людскую массу. Снаряды рвались, разрывая на куски наших солдат, обезображенные трупы летели в сторону казарм 56-го полка" [1]).

Так сдержали юнкера свое обещание по отношению к красным солдатам. Это были те выстрелы, которые услышал Берзин. Зверский расстрел кремлевских солдат вошел в историю Московского Октября как один из кровавых эпизодов.

Сапожковская площадь, против манежа

Белые, овладев Кремлем, стремились укрепиться и в тех зданиях, которые его окружают. Особенно привлекателен был манеж, где стояли автомобили. Уже 26 октября ВРК получил сообщение, что манеж занимается юнкерами, и что есть распоряжение Рябцева перегнать автомобили в Кремль, или же привести их в негодность. Такое распоряжение доказывает, что Рябцев допускал возможность нападения красных на здание манежа. Он предпочитал испортить машины, чем дать возможность противнику ими воспользоваться. Манеж становится оплотом сил белых и удерживается ими до последних дней борьбы.

Уг. Моховой и ул. Герцена (б. Б. Никитской) против университета

Другим важным опорным пунктом контр-революции в этом районе был университет. И если в прошлом студенты

---

[1]) „Москва в октябре 1917 г.", стр. 100.

занимали не последнее место в истории революционного движения, то в дни октябрьских боев, когда встал вопрос—как быть, с кем выступать—мы видим студентов, записывающихся в ряды белой гвардии. Это дети буржуазии, чиновничества, дворянства, выступившие на защиту своих классовых интересов. На университете еще до сих пор можно увидеть ясные следы пуль. Нетрудно определить их направление. Моховая ул. ведет нас к Тверской—району красных. Оттуда, очевидно, шел обстрел.

На Тверской ул., возле I Дома Советов

Мы на Тверской. Эта узкая, изогнутая улица и части прилегающих к ней переулков—район расположения красных сил в центре. За поворотом улицы, в теперешнем здании Моссовета, помещался руководящий орган красных—Военно-революционный комитет.

ВРК со всех сторон окружен противником, который всячески стремится его обстрелять. Он отрезан от районов и временами лишен какой бы то ни было связи с ними. В таких условиях ему трудно руководить массами. Не раз ставился вопрос о том, не оставить ли Тверскую, не перенести ли свой штаб в один из рабочих районов. Но силы, несущие охрану Военно-революционного комитета—против этого; кроме того опасение, что противник может истолковать переход, как слабость и отступление, заставляло отказываться от этой мысли. Районы спешат послать вооруженные отряды на помощь Военно-революционному комитету.

28 октября к Совету прибывает артиллерия с Ходынки, на площади перед зданием расставляются орудия. Само здание превращается в военный лагерь. В положении ВРК наступает заметный перелом. Силы красных начинают продвигаться вниз по Тверской. Здесь им приходится выдерживать упорную борьбу, каждая пядь земли берется с боя. Красные ведут усиленный обстрел перекрестков, желая этим нарушить связь между районами белых вправо и влево от Тверской. Следы обстрела на доме № 7 (в Охотном ряду) красноречиво говорят о силе происходивших здесь боев. Белые всячески стремятся препятствовать дальнейшему продвижению революционных сил. Их обстреливают из прилегающих домов, их встречает огонь пулемета, поставленного белыми на Иверских воротах. Белогвардейцам необходимо защищать Воскресенскую площадь.

Площадь Революции, против здания II Дома Советов.

Здесь, на площади, помещалась Московская городская дума— центр, вокруг которого группировались силы контрреволюции в дни октябрьской борьбы. 26 октября на заседании был избран Комитет общественной безопасности, который противопоставил себя ВРК. Если в Александровском училище помещался военный штаб белых, то как раз дума— в своем большинстве эсеровская—стала гражданским штабом, который руководил всей политической стороной борьбы. Там происходили частые совещания, шла подготовка к открытым выступлениям. Уже с первых дней здание думы начинает укрепляться, в подвальный этаж привозится оружие, продовольствие, размещаются юнкера; позже барикадируются его окна. Укрепляется и площадь: от здания думы к Московской гостинице проходил окоп, на Иверских воротах стоял пулемет; все здания, прилегающие к площади, например, Б. Московская гостиница, бывший ресторан Тестова, бывшая гостиница «Метрополь»—все было занято белыми и удерживалось ими до самых последних дней борьбы.

Сравним положение обоих руководящих центров: КОБ помещался в районе расположения сил, которые являлись его опорой. Окруженный со всех сторон своими, он чувствовал себя, как бы в крепости. Это создавало сравнительно спокойную обстановку работы, а исключительно выгодное положение давало возможность планомерного руководства. Всего этого лишен руководящий орган красных—ВРК. Рабочие районы—основной источник сил красных—чувствуют недостаток общего руководства, но проявляют максимум активности и инициативы.

Вот уже сломлено сопротивление белогвардейского гнезда в Лефортове—Алексеевского военного училища. Взято оружие, пулеметы. Разбит враг в Рогожско-Симоновском районе. Охрану Симоновских пороховых погребов, сыгравших важную роль в снабжении патронами, с 29 октября несут красногвардейцы. В остальных районах наблюдаются такие же успехи [1]).

Один за другим прибывают в распоряжение районных ревкомов красногвардейские отряды. Нет недостатка в борцах.

Борьба упорна, но все же цель достигнута. Положение у себя закреплено, можно отдать теперь все силы центру. Все ближе и ближе продвигаются к белому центру силы красных. Все меньше и меньше становится район расположения сил противника. Вот уже 29 октября после упорной

---

[1]) Здесь следует продемонстрировать схематич. план, рисующий это наступление красных районов.

борьбы силами Сокольнического района взят почтамт, идет борьба за овладение телефонной станцией.

Жестокие бои происходят у мостов (Крымского, Б. Каменного). Там наступают силы Замоскворецкого района. Стальное кольцо красных окраин сжимается все туже и туже. Первые победы усиливают революционный энтузиазм, дезорганизуя и разлагая в то же время ряды противника. Промышленные центры—Тула, Серпухов, Коломна, Орехово-Зуево и др.—присылают подкрепления. Боевая инициатива окончательно вырвана из рук белых. И дальнейшая борьба развивается не в их пользу. Красные отряды продвигаются к зданию думы. 29 октября восставшие занимают Большой и Малый театры. Возле Большого театра революционные отряды ставят орудия и начинают обстрел Комитета общественной безопасности. Большевики со всех сторон окружают этот очаг контр-революции. 1 ноября КОБ вынужден покинуть думу. Здание думы сильно пострадало от обстрела. Сейчас оно ремонтировано, но новый, более светлый кирпич на левом углу 2-го и 3-го этажей, новые наличники окон там же—указывают на бывшие здесь разрушения.

Забелинский пр., возле Исторического музея

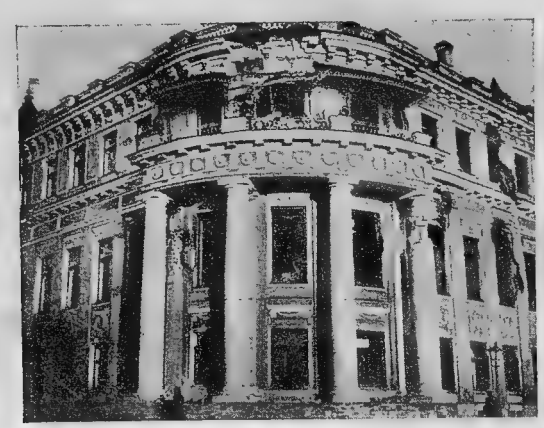
Нужно напрячь последние усилия, нужно овладеть самым неприступным оплотом контр-революции—Кремлем. На борьбу за Кремль направляют красные свои силы. Прошло несколько дней, положение его резко изменилось.

Вспомним первый день борьбы—внутри его охраняют красные караулы, снаружи белогвардейцы усиленно стягивают к нему юнкеров.

Красная площадь, возле под'езда Исторического музея

Сейчас положение иное: революционные войска тесным кольцом сжали Красную площадь, и ничто не может остановить их натиска. Белые делают попытки прорваться через Китай-город, хотят снова овладеть мостами, но красные отбивают их. Наступление революционных сил идет со стороны Китай-города по его трем артериям: снизу—по Варварке с боем продвигаются отряды Красной гвардии Рогожско-Симоновского района, по Никольской наступает Бауманский район, по Ильинке—солдаты 85-го полка и 1-й артиллерийской бригады и те же симоновцы. Их встречает беспрерывный пулеметный огонь белых. Они отстреливаются из

здания Верхних торговых рядов (теперь ГУМ), которое было занято ими с первых же дней борьбы; они стреляют из пулемета, поставленного против храма Василия Блаженного. Под бурным натиском красных, они сдают одну позицию за другой. ВРК решил дать последний бой контр-революции. Он ставит вопрос об артиллерийском обстреле Кремля. Жаль исторических памятников, не хочется их разрушать. Но усло-



Малый Кремлевский Николаевский дворец—штаб белогвардейцев в октябре 1917 г.

вия борьбы требуют этого. Колебания отброшены. 31 октября отдан приказ начальникам районной Красной гвардии «перенести огонь на Кремль». 1 ноября раздались первые орудийные выстрелы. Орудия были расставлены в разных частях города: Замоскворецкий район ставит орудия на Воробьевых горах, у Бабьегородской плотины; Рогожско-Симоновский район на Швивой горке. Орудие стояло и на Никольской улице. Таким образом, можно было прямым прицелом обстреливать Никольские ворота.

„Был форменный обстрел Кремля — пишет в своих воспоминаниях т. Буравцев [1]). Стрельба шла с перерывами. Шесть выстрелов под ряд, затем перерыв, иногда довольно продолжительный. В последних случаях мы заключали, что ведутся переговоры. Опять стрельба—значит, не договорились. Снаряды разрывались в разных местах, кругом стоял гул. Земля дрожала. Обстрел Кремля, где находился главный штаб белой гвардии, был для нас символом: Каждый снаряд нес с собой освобождение. Он разбивал старые „устои“ [2]).

Вот уже (2 ноября) взято здание Верхних торговых рядов, на углу Никольской улицы и Красной площади—

[1]) Один из арестованных, переведенный из Александровского училища в Кремль.

[2]) „Москва в октябре 1917 г.,“ стр 141.

два красных орудия, идет борьба у самых Никольских ворот. Белые еще держатся, но бесполезность борьбы и безвыходность положения сознается ими. К вечеру 2 ноября председатель КОБ эсеровский городской голова Руднев обратился к ВРК с предложением сообщить условия для прекращения боевых действий. Их побуждает к этому,—говорит Руднев,—желание спасти «исторические памятники и святыни» и прекратить «избиение мирных жителей», гибнущих от большевистских пуль. В 5 час. вечера между ВРК и КОБ был подписан договор о прекращении борьбы (зачитываются пункты 1, 2, 4 и 5. См. приложение № 2).

В 9 час. вечера был издан «Приказ всем войскам ВРК»: «Революционные войска победили. Юнкера и белая гвардия сдают оружие» (см. приложение № 1).

Рабочие массы, при активной поддержке партии, смели в революционном порыве своего классового врага. Не легко досталась им победа. Упорная борьба и тяжелые жертвы лежат на пути к ней.

Здесь же на Красной площади, где происходили бои, московские рабочие хоронили первые жертвы Октября. К братским могилам их мы и пройдем.

Красная площадь, возле братских могил

«Слава передовому отряду пролетарской революции!», читаем мы на Кремлевской стене. Впереди же, вправо (к Никольским воротам) и влево (к Спасским) от мавзолея—длинные насыпи. Это и есть братские могилы. Здесь похоронено около 500 борцов Октябрьской революции. 10 ноября московские рабочие хоронят своих погибших товарищей.

И не случайно здесь, впереди братских могил, похоронен Владимир Ильич. Здесь павшая ленинская дружина, здесь похоронены его соратники по борьбе и работе.

За могилами борцов, в Кремле, над центральными органами пролетарской власти—ЦИК и Совнаркомом—реет красное знамя, символ борьбы, символ мировой революции. Кремль—центр, который притягивает к себе взоры всего мирового пролетариата. В революционные праздники массы демонстрантов, проходящих по Красной площади, наглядно показывают свою мощь и спаянность. И еще и еще раз повторяют, что Октябрь 1917 г., вдохновителем и вождем которого был Ленин, а творцами его—павшие товарищи, лишь этап к будущей мировой социалистической революции.

Н. Шапиро.
А. Б. Закс.

Большевистский центр и роль рабочих районов в октябре 1917 года

Советская площадь

Мы находимся на маленькой, почти замкнутой площади Москвы. Осмотримся вокруг. Все дома окрашены в красный цвет. Недаром один из участников Октября назвал площадь «пламенной».

Площадь украшена обелиском, смело врезывающимся в небо. У подножья обелиска «Статуя Свободы» стремится вперед и жестом руки призывает зрителя следовать тому бурному движению, которое так ярко выражено всей фигурой и развевающимися складками платья. К чему она зовет? В ее левой руке—земной шар, но она охватывает только шестую его часть. Призыв «Свободы» к трудящимся «построить новый свободный мир» на всей земле.

Обход обелиска

Какими средствами можно «разрушить мир насилья»? Пусть нам ответит обелиск. Обходя его кругом, мы увидим лозунги: «Вся власть советам», «Не трудящийся—не ест». Такова экономическая база и политическое оформление государства, которое об'единит работников всего мира в один свободный союз. Первый лозунг стал популярен среди пролетариата после апреля 1917 г., второй—после Октябрьской победы над капиталом.

На постаменте памятника, против I раздела конституции

Рассматриваемый памятник носит название «Столб конституции», так как его основанием служат три медных доски на которых отлит «Основной закон Российской Социалистической

Федеративной Советской Республики». Медные буквы говорят нам, что «Россия об'является Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», которая ставит своей основной задачей «уничтожение всякой эксплоатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы и победу социализма во всех странах». «Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству—советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

Присмотримся к барельефам внизу. Пулемет, пулеметная лента, шлем красного бойца свидетельствует, что конституция—результат боевой победы. В раскрытой книге дата: «25 октября 1917 года». Наша задача раскрыть еще несколько страниц этой книги героической борьбы трудящихся с эксплоататорами и посмотреть, как протекали боевые дни. Для выполнения поставленной задачи прислушаемся к голосу немых на вид каменных свидетелей «Красного Октября».

А. И. Рыков

На площади перед Моссоветом

Перед нами здание Московского совета рабочих депутатов—сердце, своим биением организовавшее всю революционную периферию—рабочие районы Москвы.

В маленькой комнате 3-го этажа заседает Военно-революционный комитет [1]) и партийная «пятерка» [2])—руководящий центр октябрьского восстания. Вокруг Военно-революционного

[1]) ВРК был избран на пленуме советов рабочих и солдатских депутатов в Политехническом музее. За избрание голосовало 394 депутата, против—106, воздержалось—23. Эсеры отказались участвовать в голосовании. В состав Комитета вошли: от большевиков тт. В. Смирнов, Муралов, Усиевич, Ломов; кандидаты—Аросев, Москалев, Рыков и Будзинский; от меньшевиков—Тейтельбаум и Николаев; от об'единенцев—Константинов. „Октябрьское восстание", стр. 174.

[2]) Состав партийного центра: от МК—О. Пятницкий и М. Ф. Владимирский, кандидатом В. Н. Подбельский; от Окружного комитета—В. И. Соло-

комитета—ряд организаций: бюро красной разведки, оперативный штаб [1])—отдел по организации районов и др. Сюда стекаются донесения о ходе боевых действий; отсюда посылаются приказы во все районы Москвы.

27 октября ВРК об'являет приказ:

„Революционные рабочие и солдаты города Петербурга во главе с Петербугским советом рабочих и солдатских депутатов начали решительную борьбу с изменившим революции Временным правительством. Долг московских солдат и рабочих поддержать петербурских товарищей в этой борьбе... Для руководства Московский совет рабочих и солдатских депутатов избрал Военно-революционный комитет, который и вступает в исполнение своих обязанностей... Весь московский гарнизон немедленно должен быть приведен в боевую готовность... Никакие приказы... не исходящие от Военно-революционного комитета... исполнению не подлежат".

Военно-революционным комитетом издается целый ряд воззваний: к железнодорожникам, почтово-телеграфным служащим, крестьянам; рабочие призываются к забастовке и организации отрядов Красной гвардии. По районам разосланы делегаты для приведения в боевую готовность красногвардейских и солдатских масс.

В момент вступления в активную борьбу у Военно-революционного комитета почти не было реальных сил. 26 и 27 октября к Совету подходит лишь отряд самокатчиков, 7 грузовозов, 2 автомобиля, несколько пулеметов, 55-й запасный пехотный полк и отряд «двинцев». [2])

Постепенно здание Совета превращается в вооруженный лагерь. На некоторых окнах пулеметы. В комнатах нижнего этажа устроен лазарет. Формируются летучие отряды; здесь же организовался склад оружия, которое удается частично переправить районам. Красногвардейцы и солдаты заполняют комнаты, коридоры и лестницы здания. У них здесь и питательный пункт и назначение караулов и нарядов. Жизнь бьет здесь ключом и день и ночь.

Белый центр организовался одновременно с Военно-революционным комитетом. На стороне белого лагеря был почти весь командный состав московского гарнизона; в руках про-

---

вьев, кандидат—Т. В. Сапронов; от областного бюро—В. Н. Яковлева и И. Н. Стуков, кандидатом—И. С Кизельштейн.

[1]) Командующим красными войсками был Н. И. Муралов, его помощником—А. Аросев.

[2]) „Двинцы"—солдаты, отдельных полков Северного фронта, в подавляющем своем большинстве—большевики или сочувствующие им. Они были заключены в тюрьму г. Двинска и после долгих мытарств переведены в Бутырскую тюрьму, откуда были выпущены по постановлению Московского совета рабочих депутатов. „Двинцы" первые откликнулись на призыв ВРК к борьбе и работали в красной разведке и других самых опасных и ответственных местах.

тивников—артиллерия; мобилизуются юнкера и ученики кадетских корпусов; открыта запись в добровольческие дружины. Командующий войсками Московского военного округа полковник Рябцев принимает на себя военное командование белыми силами и об'являет город на военном положении. 27 октября в 6 час. вечера Рябцев пред'являет Военно-революционному комитету требование сложить полномочия. Срок для ответа 15 минут. Идет голосование.

Г. А. Усиевич

Г. И. Ломов

„В комнате, где мы сидели[1]), было светло, а вся Москва, казалось, тихо притаилась и стиснула зубы против нас, против солдатского муравейника в стенах Совета... Товарищ председатель сосчитал голоса: за то, чтобы отвергнуть ультиматум Рябцева—большинство. Трезвые, твердые цифры голосов за и против убили колебания. Почти в то же самое время затрещали отдаленные выстрелы на Красной площади. То, что мы решали здесь поднятием рук, там наши товарищи разрешили свинцом и своими жизнями“[2]).

Только на рассвете 28 октября с Ходынки подошли несколько орудий 1-й запасной артиллерийской бригады, и их грозные дула были направлены во все стороны, откуда мог угрожать враг: по Козьмодемьянскому переулку, вверх и вниз по Тверской улице. Советская площадь все больше заполняется солдатскими частями. Но белые не дремлют.

---

[1]) Аросев—„Как было“.—„Москва в октябре 1917 г.“, стр. 75.
[2]) Это „двинцы“ из Замоскворечья пробивались к Совету.

Среди солдатских рядов шныряют провокаторы и шпионы из белого лагеря. Им удается разложить небольшую часть колеблющихся. Солдаты, оставшиеся на стороне Военно-революционного комитета, задерживают этих агитаторов и заполняют ими нижний этаж здания Совета и гостиницу «Дрезден» (теперь 3-й Дом профсоюзов—Тверская, 28).

В «Дрездене» помещался Московский комитет РСДРП (большевиков) и редакция его газеты «Социал-демократ».

С 28 октября Советская площадь—хорошо защищенная крепость. Но даже 1 ноября сюда удалось пробраться броневику белых и обстрелять Совет. У «Дрездена» была пробита дверь. Залп из орудия от угла Чернышевского пер. заставил броневик быстро удалиться вниз по Тверской.

Очевидно, здание Совета окружено враждебной стихией. Чтобы разобраться, кем населены дома в непосредственной близости к Советской площади, пойдем по направлению пушечного дула, ожидающего врага со стороны Страстной площади.

На Страстной площади

Наблюдения над характером зданий по Тверской улице вскрыли перед нами социальный состав населения, заселявшего эти дома. Богатые украшения на стенах, зеркальные витрины нижних этажей свидетельствуют, что Тверская—улица торговой буржуазии.

Таково же и каменное лицо Страстной площади: дом купца Базыкина (маклера по продаже домов, Страстная пл., 47), магазин готового платья с зеркальными стеклами (теперь магазин Ленгиза, Тверская, 49), гостиница (теперь клуб КУТВ,—Тверская, 46) классическая гимназия (теперь Коммунистический университет трудящихся Востока,—Страстная пл., № 3), где училась молодая смена буржуазии, и, наконец, монастырь, процветавший на даяния купечества. По этому проанализированному нами небольшому отрезку центральной части города, где помещается Совет, можно понять, что Военно-революционный комитет находился среди населения, кровно ненавидящего власть советов и каждую минуту готового помочь врагам рабочего класса.

Живая сила Военно-революционного комитета—рабочие районы—расположилась по окраинам города, и техническая связь между ними и ревкомом была очень затруднена. Делегаты Военно-революционного комитета, отправлявшиеся обходными путями в тот или иной район, возвращались иногда только через сутки.

Районы были предоставлены самим себе. В них шла горячая работа по вооружению рабочих. Каждый район со-

здавал районный Военно-революционный комитет и отряды Красной гвардии.

В начале борьбы через Страстную площадь еще можно было пробраться за кольцо Садовых. 27 октября площадь захватывают юнкера и начинают отсюда обстрел Совета. На следующий день красная разведка доносит: «у Страстного стоит наша артиллерия—одна батарея» (5-я батарея 1-й артиллерийской бригады). Орудия направлены к Никитским воротам. Туда же наступают и красные части. В рядах бойцов, кроме «двинцев» и 193-го полка, занявшего площадь,— рабочие Пресни, Сокольнического района, завода № 38 и др. По улицам и площадям, засыпаемым пулями и снарядами

Н. И. Муралов

А. Я. Аросев

противника, под постоянной угрозой обстрела из любого дома, единицами, пятками, десятками, вооруженные чем попало, пробираются рабочие со своих окраин в центр, чтобы биться за спасение Военно-революционного комитета.

На Тверском бульваре, против Сытинского пер.

Противник развивает встречную стрельбу. Прячась от пуль, красногвардейцы перебегают от дерева к дереву, кое-где идут цепью и, наконец, окапываются, перегородив бульвар на высоте Сытинского переулка. Окружающее население вполне сочувствует белому лагерю; к северу от бульвара

Козихинские переулки и Бронные улицы заселены студенчеством, которое в октябрьские дни стало на сторону контрреволюции; из домов по проезду бульвара №№ 20, 18, 17 обстреливают рабочих.

Против здания градоначальства

Особенно бешеный пулеметный и ружейный обстрел слышался из здания градоначальства. Со Страстной площади раздался орудийный залп... еще раз... Из окна градоначальства показывается белый флаг. И вот по направлению к Совету идут свыше 200 пленных белогвардейцев под охраной 25 красных солдат. Обойдем территорию градоначальства.

Через проходной двор (Тверской бульвар, № 26), угол Малого и Большого Гнездниковских пер.

Переулки, которыми мы проходим, как бы намеренно созданы для уличной борьбы. Они напоминают узкие окопы, изломанные так, будто один угол отстоит от другого на расстоянии винтовочного выстрела. В переулках ожесточенные схватки. Об этом свидетельствуют раны от пуль на зданиях градоначальства (теперь МУР, Б. Гнездниковский пер. д. № 3) со стороны Тверской и на углу Никольской церкви, обращенном к градоначальству.

29 октября утром у церкви стоит красный пост из 7 человек. По правой стороне переулков тянется территория градоначальства [1]), до 30 октября занятая белыми.

Угол Шведского и Леонтьевского пер.

По Гнездниковским переулкам ходят красные дозоры по 2—4 человека. По Леонтьевскому переулку 30 октября «один человек чуть не на весь переулок». У Совета еще очень мало людей. Каждое донесение красной разведки заканчивается требованием об усилении постов и о замене измученных товарищей, которым приходится не спать по нескольку ночей.

В белом лагере совершенно другая картина. Рябцев получает телеграммы из ставок командующих фронтами о следовании в Москву кавалерии и гвардейской бригады с артиллерией; идут слухи о движении казачьих полков для

[1]) Здесь до Февральской революции помещалось охранное отделение.

борьбы с большевиками. Недаром в переговорах с членами Военно-революционного комитета Рябцев заявлял: «Стоит мне пять минут поговорить по прямому проводу, и в мое распоряжение будут присланы надежные части с фронта» [1]). 29 октября по переулкам от Никитской улицы белые начали наступление на Совет.

Леонтьевский переулок переходит из рук в руки. Каждый дом, каждый двор—крепость. Враги нередко занимают со-

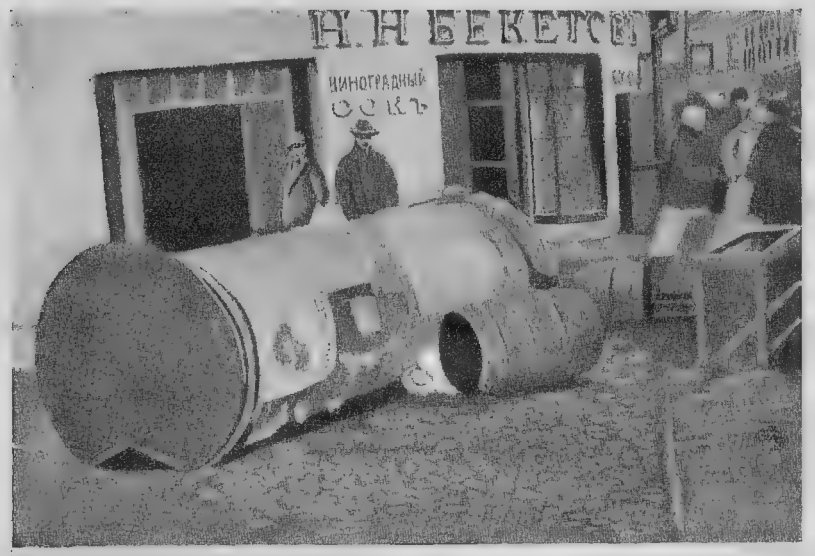
тов. Будзинский

В. М. Смирнов

седние владения. Дома №№ 7 и 9 заняты юнкерами и офицерами, они перелезают через ворота и дома по направлению к градоначальству и Совету рабочих депутатов; из дома № 1 красные обстреляли отряд белогвардейцев; в доме № 4 на крыше—пулемет; из дома № 12/9 по Леонтьевскому переулку, где был лазарет, стреляли юнкера затем. он был занят красными. На углу Леонтьевского пер. и Тверской улицы—баррикады красных. По всему переулку оживленная перестрелка, следы от которой и сейчас мы заметим на стенах бывшего лазарета.

[1]) „Москва в октябре 1917 г.“, стр. 73.

В Леонтьевском переулке, застроенном богатыми домами. юнкерство чувствовало прочную почву под ногами и вросло настолько крепкими корнями, что его выбили только артиллерийским огнем. Даже 2 ноября, когда весь переулок был в руках большевиков, в доме графини Уваровой (№ 18), по соседству с усадьбой Совета, была обнаружена засада из 30 казаков.



Баррикада на углу Леонтьевского пер.

Угол Большого и Малого Чернышевских пер.

Упорная борьба развернулась во всей паутине переулков между Никитской и Тверской улицами. Поражает, насколько близко боевая линия подходит к Совету. Ведь дом по Большому Чернышевскому пер. № 16, стены которого изрыты обстрелом со стороны белых, всего через два владения от здания Совета, а стена дома № 12 на другом углу переулка изрешетена выстрелами с Тверской. Половина Большого Чернышевского пер. (между Никитской ул. и Мал. Чернышевским пер.)—в руках белых, а в части переулка, примыкающей к Тверской улице, утром 29 октября ходят красные «патрули по 3, по 4 человека через 20 и 25 шагов».

Брюсовский пер.

Если белогвардейцы подходили к самому Совету, то и красные бойцы занимали позиции, вплоть до Никитской ул. Штаб отряда 56-го полка, оперировавшего в переулках, помещался в доме № 2, выходящем на Никитскую улицу. Борьба в переулке носит партизанский характер. Здесь мы наблюдаем то же отсутствие фронтовой линии, как и в других переулках. Из окна высокого дома № 1 все время раздаются одиночные выстрелы; во дворе дома № 4—красногвардейцы, в доме напротив (№ 11) арестовано несколько юнкеров. С колокольни Англиканской церкви (дом № 5), удобного наблюдательного пункта над сетью окружающих переулков, до 3 часов дня 29 октября ведется пулеметный обстрел проходящих белых дозоров, пока, после жестокой схватки, окончившейся потерями с обеих сторон, колокольня попадает в руки белогвардейского «батальона смерти». С этого момента над переулком град пуль. Идет перестрелка между Англиканской церквью и «Ливадией» (Тверская, № 29), защищающей здание Совета.

У обрыва во дворе дома № 6 по Брюсовскому пер.

Рабочие, солдаты 56-го полка и «двинцы» упорно отстаивают каждую пядь земли вокруг Военно-революционного комитета. Для связи между переулками используются дворы смежных владений, например, по Брюсовскому пер. двор дома № 6, соприкасающийся с домом № 5 по Газетному пер. Забор над обрывом снесен. Через двор в одиночку и группами то и дело пробегают солдаты, быстро спускаются вниз, и уже борются в Газетном переулке.

Тверская улица, у д. № 26

Мы выходим на Тверскую улицу. Здание Московского совета опять недалеко от нас. Мы обошли Совет кругом, все время находились в непосредственной близости к нему и в то же время шли по пограничной с белыми полосе.

Юнкера подходят все ближе и ближе. Военно-революционный комитет в железном кольце. С часу на час можно ждать, что комитет окончательно отрежут от районов.

Белые занимают центральную телефонную станцию, почту и телеграф, некоторые вокзалы. Положение казалось безвыходным.

„От нечеловеческой усталости, от того, что притупились нервы в последние два,-три дня, мне вдруг сделалось решительно все равно: разобьют нас юнкера, или мы их разобьем. И это чувство безразличия охватило меня именно тогда, когда наша борьба была на переломе, и когда мы, сидящие в Совете и стиснутые кольцом юнкеров, чувствовали под собой колебание почвы, чувствовали, как слабеют руки, чувствовали, что мы как будто вместе со всеми отрядами наших товарищей—солдат скользим по роковому краю, на страшном острие, по одну сторону которого—победа, по другую—смерть [1]).

По стратегическим соображениям решено было перевести Военно-революционный комитет в один из районов, но рабочие и солдаты отказались оставить Совет.

Контр-революция уже готовилась праздновать свою победу.

Но 29 октября был переломным днем борьбы. Призыв к забастовке, брошенный революционным центром, встретил горячий отклик на фабриках и заводах. Районные ревкомы осаждаются группами рабочих, требующих оружия. Уже не одиночками, а целыми отрядами красногвардейцы пробиваются на выручку к Военно-революционному комитету. Их боевыми усилиями границы белых в переулках вокруг здания Совета отодвигаются дальше, к Никитской улице. Упорная борьба ведется во всех частях города. Захвачены вагоны с винтовками, поступают снаряды из Мызы Раево, в разных концах города слышны не только винговочные, но и орудийные выстрелы.

29 октября отрядами Красной гвардии отвоеваны почта и телеграф, заняты Курский и Александровский (ныне Белорусский) вокзалы (откуда можно было ожидать прибытия подкреплений белым), взяты Симоновские пороховые склады и, наконец, интендантские склады—питательная база противника.

Ряды бойцов становятся все мощнее от приливающих из районов рабочих. Гром борьбы пробуждает фабрику за фабрикой не только в Москве. На помощь московским товарищам приходят красногвардейцы из рабочих районов Московской области и даже из других губерний (например, Тула прислала грузовики с пулеметами).

Отстояв Совет, красные отряды наступают вниз по Тверской. Пойдем и мы вместе с ними.

Угол Камергерского пер. и Тверской ул.

Наступление идет перебежками от одного выступа дома к другому или обходом через проходные дворы (один из таких дворов мы видели в Брюсовском переулке).

[1]) Аросев. „Как было“.—„Москва в Октябре“, стр. 77.

Для укрепления уже занятых позиций роются окопы, один из них перерезал Газетный переулок. Переулок, после жестокого боя, занял отряд одного из заводов. В доме № 7 был штаб этого отряда.

Продвижению красногвардейцев несколько помогает кривизна Тверской. Пользуясь изгибом улицы, можно собираться, например, у угла Камергерского переулка и организовывать групповые заслоны.

По середине улицы наступление невозможно, так как Тверская обстреливается пулеметным огнем с крыш гостиниц: бывш. «Пассаж» (Тверская, № 15) и бывш. «Националь» (Тверская, № 9), господствующих над улицей, благодаря своей высоте и удачному положению. Только грузовые автомобили, наполненные рабочими и солдатами с винтовками, быстро мчатся по пустынной мостовой.

Угол Долгоруковского пер. и Тверской ул.

Из Камергерского и Газетного переулков бойцы пробегают проходным двором (№ 17) в Долгоруковский переулок и, прижимаясь к стене «Пассажа», пробираются к Тверской. Но их встречает лобовой огонь из домов бывших купцов Сушкиных (Тверская, № 16). И только после того, как эти дома удалось обыскать, явилась возможность продвигаться дальше. Гостиница «Пассаж» была обыскана 1 ноября. Разведка заметила, что «матросы», которые только что были в Совете и получили какие-то инструкции, сидят в гостинице и пьют вино среди офицеров и юнкеров. «Матросы» оказались шпионами, их арестовали. В гостинице поставили караул. Любопытно, что буржуазии для того, чтобы попасть в советский лагерь, необходимо было переодеваться в платье рабочего моряка.

Но у борющихся не было уверенности, что раз взятая позиция уже безопасна. Присматриваясь на Тверской улице к зеркальным окнам магазинов, мы заметим то там, то тут деревянные кружки—заплаты на ранах от пуль. Одиночные выстрелы раздавались чуть ли не из каждого дома—с чердаков, из окон, из-под ворот. Смерть грозила наступающим и с фронта, и с флангов, и с тыла. Особенно тяжела стала борьба в конце Тверской, куда доставал пулеметный огонь с Воскресенских (Иверских) ворот и выстрелы из Лоскутной гостиницы (д. № 5).

Угол Тверской и Охотного ряда у гост. „Националь“

Выходим на площадь Охотного ряда. Сразу бросаются в глаза изрешетенная стена дома на противоположной сто-

роне (Охотный ряд, № 7). Расположение ран указывает, что дом обстрелян наступающими с Тверской улицы.

Мы дошли до тех позиций, где противник чувствует себя как дома, и понятно. Посмотрим окружение площади. Целый ряд богатейших гостиниц: «Националь», «Континенталь», «Большая Московская», «Лоскутная», в которых номера доходили до 20 руб. в сутки. По направлению к Моховой—манеж (автогараж белых) и университет, откуда время от времени выходят группы в синих студенческих шинелях, предводительствуемые белым офицером. Белогвардейские отряды крадутся вдоль стен домов по Моховой, пробираются растянутой цепью возле «Националя», чтобы из-за угла отражать нападения с Тверской.

В начале боев белым очень мешал лазарет в доме Комиссарова (Тверская, № 12): стрельба из окон дома не давала возможности подойти к углу «Националя». Но один из белых броневиков, проносившихся по Охотному ряду, обстрелял лазарет, и дом замолк. У него были разбиты окна и поврежден балкон.

31 октября в 12 часов дня красная разведка доносит: «У конца Тверской сильная перестрелка; перебегают юнкера из гостиницы».

Первая колонна «двинцев», посланная взять «Националь», была скошена огнем пулеметов. Гостиницу стали обстреливать из орудий от «Дрездена». Наконец, вторая колонна «двинцев» заняла «Националь» и захватила скрывшийся здесь броневик, обстрелявший здание Совета.

Донесение разведки в 2 часа дня: «Наша цепь идет к Иверским воротам». Через завесу пуль, которыми белые осыпают Охотный ряд, красные бойцы пробиваются к штабу противника—городской думе.

Против городской думы

Анализ здания вскроет нам, что городская дума—оплот цензовых элементов города. Здание построено под тот «национально-русский» стиль, который был так любим патриотически настроенной торговой буржуазией—московским купечеством [1]).

В октябре 1917 г. в думе сосредоточились главные силы контр-революции, боровшиеся против рабочего класса. Здесь был центр, руководивший всей борьбой во главе с городским головой эсером Рудневым. Дума задолго готовится к актив-

[1]) О древне-русских формах нам говорят: высокая крыша, шатровое крыльцо, наличники у окон и пр.

ной борьбе: идут совещания, в подвальных коридорах здания размещаются пулеметы, располагаются юнкера, окна баррикадируются чем попало: папками от «дел», футлярами пишущих машинок, столами и пр. 26 октября избирается Комитет общественной безопасности. В тот же день сюда приезжают представители Военно-революционного комитета для того, чтобы сговориться о мирном исходе назревающего конфликта. Переговоры не дают положительных результатов. В дни борьбы у здания думы—2 броневика и 4 пулемета. Поперек площади от думы до Московской гостиницы вырыт окоп.

Вглядываясь внимательно в кирпичную облицовку здания, мы заметим, что на углу думы, обращенном к Театральной площади, кирпичи более светлы, чем на остальном здании; такие же заплаты из нового кирпича вокруг угольных окон. Это следы октябрьских боев. Судя по размерам ран, мы можем сказать, что они от артиллерийских снарядов. С 31 октября дума обстреливалась революционной артиллерией, стоявшей у Большого театра.

1 ноября красные отряды с пулеметами начали наступление на думу. Наступали с Тверской улицы (Красная Пресня), Театральной площади (Городской район) и с тыла по Никольской улице (Сокольнический и Бауманский районы). В ночь на 2 ноября Комитет общественной безопасности вместе с защищавшими его войсками вынужден был перейти за стены Кремля.

«Революция—вихрь, отметающий всех, ему сопротивляющихся»,—надпись над под'ездом думы.

Вместе с думой пал и «Метрополь»—форпост белогвардейского центра. С самого начала боевых действий «Метрополь» обстреливал оружейным и пулеметным огнем всю окружающую местность. В подвале гостиницы томились пленные. С 1 ноября, под прикрытием артиллерии, начинается штурм «Метрополя» силами Военно-революционного комитета. Юнкера перебегают от «Метрополя» к думе и обратно. 2 ноября утром «Метрополь» был взят при участии рабочих районов, в том числе Басманного.

Против Арсенальной башни

Перед нами величественная башня Кремля. За ней желтое здание арсенала. Стены Кремля—хорошая защита в условиях уличной борьбы. Арсенал наполнен оружием. Поэтому к захвату Кремля стремились обе враждующие стороны.

В начале восстания на охране Кремля стоит 56-й полк, настроенный большевистски. Здесь же внутри Кремля (в

Малом Николаевском дворце) находится штаб полковника Рябцева. Рябцев настаивает, чтобы охрана Кремля была поручена юнкерам. 56-й полк отказывается сдать охрану в такие тревожные дни.

Тогда белый полковник расставил юнкеров с наружной стороны Кремля, и у каждых ворот получился двойной караул—из двух исключающих друг друга частей. Чтобы войти в Кремль или выйти оттуда, нужно было получить два пропуска: из белогвардейского штаба Рябцева и от коменданта Кремля прапорщика Берзина, назначенного Военно-революционным комитетом.

Положение напряженное. Красная разведка сообщает, что в ночь на 28 октября юнкера решили овладеть Кремлем. Для охраны Кремля тов. Берзин расставляет у ворот по стенам 12 пулеметов. Это происходит в то время, когда Рябцев пред'являет ультиматум Военно-революционному комитету. Часам к 9 вечера юнкера окружают Кремль. Раздаются пулеметные и винтовочные залпы. После 12 часов ночи белые начинают обстреливать кремлевские стены из бомбометов и трехдюймовых орудий. По городу также слышится стрельба. Часам к 4 утра все смолкает. Рано утром Берзина потребовала броневая команда (стоявшая также в Кремле), и офицеры команды сообщили ему, что вся Москва в руках Рябцева, гарнизон сдался и обезоружен, командующий войсками занял почту, телеграф, вокзалы и требует сдачи Кремля. На запрос по телефону Рябцев отвечал: «Все войска разоружены мною. Требую немедленной сдачи Кремля».

Тов. Берзин звонит в Военно-революционный комитет, но центральная телефонная станция не соединяет его: телефонное сообщение прервано, и Кремль отрезан от Военно-революционного комитета. В городе тихо, стрельбы нет. Можно думать, что борьба, действительно, закончилась. Чтобы избежать напрасного кровопролития, Берзин решает сдать Кремль. Рябцев дал 25 минут сроку, чтобы снять стоящие у ворот караулы. Едва Берзин открыл Боровицкие ворота, как перед ним оказался отряд юнкеров с винтовками на изготовку. С него сняли погоны, вырвали шашку и револьвер, избили, и под конвоем юнкеров он пошел снимать посты у Спасских ворот.

56-й полк был вызван юнкерами на поверку. Безоружные солдаты выстроились на бывшей Сенатской площади. Неожиданно их начали с трех сторон расстреливать из пулеметов. С этого момента Кремль оказался в руках белых.

Угол Исторического музея, против Никольских ворот

По кирпичам мы видим, что ворота починены после основательных разрушений, очевидно, артиллерийскими снарядами со стороны Китай-города. Это следы обстрела Кремля силами красных отрядов. Со всех сторон сюда пробивались красные бойцы. Белые отстреливались с Верхних торговых рядов, их пулемет бил и от Василия Блаженного, но ничто не могло остановить победного продвижения революционных сил.

По Варварке и Ильинке подходили Рогожский и Симоновский районы, к ним присоединялись отряды из Басманного и Сокольнического районов, рабочие Замоскворечья заняли мосты через Москва-реку. В 6 часов 40 мин. утра 2 ноября красными были заняты Верхние торговые ряды. На углу Никольской ул. и Красной площади поставлены два орудия.

В 1 час 45 мин. дня рабочие Красной Пресни и Басманного района вошли через Иверские ворота и укрепились в домах Красной площади. Узким кольцом сжали рабочие белогвардейский Кремль. Юнкера пробуют делать вылазки: через Спасские ворота по Варварке не пропускает Рогожско-Симоновский район; через Боровицкие ворота к интендантским складам (на Крымской площади) задерживает Замоскворецкий район. Все тесней сжимается красное кольцо вокруг Кремля. Белые ожесточенно отстреливаются. Начинается ураганный обстрел Кремля красной артиллерией: со Страстной площади, от Бабьегородской плотины, с Пресни, из Рогожского района, а с 1 ноября из тяжелых орудий с Воробьевых гор. Среди юнкеров начинается разложение. Рябцев предлагает мир. Мирный договор после длительного обсуждения подписан 2 ноября в 5 часов вечера [1]).

В ночь на 3 ноября Военно-революционный комитет издает приказ [2]).

„Революционные войска победили... Все силы буржуазии разбиты наголову и сдаются, приняв наши требования. Вся власть в руках Военно-революционного комитета... Военно-революционный комитет приказывает прекратить всякие военные действия".

Военно-революционный комитет совместно с Советом профессиональных союзов призывает пролетариат встать на работу для восстановления хозяйства свободной страны.

Рабочие отозвались с бодрой и глубокой уверенностью в своей победе, которая была достигнута стихийным под'емом пролетарских районов, организованных партией большевиков.

---

[1]) Текст договора смотри в приложении 2-м.
[2]) См. приложение 1-ое.

На Красной площади

Красная площадь в Октябре оправдала свое название. Здесь пролилась первая кровь в Октябрьские дни: здесь сложили свои головы 45 «двинцев» из того отряда, который первым шел на помощь к Совету из Замоскворечья. За этим первым столкновением вспыхнули новые, и развернулась многодневная и напряженная уличная борьба.

У могил

Через неделю 10 ноября, после победы, на площади, омытой кровью борцов, революция хоронила свои жертвы в братских могилах, которые открываются перед нами. Послушаем Джона Рида, участника похорон:

Похороны павших бойцов.

„Со всех улиц по направлению к Красной площади текли многотысячные людские потоки, и на всех них лежала печать бедности и труда. Прошел военный оркестр, игравший Интернационал, и неожиданно песня была подхвачена и распространилась по всему людскому морю, как волны, медленная и торжественная. С вершины Кремлевской стены полотнища знамен спускались до земли... Вот уж из отдельных кварталов города стали прибывать рабочие различных фабрик, неся гробы своих погибших товарищей... Это были грубые гробы, сделанные из неотесанных досок и выкрашенные в красный цвет...

Медленно процессии подходят со своими гробами к могиле, и несущие гробы взбираются с ними наверх и спускаются в могилу...

Весь день проходили похоронные процессии, идя со стороны Иверских ворот и уходя по Никольской. Целое море красных знамен со словами надежды и братства...

Одни за другими пятьсот гробов уложены в могилу... На безлистных ветвях деревьев над могилой повешены были венки" [1] [2] [3].

Над павшими борцами высится мемориальная доска (скульптора Коненкова). В ней в художественных образах выявляется идея «За мир и братство народов», воодушевлявшая восставших.

Среди пролетарской дружины положен и вождь ее: перед нами мавзолей Ленина. Архитектор Щусев передает в своем творении силу и вместе с тем простоту человека, который «вел на борьбу миллионы». Простота подчеркивается конструктивностью всего строения: все скрепы и гвозди не замаскированы. Форма, напоминающая египетскую пирамиду, и открытая гробница говорят о том, что «Ленин умер, но ленинизм живет, побеждает и победит».

К победе и об'единению трудящихся всего мира в рабоче-крестьянский союз призывает знамя с серпом и молотом, развевающееся над ЦИК СССР. Теперь Кремль—штаб мировой революции: в нем происходят конгрессы Коминтерна и с'езды ВКП.

М. Петрова

О. Цыпленкова [4].

---

[1] Джон Рид. „10 дней, которые потрясли мир", стр. 260—261.

[2] Показать могилу Дж. Рида.

[3] Взамен цитаты из Джона Рида можно использовать аналогичную цитату из статьи Аросева: „Октябрьский рассвет" („Красная Новь", № 4/1921, стр. 98).

[4] М. Петрова и О. Цыпленкова придали экскурсии литературную обработку. Самая экскурсия разработана И. Голубкиной, М. Дорофеевой, М. Петровой, К. Постниковой, О. Тарутиной, М. Финогеевой, О. Цыпленковой.

Октябрь в Красно-Пресненском районе

На пригорке у церкви Николы в Ваганькове

Мы стоим почти в самом центре рабочей Пресни. Широкий горизонт, развертывающимся с пригорка, невольно тянет взгляд вдаль, но неумолчный сильный гул машин заставляет перенести внимание на красный кирпичный корпус, высящийся прямо перед вами. Это—ткацкое отделение Трехгорной мануфактуры (б. Прохоровской), самого большого текстильного предприятия в Москве.

Дальше виднеются другие корпуса фабрики с стройно вздымающимися сухими очертаниями труб; среди корпусов—извивающаяся по двору узкоколейка.

На Пресне находится еще целый ряд крупных предприятий, не видных с пригорка, например: «Пролетарский труд» (б. Тильманс), сахарный Красно-Пресненский (б. Даниловский) завод и др.

Бросив взгляд за территорию Трехгорной мануфактуры, мы увидим Москва-реку, извилистой лентой отделяющую Пресню от Хамовнического района. За рекой виднеется Дорогомилово с мостом и Брянским вокзалом. Этот вокзал соединяется с Александровским вокзалом Окружной железной дорогой, проходящей недалеко от Красно-Пресненской заставы. Берем в помощь карту, и на ней видим, что за линией дороги расположены Николаевские (теперь Октябрьские) казармы, в которых в 1917 г. стояла 1-я запасная артиллерийская бригада. Наличие в Красно-Пресненском районе казарм, Окружной железной дороги и Александровского вокзала делало положение Пресни особенно опасным и ответственным в Октябрьские дни.

Посмотрев вокруг на маленькие деревянные домики, так резко контрастирующие с двумя рядом стоящими особняками Прохоровых, бывших владельцев Трехгорной мануфактуры, мы сразу можем сказать, что население района преимущественно рабочее. Теперь вспомним, какое участие принимало это рабочее население в подготовке Октября, как встретило оно октябрьские события.

Летом 1917 г. почти вся Пресня вместе с районным советом была в руках меньшевиков и эсеров; опорным пунктом вторых была Прохоровка, опорой большевизма был тогда завод Тильманса, краса и гордость Пресни. На этом заводе явочным порядком был введен рабочий контроль над производством, весь заводской комитет был большевистский. С середины лета большевики, широко развернули работу на предприятиях и в районном совете, везде выдвигая лозунг: «Вся власть советам». Благодаря усиленной работе, Прохоровка уже в сентябре 1917 г. имела большевистский заводской комитет; районный совет к концу сентября был в руках большевиков, а к октябрю вся Пресня стала «красным районом».

Наличие вблизи Пресни Николаевских казарм настойчиво требовало работы среди солдат-артиллеристов. За август и сентябрь с солдатами Ходынки была проведена большая политическая работа. Было устроено много митингов и собраний, проходивших под лозунгами: «Долой министров-капиталистов», «Вся власть советам».

В начале октября райком выпустил воззвание к рабочим Пресни с призывом устроить шествие на Ходынку для братания с солдатами. Райсовет обязал всех членов участвовать в шествии. Рабочая делегация со знаменами, с пением революционных песен, стройными рядами двинулась от Пресненской заставы к Ходынке, в Николаевские казармы. Там ее встретила пятитысячная толпа солдат. Был организован митинг, на котором выступали рабочие Прохоровки, завода Тильманса и др. После митинга солдаты решили проводить делегацию. Они выстроились в ряды и вместе с рабочими под пение Интернационала двинулись к Ваганьковскому кладбищу. По предложению рабочего с завода Тильманса, шествие направилось к могиле Николая Баумана, большевика, убитого в 1905 г. черносотенцем, и на его могиле солдаты на коленях поклялись защищать рабочее дело. Они исполнили свою клятву, а как—мы увидим дальше.

Теперь пойдем к дому, в котором была сосредоточена вся предоктябрьская работа и руководство действиями пресненцев в первые дни Октября.

Против Историко-революционного музея Красной Пресни Большой Предтеченский, д. 4 (теперь Большевистская улица)

Небольшой серовато-голубой одноэтажный домик внешним видом своим совершенно не выделяется из ряда окружающих его строений. Только доска с указанием, что здесь помещается Историко-революционный музей Красной Пресни, говорит о какой-то связи его с революцией. До Февральской революции в квартире, выходящей на улицу, жил полицейский конный вахмистр. После ареста вахмистра в феврале квартиру заняли под клуб райкома большевиков. С весны здесь поместились и райком и союз молодежи [1]). Из этого домика большевики руководили всей партийной работой в районе, а от них не отставали «сосунки» и «хвостики»—так старые партийцы называли членов союза молодежи. Молодежь ходила на фабрично-заводские собрания и в спорах, доходивших до драки, защищала лозунг «Вся власть советам». Благодаря работе союза вся молодая рабочая Пресня участвовала 15 октября в московской демонстрации союза молодежи, прошедшей под лозунгами: «Война войне» и «Вся власть советам».

Приближались Октябрьские дни. 25 октября вечером, по распоряжению Московского военно-революционного комитеты, был избран Пресненский ревком из 5 человек [1])—Слесарева, Зубкова, Беленького, Жарова и Шеногина. Пресненский ревком поместился в этом же домике. Здесь же разместилась и небольшая команда «двинцев»—солдат, арестованных Керенским на Северном фронте за агитацию против войны. Сначала они сидели в Двинской крепости, а затем были перевезены в Бутырки, откуда их после шестидневной голодовки выпустили по настоянию Московского совета. Двинцы были одними из самых неутомимых борцов в Октябрьские дни.

В первые дни борьбы Пресненский военно-революционный комитет формировал отряды из рабочих и, вооружив их кирками и лопатами, отправлял в центр рыть окопы и строить баррикады. Рабочие и молодежь усиленно записывались в Красную гвардию, наполняя маленький домик воодушевлением и энтузиазмом. Сюда же пришел красногвардейский отряд с сахарного завода. Боевой порыв быстро нарастал, но оружия не было. В Пресненском ревкоме было всего 6 берданок и 2 патрона к ним. Поэтому Жаров был отправлен в арсенал в Кремль за оружием, но застрял

[1]) Здесь желательно показать фотографии организаторов союза молодежи: Анатолия Попова, Сергея Быстрова, Михаила Дугачева и первой работницы, вступившей в союз,—Ани Литвейко, из сб. „Молодая Пресня в Октябре".

[2]) Пресненский ВРК был избран в доме № 47 по Большой Пресне.

там, так как попал в плен к белым. Пришлось отнимать оружие у белых, угрожая им незаряженной винтовкой. В этом рискованном предприятии отличалась молодежь, не знавшая удержу в своей удали.

События нарастали. Положение было очень тревожное: белые тесным кольцом подступали к Московскому совету на Тверской. 28 октября утром оттуда посылают в Пресненский ревком Рыкунова и Меркулова с наказом доставить к Совету артиллерию. Так как для прикрытия артиллерии необходима была пехота, Рыкунов и Меркулов с товарищами из Пресненского ревкома отправляются в Хамовнический район. Из Хамовнических казарм им отрядили 300 солдат, и с этим прикрытием артиллерия с Ходынки была доставлена на Тверскую.

28 октября по призыву Московского военно-революционного комитета забастовали фабрики и заводы; рабочие стали усиленно готовиться к военным действиям. В центре уже разгорелась борьба; в Пресненском районе стали раздаваться выстрелы со стороны буржуазии. Разнесся слух, что юнкера собираются напасть на Пресненский ревком, положение которого было очень опасно в таком маленьком домике. Поэтому Пресненскому военно-революционному комитету пришлось переехать на завод Тильманса, цитадель большевизма в районе, а в опустевшем домике поместились красногвардейцы, отправлявшиеся отсюда в бой.

Теперь двинемся дальше по пути развертывания событий.

В саду Шмидта

Мы стоим в саду, на месте, откуда хорошо виден 1-й Пресненский комиссариат (Нижнепресненская, д. № 12). Комиссариат расположен был вблизи Прохоровской мануфактуры, куда переехал военно-революционный комитет и районный партийный комитет, переночевавшие только одну ночь на заводе Тильманса. В виду удаленного положения от места развертывавшихся боев, завод Тильманса оказался неудобным для пребывания на его территории Пресненского ревкома. На Прохоровской мануфактуре сосредоточилось военное и партийное руководство районом. Здесь шло усиленное формирование красногвардейских отрядов и вооружение рабочих привезенным из центра оружием. Отсюда отправился отряд из 12 красногвардейцев для захвата 1-го Пресненского комиссариата. Комиссариат был занят, милицию разоружили, и гражданская работа комиссариата пошла в контакте с фабрично-заводскими комитетами. Отсюда проводились в жизнь приказы ревкома, например, приказ № 1:

„Вся власть в районе в руках ВРК.
Военно-революционный комитет требует немедленного открытия продовольственных лавок, булочных, харчевень, трактиров для правильного снабжения населения продовольствием во время революции. Все неисполнившие приказ будут наказаны по законам революционного времени".

Теперь перейдем к одному из важнейших боевых пунктов Пресни.

На Горбатом мосту (Мост 1905 года)

Мы на Горбатом мосту. В развертывающейся перед нами картине четко вырисовываются Брянский вокзал и Дорогомиловский мост, как бы напоминая о своей тесной связи с Пресней. Разберемся в направлении прилегающих к мосту улиц и переулков. Дровяной и Продольный переулки ведут к Смоленскому рынку и Арбату, а Девятинский пер. к Новинскому бульвару. Они соединяют мост с буржуазным районом. Конюшковская улица выходит к Б. Грузинской (ул. Коммунистов), а Нижнепрудовая (ул. Дружинников) выводит на Большую Пресню (Красную Пресню). По первым трем переулкам отряды белых, состоявшие из гимназистов, студентов ударников и юнкеров, стремились захватить мост.

Самым сильным врагом, действовавшим в этом направлении, была 5-я Смоленская школа прапорщиков, расположенная во 2-м Смоленском переулке. Прапорщики этой школы старались захватить Брянский вокзал, чтобы овладеть артерией подвоза подкреплений с фронта, а также посылали отряды к Горбатому мосту, чтобы прорваться на Б. Пресню и Б. Грузинскую. Из 4 орудий, присланных на Пресню с Ходынки, рабочие устанавливают одно на Горбатом мосту, а другое на берегу Москва-реки, у Прохоровской мануфактуры. Из этих пушек громят 5-ю школу прапорщиков. На помощь Дорогомилову и для защиты Брянского вокзала посылают отряды пресненских рабочих. Но враг не сдается и упорно стремится захватить мост, обладание которым откроет ему путь по Нижнепрудовой к артиллерии на Ходынке и к той части Окружной железной дороги, которая соединяет Брянский и Белорусский вокзалы; белые рвутся также по Конюшковской ул. и Б. Грузинской к Александровскому вокзалу. С отчаянной энергией они наступали на мост, большевики с неменьшей энергией защищали его. Бои развернулись горячие, мост переходил из рук в руки несколько раз до тех пор, пока не остался окончательно в руках восставших. В этих боях участвовали, главным образом, рабочие Прохоровской мануфактуры. Здесь красным отрядам, защищавшим мост, была дана ответствен-

ная задача—не пускать белых на Ходынку и к Александровскому вокзалу, помогать Хамовническому району и вместе с тем итти в центр на помощь Московскому военно-революционному комитету и для выручки Кремля.

Теперь пойдем к центру, куда так стремились красные Направимся по Конюшковской улице, на которой были баррикады и происходила борьба.

У Зоологического сада

Мы у Зоологического сада, на месте скрещения четырех улиц, там, где стояли другие 2 пушки, взятые с Ходынки. Кудринская (Баррикадная) улица являлась артерией, по которой белые стремились на Большую Пресню и Большую Грузинскую. Вначале они прорывались сюда по двум другим улицам—Конюшковской и Бол. Грузинской. По Б. Пресне, почти от заставы до Зоологического сада, тянулась цепь красногвардейцев из союза молодежи. Орудия, стоявшие здесь, стреляли по направлению Кудринской, по Поварской и Арбатской площади, не давая белым прорваться на Пресню и к Александровскому вокзалу.

События принимали решительный характер. Руководить военными действиями с Прохоровки, удаленной от центра событий, было неудобно, поэтому Пресненский ревком пробыл там недолго и перебрался на Кудринскую ул., д. № 4. Пойдем и мы за ним.

Кудринская, 4 (Баррикадная)

Поднимемся по крутой Кудринской к дому № 4. Удалимся немного от шума трамвая и автобуса в глубь двора и всмотримся в окружающие нас с трех сторон здания. Их назначение определить нетрудно—это пожарная часть. В боевые дни Октября здесь помещались пожарная часть и 2-й Пресненский комиссариат милиции. Небольшим отрядом рабочих и двинцев комиссариат этот был захвачен 29 октября. Сюда, как в место, находившееся в самой гуще боевых действий на грани пролетарской Пресни и прилегающего враждебного буржуазного района, были переведены ревком и оперативный штаб, во главе с вольноопределяющимся Златоверовым—большевиком; там же был госпиталь. Но оглянемся и посмотрим, является ли это здание удобным стратегическим пунктом. Обернемся к шумной улице—перед нами высится колокольня церкви Покрова. Захватить ее было необходимо. Двое вооруженных красногвардейцев отправи-

лись к попу и потребовали у него ключи от церкви. Но священник, отговариваясь своей нейтральностью и нежеланием делать из церкви орудие кровавой распри, (что не помешало ему накануне допустить установку на колокольне пулемета белых), выдать ключи наотрез отказался. Пришлось прибегнуть к решительным мерам: попа привели в штаб и заявили ему, что, если он ключей не отдаст, двери церкви будут взломаны, а он сам арестован. Это подействовало, священник ключи отдал, и на колокольне были установлены пулемет и артиллерийский наблюдательный пункт.

Работа закипела. Была налажена связь с Московским советом и районами. В помещение штаба сносилось и там же сортировалось отобранное у белых оружие, формировались боевые отряды красногвардейцев и разведчиков. Здесь, во дворе, где мы стоим, красногвардейцев обучали обращению с ручными гранатами и винтовками. Продовольственное положение было тяжелое; питались хлебом, который поставляли непрекращавшие работы пекарни, а также тем, что ребята таскали из дому отцам и братьям. Но вскоре был захвачен транспорт консервов, который какой-то кооператив направлял юнкерам в Александровское училище, штаб белых. Загорелись и зашипели костры, началось массовое приготовление горячей пищи. Захваченных консервов хватило не только бойцам Красной Пресни, значительная часть их была сдана в Московский военно-революционный комитет.

Женщины-работницы несли санитарную службу. В полевой госпиталь они на носилках внесли молодых рабочих с переломанными руками и ногами, с пробитыми черепами. Это—молодые разведчики, которых белые сбросили на мостовую с 3 этажа госпиталя, на Никитской улице.

Настроение здесь сгущается; все быстрее бьется пульс событий и действий; в оперативном штабе и ревкоме понимают, что организационная работа приходит к концу; пора перейти непосредственно к боям.

С наступлением темноты отряды молодежи отправляются на разведку во враждебные буржуазные части района. Двинемся и мы по пути этих разведчиков, по пути устремления боевых сил пролетарской Пресни.

Кудринская пл. (Пл. Восстания)

Пересечем Кудринскую площадь, пройдем сквер и остановимся неподалеку от электрических часов. Перед нами ряд улиц, сходящихся радиусами к площади. Постараемся взглядом проследить направление этих улиц, чтобы узнать, куда они упираются другим концом,—в стан белых или крас-

ных. Новинский бульвар выводит нас к Смоленскому рынку. Мы уже знаем, что в нескольких минутах ходьбы от Смоленского находится один из крупнейших оплотов белых, 5-я Смоленская школа прапорщиков. Поварская улица (ул. Воровского) выводит на Арбатскую площадь, к главному штабу белых, Александровскому училищу. Б. Никитская (ул. Герцена), значительная по своей длине, пересекает Никитский бульвар и спускается к манежу, занятому в Октябрьские дни юнкерами и казаками. Садовая-Кудринская—отсюда белые не проявляли активных действий.

Наконец, повернемся к Кудринской улице, по которой мы пришли сюда. Это единственная артерия, по которой приливают силы восставших к враждебному белому стану. Как относится к этим рабочим и солдатам население домов, расположенных на Кудринской площади и прилегающих улицах? Уже один внешний вид домов отвечает на этот вопрос. Каменные здания, обступающие со всех сторон Кудринскую площадь, зеркальные окна особняков разместившихся на Садовой-Кудринской, Поварской и Новинском скрывали в себе людей, все симпатии и чаяния которых принадлежали контр-революции. По обеим сторонам улиц вытянулись роскошным блистающим рядом дома крупной буржуазии. При наступлении белых на Кудринскую площадь оживали чердаки и окна верхних этажей и раздавались выстрелы по красным отрядам.

Перемирие, длившееся с 12 часов ночи на 30 октября до 12 часов ночи на 31 октября, дало возможность белым перегруппировать и стянуть значительные силы, и в ночь на 31 октября юнкера повели наступление по Поварской и Б. Никитской. Красногвардейцы, за неимением пулеметов, открыли артиллерийский огонь. Стрельба и наступление белых продолжались всю ночь, прекратившись утром 31 октября, а к 12 часам дня возобновились с новой силой. Пресненский оперативный штаб пополнил свои силы свежими отрядами тильмановцев. Одно из орудий, стоявших у Зоологического сада, втащили на Кудринскую площадь, и его огонь направили по Б. Никитской. Второе орудие было направлено на Поварскую; огнем этого орудия удалось сбить пулемет белых, установленный на церкви Бориса и Глеба. Однако, ожесточенный пулеметный огонь белых со стороны Смоленского рынка продолжался.

Но почему юнкера так стремились захватить Кудринскую площадь? Повернемся к Садовой-Кудринской, проследим ее направление. Она выводит на Старую Триумфальную площадь. Отсюда прямая дорога к Александровскому вокзалу. Еще оборот к Кудринской улице (она вливается в Б. Пресню)—здесь лежит путь к Окружной железной дороге. Зна-

чение Александровского вокзала и Окружной железной дороги для борющихся сторон уже нам известно.

К 3 часам дня наступление белых было уже приостановлено, стрельба почти прекратилась. Красный штаб решил тогда вести наступление одновременно по двум направлениям: по Б. Никитской и Поварской. Были выделены два отряда, человек по 30, которые и начали очищать от белых Поварскую и Никитскую, дом за домом, квартал за кварталом. Никитский отряд продвинулся уже до церкви Вознесения, когда вдруг со стороны Смоленского рынка загрещал пулемет, и на Кудринскую площадь врезался броневик белых. Находившимся там отрядам пришлось отступить вниз за огромный Вдовий дом, а отряды, продвинувшиеся по Никитской и Поварской, оказались отрезанными. Но броневик продержался недолго и под давлением наступавших с Пресни красногвардейцев повернул обратно по Новинскому бульвару.

К ночи стрельба по району прекратилась. Красные отряды были стянуты к Кудринской площади. Из центра доставили два пулемета, что сильно подкрепило боевую мощь пресненцев.

Утром 1 ноября Пресненский ревком получил предписание от Военно-революционного комитета продвинуться к Никитским воротам, очистить их от белых и соединиться с силами, действующими от Страстной площади по Тверскому бульвару. Со стороны Новинского бульвара были построены баррикады и по нпскольким направлениям красные отряды двинулись в наступление. Они двигались по Поварской, по М. Никитской, Спиридоновке, Гранатному переулку и Мал. Бронной: главная лавина пресненцев двигалась по Б. Никитской улице.

Пойдем и мы по этому пути.

Уг. Б. Никитской и Скарятинского пер.

Продолжим наш путь по левой стороне Б. Никитской ул. Перейдя Скарятинский пер., остановимся на углу, чтобы опять по внешнему виду домов определить, как встречало здесь население наступавших красных. Серые громады больших домов, которые нам видны с этого угла, изящные особняки опять убеждают нас в том, что буржуазное население их относилось к наступавшим пресненцам активно враждебно. По Скарятинскому пер. с Большой на Малую Никитскую перебегали отряды вооруженных студентов, (здесь Б. Никитская была пересечена баррикадой красных).

На Трубниковском пер. в общежитии юных добровольцев находился склад оружия белых. Но не будем долго задер-

живаться, вместе с красными отрядами устремимся к их цели, Никитским воротам.

По пути остановимся только у церкви Вознесения, чтобы условиться о наблюдении над домами противоположной стороны улицы, на которых осталось много следов ружейных и пулеметных пуль.

Никитские ворота, у памятника Тимирязеву

Никитские ворота—в самом центре военных действий Октября. Всмотримся, куда ведут нас прилегающие улицы. Никитский бульвар соединяет нас с Арбатской площадью, где было Александровское военное училище; Б. Никитская протянулась к манежу. Все это основные базы белогвардейцев. Б. Никитская, по которой мы пришли,—путь красных отрядов с Пресни. Тверской бульвар выводит нас на Страстную площадь, в район действия сил Московского военно-революционного комитета. Никитские ворота—перекресток главных артерий двух враждующих сторон; вот почему бои приняли здесь особенно острый и решительный характер. Опять, как и раньше, уже по внешнему виду домов мы видим, что симпатии и помощь население отдает белогвардейцам. В доме № 27 по Б. Никитской—красногвардейцы, а дома № 25 (здесь помещалась гостиница «Ницца») и № 32 (где помещался магазин Бландовых) по Никитской и №№ 3 и 5 по Тверскому бульвару,—главные опорные пункты белых. 1 ноября, когда пресненские отряды, по следам которых мы шли, придвинулись к Никитским воротам, они попали в перекрестный, орудийный, пулеметный и ружейный огонь. Красные орудия палили с Кудринской и Страстной площади, с Арбатской площади и из домов №№ 17 и 19 по Б. Никитской ул. работали пулеметы белогвардейцев. В доме на углу М. Бронной и Тверского бульвара все время трещал красногвардейский пулемет. Под перекрестным огнем загорелся дом № 30, находившийся в том месте, на котором стоит памятник профессору К. Тимирязеву. В доме этом помещалась аптека, поэтому пожар сопровождался серьезными взрывами. Горел также дом № 6 по Тверскому бульвару. Об этом пожаре пусть расскажет очевидец[1]).

„Грохочут пушки, неумолчно и назойливо барабанят пулеметы, резко бьют ружья...

Около полудня загорелся дом Ярославской мануфактуры на Тверском бульваре (бывш. Коробкова). Пожар начался с угловой квартиры верхнего этажа, над которым красовалась башня с орлом. Огненная стихия, не

[1]) „Октябрьское восстание в Москве“ под ред. Овсянникова, стр. 223-224.

сдерживаемая пожарными командами, которые не могли тушить пожар в полосе обстрела, яростно бушевала, разрушая все на своем пути. Звонко лопались зеркальные стекла в окнах, таяла и лилась, как масло, цинковая крыша, разноцветными огнями вспыхивали горевшие элекрические провода рушились расплавившиеся водопроводные трубы, выпуская воду фонтанами"

Бои у Никитских ворот были самыми горячими боями пресненцев [1]). К вечеру 1 ноября Никитские ворота были очищены от белогвардейцев, но так как отряды Московского совета со Страстной площади не могли присоединиться, то к ночи пресненцам пришлось отступить в Кудрино.

Дом. б. Ярославской мануфактуры у Никитских ворот, после артиллерийского обстрела и пожара в октябре 1917 г.

2 ноября красным отрядам пришлось возобновить наступление под сильным обстрелом; только к вечеру они смогли окончательно укрепиться у Никитских ворот.

К вечеру разнеслась весть о победе красных, и пресненцы направили силы на охрану мостов и вокзалов. Рабочие Пресни понимали, что побежденные белые устремятся по путям, уводящим их из красной Москвы .Надо было их задержать. Победа была одержана. Революция обеспечена [2]).

Д. Найдич.
М. Винокур

---

[1]) Пресненцы потеряли здесь 18 чел. и расстреляли до 50 ящиков патронов.

[2]) Читается „Приказ всем войскам Военно-революционного комитета" см. приложение 1-ое.

Хамовники в октябре 1917 г.

Октябрьская победа не легко далась пролетариату; и едва ли не самой тяжелой была борьба в Хамовническом районе, маленьком по территории, но пестром по населению. Пролетариат Хамовников не смог ограничиться только помощью центру; в самом районе враг был близок, силен и без борьбы не уступал позиций.

Где сосредоточил враг свои силы в районе? На кого опиралась революция? Как происходила борьба, приведшая к власти советов?

На Зубовской площади, у часов

Мы—на Зубовской площади. По одну сторону зеленых бульваров тянутся громады каменных многоэтажных домов. Убранные барельефами, башенками, колоннами, фасады зданий говорят об эстетических вкусах обитателей и о возможности для них удовлетворить свои вкусы; большие окна и балконы—о том, что обитатель может вволю пользоваться светом и воздухом.

На углу ул. Кропоткина (б. Пречистенки), по правую руку от нас, поднимается громадный дом. Он был выстроен А. К. Жиро, крупным капиталистом, владельцем большой шелкоткацкой фабрики Хамовнического района. Некоторые квартиранты этого дома были также капиталистами крупного масштаба. Здесь, например, проживал В. И. Порш, управляющий фабрики Жиро и в то же время владелец утилизационного завода за Спасской заставой, известный среди рабочих своей жестокостью и реакционным настроением. А на противоположном углу б. Пречистенки возвышается другая громада—доходный дом Кунина, крупного московского купца.

Прямо против нас открывается улица Кропоткина с такими же красивыми, высокими и комфортабельными домами.

На этой улице мало вывесок и витрин—почти нет торговли, вносящей суету; здесь все условия для спокойной и легкой жизни, которую давала материальная обеспеченность.

Напрашивается вывод: там, за зеленым кольцом бульваров, сосредоточился классовый враг пролетариата, об'единенный и сильный для борьбы с ним.

А здесь?

Пройдем в глубь Хамовников—Зубовским проездом до Теплого переулка [1]).

На углу Теплого пер.

После шумной Зубовской площади Теплый переулок кажется нам особенно пустынным и молчаливым. Перед нами—длинный коридор фабричных зданий. Красные корпуса стоят сплошной стеной. Вывеска на чугунных воротах сообщает, что это—шелкоткацкая фабрика «Красная Роза» (б. Жиро).

Несколько шагов влево по переулку—и впечатление тишины пропадает; негромкий ритмичный стук машин наполняет узкий переулок; этот звук говорит о неумолчной жизни и напряженной работе. В переулке пустынно. Навстречу нам попадаются редкие прохожие. Это и понятно: сейчас рабочее время—большинство населения занято на фабриках и заводах. Но вот гудок—и переулок оживляется большой толпой, преимущественно женщин [2]), шумным потоком выливающейся из раскрытых ворот. Спешат домой, чтобы поесть, заняться детьми и набраться сил для дальнейшей работы.

Здесь труд—основа жизни; он формирует сознание и дает упорство и твердость в борьбе; здесь революция должна искать себе опоры. Было бы неправильным утверждение о революционной активности рабочей массы в целом. В частности на фабрике, перед которой мы стоим, в октябре 1917 г. был активен только молодняк фабрики—энергичная группа, показавшая свою революционную энергию и стойкость в борьбе [3]).

Так характеризуют фабрику сами участники движения.

---

[1]) Вывод, сделанный на Зубовской площади, укрепляется при переходе; мы отмечаем по пути характерные для Пречистенского района здания—дворянский и купеческий особняки, доходные дома.

[2]) Фабрика „Красная Роза“ обслуживается главным образом женским трудом.

[3]) Назовем наиболее ярких представителей кружка молодежи фабрики Жиро–рабочих: тов. Бережных (Вятича), быв. секретаря и казначея РСДРП(б) по Хамовническому району, затем Артура Михельсона и Граскопфа, пом. шоффера на фабрике, погибшего в дни борьбы на Зубовской площади.

План Хамовнического района

План района [1]) подтвердил резкие отличия населения Хамовнического района по ту и другую сторону Садового кольца. Крупные пролетарские гнезда—фабрики, заводы, трамвайный парк—концентрируются главным образом на окраинах—Второвский механический завод (теперь Гознак), Уваровский (теперь Артамоновский) трамвайный парк, завод «Каучук», фабрика Гивартовского (теперь «Ливерс»), фабрика Гюбнер (теперь ситценабивная фабрика им. Свердлова), Хамовнический пивоваренный завод, фабрика Жиро (теперь фабрика «Красная Роза»).

Организация контр-революционеров имеет базы в частях района, населенных буржуазией. Эти базы, предназначенные и в мирное время для военных целей,—штаб Московского военного округа на Пречистенке (теперь Кропоткинской улице), Александровское военное училище на Знаменке (теперь ул. Фрунзе), 5-я школа прапорщиков у Смоленского рынка—во время гражданской войны вырастают в своем значении опорных пунктов, особенно при наличии военных специалистов—офицеров и юнкеров.

Для борьбы с подобным врагом мало выставить вооруженных людей; нужно, чтобы каждый борец сознавал, зачем он борется, и сумел вложить все свои силы и способности в общее дело. Большевики проделали немалую агитационную работу в районе. Весной 1917 г. почти на каждой фабрике были группы большевиков по нескольку человек. В течение лета их влияние постепенно упрочилось. Революционное настроение рабочих растет. Большинство сознает неизбежность борьбы и уверено в удачном ее исходе. Об этом настроении говорят стихи тов. Вятича, написанные за несколько дней до восстания и воодушевлявшие молодежь. В этих стихах мы не найдем большой художественной ценности, но нам важно в них то революционное настроение, та вера рабочих в победу, которая характерна для этих дней. Вот оно:

Черным воронам [2])

(Всем контр-революционерам)

Черные вороны, хищники жадные,
Крови народной сосатели смрадные,
Трупов рабочих терзатели мерзкие—
Трупами сами вы будете, дерзкие.

---

[1]) Рекомендуем группе отойти к Божениновскому пер.: здесь более спокойное, и следовательно, более удобнее место для ознакомления с планом (см. приложение Г.).

[2]) Позже это стихотворение было напечатано в № 4 журнала „Интернационал молодежи".

Вещее карканье ваше гнетущее,
К гибели братьев рабочих зовущее,
Сбудется прежде на вас, дерзновенные,—
Падалью станете гнойной, презренные.

Гордо развернуто знамя прекрасное,
Жертвенной кровью омытое—красное,
Знамя борьбы беспощадной с злодеями—
Подвигов славных в боях с лиходеями...

Время настало расплаты, крамольники,
Сброшены цепи, свободы невольники...
Тризну последнюю, гады, справляете,
Карканьем вещим себя отпеваете!

На призыв к борьбе, раздавшийся из центра, район дружно откликнулся.

25 октября в районе [1]) состоялся пленум совета, на котором был единогласно решен вопрос об организации революционного комитета.

На углу Б. Пироговской и ул. Л. Толстого

Перед нами—огороженный решеткой небольшой пустырь, заросший травой. В центре возвышается памятник. Каменные колонны—остов строящегося здания—вырастают на гранитном пьедестале, а внизу, у основания—тяжелые ржавые цепи, разорванные чьей-то могучей рукой, и надпись: «Первый камень прочного основания здания на порванных цепях рабства». Мы стоим на месте маленького деревянного особнячка, где помещался Хамовнический революционный комитет. О скромных размерах домика говорят шутливые прозвища, данные ему теми, кто здесь работал: «скворечник», «карточный домик». Решетка, опоясывающая пустырь, указывает размер его площади. (В тяжелые годы гражданской войны он был сломан на топливо).

Лихорадочно кипит жизнь в самом ревкоме и вокруг него. Целый день сюда подходит народ с предложением помощи и со всякими заявлениями. Нет конца веренице лиц, желающих записаться в Красную гвардию. Многие стремятся войти в боевые отряды, так и рвут оружие, особенно молодежь района. Рабочие приходят группами и в одиночку. И женщины не отстают в революционном энтузиазме. Вот группа с фабрики Жиро, политически незрелой и наиболее отсталой в Хамовниках. Они предлагают свои силы, говоря: «И мы ваши, и мы за власть советов!» [2]).

---

[1]) В помещении студенческой столовой (проезд Девичьего поля, д. 6).
[2]) Из статьи тов. Ставрович „Октябрь 1917 года в Хамовниках".

Подходят раненые из окружающих лазаретов; в такие дни они хотят не лечиться, а участвовать в общей борьбе. Сюда тянется и обыватель, чтоб узнать что-нибудь точное в противовес массе нелепых слухов, которые ходят по городу.

А внутри домика жизнь не останавливается ни днем ни ночью. Организация боевых и разведывательных отрядов, устройство столовых и ночлега для отдежуривших красногвардейцев, расклейка листовок по городу, прием арестованных, разыскание оружия, организация выпечки и раздача хлеба для населения,—вот разнообразная и неотложная работа, которую бодро несут рабочие района под руководством маленькой, но самоотверженной кучки большевиков.

Уже с первых дней борьбы в районе слышится стрельба. На путях, ведущих к ревкому, на площади перед ревкомом, на Девичьем поле и в переулках Плющихи стоят патрули, вооруженные ручными бомбами. В сквере Девичьего поля, у самой ограды находится ящик для мусора, вкопанный в землю на полтора—два аршина. В этом своеобразном окопе в разгаре борьбы усаживаются 8—10 красногвардейцев, посылающих выстрелы в подозрительные чердачные окна домов на площади.

То и дело к ревкому прибегает запыхавшийся рабочий-разведчик в истоптанных сапогах, в истрепанном пальто. Какой контраст представляет висящая у него на боку старинная длинная сабля с скромным костюмом! Откуда у него такое вооружение? И вообще, откуда рабочие достают оружие?

Трудно разрешался вопрос о вооружении и обучении восставших рабочих. Тов. Ангарский, член Хамовнического ревкома, говорит: «К 25 октября мы располагали в районе лишь дюжиной старых винтовок». Приходилось производить реквизицию оружия в буржуазных домах; но добытые таким способом старинные карабины, древние пистолеты в футлярах, ржавые турецкие сабли в большинстве случаев никуда не годились. Разоружали арестованных офицеров, которых патрули то и дело приводили к ревкому: их оружие раздавалось красногвардейцам. Но и этого было мало: приходилось посылать в Центральный революционный комитет, на Тверскую, за винтовками и патронами. Темной ночью пробираются к центру пешком и в автомобилях смельчаки, затем мчатся обратно с драгоценным грузом, ежеминутно опасаясь, что вот-вот остановят, и тогда—все пропало...

Мало еще добыть оружие: нужно уметь обращаться с ним. Рабочие-красногвардейцы в большинстве случаев не имели об этом никакого представления. Случалось, что часовой облокачивался на заряженную винтовку, как на тросточку; при разборке оружия часто раздавались выстрелы,

грозившие гибелью товарищам. Весь потолок «скворечника» был покрыт дырками—следами нечаянных выстрелов [1]).

События развертываются; в ночь на 29 октября начинается наступление юнкеров пулеметным обстрелом ревкома. Юнкера, наступающие с Пречистенки, держат под обстрелом площадь, на которой находится наш неустойчивый деревянный домик; по 3-му Ростовскому переулку и по Смоленскому бульвару движутся по направлению к ревкому броневики белых. Положение ревкома в таком ненадежном помещении становится опасным. В критическую минуту ревком переезжает в Хамовнические казармы (теперь им. Троцкого), оставив в домике только штаб Красной гвардии.

Направимся к этому новому опорному пункту района.

Хамовнический плац, посреди площади, против казарм

Улицей Льва Толстого, Несвижским, затем Ксеньинским переулками мы вышли на Хамовнический плац.

Окинем взором эти растянувшиеся по площади серые корпуса и остановимся на самом дальнем крыльце. Сюда в невысокую темноватую комнату направо от дверей и переехал ревком.

Очевидна вся важность вопроса—на чьей стороне будет солдатская масса? Летом 1917 г. большевистская ячейка в казармах была незначительна и загнана в подполье. Трудно было сагитировать серую крестьянскую массу, из которой преимущественно состояли солдаты, и заставить их осознать важность назревающих событий. Но незаметная работа сделала свое дело. Обнаружившееся революционное настроение солдат начинает беспокоить командующего Московским военным округом; незадолго до Октябрьских дней он решает расформировать 193 пехотный запасный полк, находившийся в Хамовнических казармах. Но общее собрание полка постановило не расформировываться и в крайнем случае оказать вооруженное сопротивление.

27 октября по инициативе ревкома созывается общеполковой митинг, на котором старый полковой комитет, состоявший из меньшевиков и эсеров, признан распущенным. Выбирается новый революционный комитет [2]).

---

[1]) Умелый и дисциплинированный боевой отряд дал завод „Каучук“; ему поручались наиболее ответственные задания. Завод Второва выставил около 200 вооруженных рабочих, принявших энергичное участие в борьбе. Рабочие Уваровского трамвайного парка принимали непосредственное участие в боях, в действии санитарных отрядов, в организации продовольственного склада.

[2]) Членами полкового революционного комитета избраны 5 человек: Саврасов, Шелехес, Попов, Тандитный, Померанцев.

В первые дни борьбы полковой ревком посылает в распоряжение районного ревкома 30 винтовок и 250 патронов.

В ночь на 27 октября, согласно приказа ВРК, после личного обращения тт. Емельяна Ярославского и И. С. Шелехеса к солдатам, одна рота полка была направлена в Кремль.

Но события развертываются слишком быстро, чтобы за ними могло поспеть сознание солдат. 28 октября члены полкового комитета Шелехес и Тандитный упорно ведут агитацию среди солдат. Солдатская масса колеблется: вяло и нерешительно строятся они для выступления, ежеминутно меняют свое решение.

Но это было лишь в первые дни. Потом 193-й полк сделался главнейшей боевой базой района, вокруг которой об'единялись вооруженные силы Хамовников. 193-й полк оказал и значительную революционную помощь центру.

Хамовнический плац, лицом к б. Шефскому дому

Против нас так называемый Шефский дом. Здесь помещалось офицерское общежитие. В первые дни борьбы жившие здесь офицеры делают попытку захвата казарм и начинают их обстреливать. Не успел ревком отдать приказания «стройся», как солдаты с винтовками ринулись на приступ общежития: в результате белогвардейский командир был ранен, а многие офицеры убиты.

На площади, лицом к Трубецкому пер.

Но настроение тревожно. Есть слухи, что ударники, войска Керенского, прибыли на Брянский вокзал и направляются к Хамовническим казармам. Все с лихорадочным напряжением ждут боевого момента... Внезапно в помещение казарм вбегают с площади патрульные с криком: «Казаки!» Солдаты бросаются к винтовкам; щелкают затворы; с ружьями на изготовку они выходят на площадь встречать еще невидимого врага. Вдали появляются всадники, но они оказываются... своими же товарищами. Они были посланы за оружием и теперь вернулись с двумя артиллерийскими орудиями. Орудия устанавливаются на плацу, и отсюда артиллеристы обстреливают белогвардейцев по двум основным направлениям: в сторону Пречистенки, по военному штабу и по Зубовскому бульвару, в сторону Смоленского рынка.

На площади, лицом к Чудовке

Наступают решительные дни борьбы; пролетариат Хамовников переходит в наступление. Солдаты и красногвардейцы наступают по Чудовскому переулку и Пречистенской (теперь Кропоткинской) набережной. Мы направимся по той же дороге.

Угол Чудовки, на Хамовнической набережной

Двигаться навстречу врагу, не зная точно, откуда грозит опасность, где у врага сосредоточены силы и где у него уязвимое место, было бы опрометчиво.

Не только мужчины, но и женщины-работницы принимают энергичное участие в разведке. Рабочие-каучуковцы рассказывают, как работница Каспирович со своей подругой и мальчиком-подростком отправилась к Александровскому училищу, рискуя попасть в руки белогвардейцев. И, действительно, у Арбатской площади все были захвачены в плен. Положение женщин было критическое: с разведчиками не шутят. Но тов. Каспирович ловко прикинулась обывательницей-мещанкой, которую простое бабье любопытство заставило выйти на улицу, была отпущена юнкерами и избегла суровой участи.

А вот и другой разведчик. Это слесарь Уваровского (теперь Артамоновского[1]) парка, по прозванию «Шпинарет». Юркий и проворный, этот разведчик почти всегда благополучно ускользает от противника, а если и попадается в лапы врагу, то с актерским мастерством прикидывается таким безвредным дурачком, что юнкера, смеясь, его отпускают.

27 октября в 8 час. вечера разведчицы-кондукторши Уваровского парка Князева, Попова, Селиванова доносят, что Крымский мост занят юнкерами. Тогда ревком дает задание начальнику Красной гвардии, вагоновожатому трамвайного парка Лысову: во что бы то ни стало: очистить мост от юнкеров. С двумя взводами солдат 193-го полка и пятнадцатью красногвардейцами, Лысов отправляется выполнять это поручение.

У Крымского моста

Почему это поручение было особенно важным? Даже тому, кто не знает всех перипетий октябрьской борьбы,

---

[1]) Артамонов—имя слесаря Уваровского парка, сражавшегося в эти дни в Хамовническом районе и расстрелянного белыми в 1918 г.

очевидно громадное значение моста: через Крымский мост один район—Замоскворецкий—протягивает другому—Хамовническому—руку помощи. Но врагу легко разорвать эту связь: небольшой группы вооруженных людей достаточно для преграждения доступа на мост и перерыва удобных сношений между районами, лежащими по ту и другую сторону реки.

Несколько шагов влево—и перед нами развертывается широкая панорама пролетарского Замоскворечья.

Кропоткинская набережная

Вдали высятся стройными рядами трубы замоскворецких заводов; ближе к нам аршинные буквы на белой кирпичной стене сообщают, что это фабрика «Красный Октябрь» (б. Эйнем). На чердаке этой фабрики находился пулемет, из которого красногвардейцы обстреливали Кремль, занятый белыми. Дальше виднеются четыре симметрично расположенные трубы трамвайной электрической станции; оттуда солдаты 55-го полка и рабочие обстреливают противника.

Замоскворечье помогло Хамовникам не только силой оружия: оттуда доставлялось в Хамовнический район и продовольствие. Через Крымский мост посылались трамвайные вагоны с мукой и другими необходимыми припасами. Белогвардейцы простреливают воздушные провода; однако, вагоны продолжают двигаться, подталкиваемые руками рабочих и работниц.

Лысову с солдатами 193-го полка и красногвардейцами, преимущественно рабочими уваровцами, удается очистить мост от неприятеля. 28 октября на мосту устанавливаются красные патрули [1]).

Очередная боевая задача—взятие интендантских складов на Крымской площади. Наступление идет по Крымскому проезду. Отправимся по пути наступления.

Угол Крымской площади и Крымского проезда, перед интендантскими складами

Интендантские склады в дни Октября хранят огромное количество муки, крупы, сахару и консервов; они могли бы сделаться важной продовольственной базой района. Юнкера, занявшие склады, широко используют их, отвозя припасы

[1]) А в последующие дни борьбы мост опять переходит то к белым, то к рабочим.

по Остоженке в Кремль и Александровское училище. Отстаивая этот важный пункт, юнкера устраивают здесь баррикаду. Они с ожесточением посылают пули по Крымскому проезду навстречу идущим борцам. Борьба тянется всю ночь. Красногвардейцы выбивают юнкеров из лицея цесаревича Николая (теперь здание Института красной профессуры). К утру 29 октября, при помощи прапорщика Померанцева, прибывшего сюда с ротой 193-го полка, интендантские склады были взяты. Юнкера, отстреливаясь, умчались по Остоженке, успев захватить с собой немалое количество муки и консервов со склада.

Начало Остоженки, у Института красной профессуры

Красные перешагнули за Садовое кольцо: это как будто приближает их к цели: к взятию штаба Московского военного округа, мощной белогвардейской цитадели, раскинувшейся между Остоженкой и Пречистенкой. Но впереди еще много препятствий и много потерь. Уже с 28 октября юнкера в районе повсеместно переходят в наступление. На Остоженке и Пречистенке появляются автомашины врага. 29 октября рота 193-го полка под командой прапорщика Померанцева пытается выполнить боевую задачу—отогнать юнкеров, занявших Остоженку, до Полуэктова переулка, к помещению штаба.

У Турчанинова пер.

Это наступление таит опасности на каждом шагу: с чердака высокого дома наступавшие могли ожидать пулеметного обстрела; безмолвные особняки скрывали в себе невидимого врага, который меткой пулей вырывал из рядов того или другого товарища; на перекрестках можно было опасаться неожиданной встречи с врагом: не исключалась возможность обходного движения с тыла.

По Остоженке слышна ружейная и пулеметная пальба; пули летят к Крымской площади. На Крымской площади обстреляна санитарная летучка, проезжавшая на грузовике, тяжело ранена ткачиха ф-ки Гивартовского Е. Кузнецова, и находившийся с ней брат—15 летний мальчик—в мучениях умирает от раны, полученной в живот.

Против Померанцева пер.

В глубине Померанцева переулка, на углу Пречистенки, виднеется коричневая златоглавая церковь Троицы. С церковной колокольни белые обстреливают Зубовскую площадь,

мешая наступлению красных отрядов. Рядом лежащие буржуазные Остоженка и Пречистенка пытаются дать совместный отпор борцам-революционерам; юнкера оттесняют красные отряды назад—к Зубовской и Крымской площади. Но небольшой отряд во главе с отважным и умелым прапорщиком Померанцевым [1]) прорвался вперед.

Здесь же, на церкви Успенья, против Коммерческого училища (теперь рабфак им. Бухарина) красным удается поставить бомбомет.

Вот по улице, между Троицким и Еропкинским переулками, пробирается группа рабочих. С ними молодая девушка, курсистка, партийная работница из Замоскворечья Люся Лисинова (Лисинянц). Она работает в Хамовниках в санитарном отряде. По улице спереди и с тыла несутся выстрелы. Группа лавирует между пулями, перебегает по мостовой Но не все достигают тротуара: у Хилкова переулка падает Люся, всегда такая жизнерадостная, любимая всеми товарищами: ее сразила шальная пуля из окна углового серого дома (№ 40) в Померанцевом переулке [2]).

У Коробейникова пер.

Мы стоим у излома Остоженки. Далее она откроется перед нами вся, до Пречистенских ворот. Здесь, в доме № 33 (где чайная Бахтина), еще с первых боевых дней находился штаб Красной гвардии [3]).

У чайной, лицом к чайной

Здесь за левым окном здания был склад оружия—винтовок и бомбометов. В комнате справа отдыхали сменившиеся красногвардейцы. В задней комнате и в кухне хранились патроны. Здесь помещались также питательный и санитарный пункты. Сюда после дежурства приходили красногвардейцы. Здесь их ожидал отдых, закуска и чай. Но опять загрохотали выстрелы. Усталости как не бывало; опять бойцы бегут на улицу...

---

[1]) Недаром его именем назван б. Троицкий переулок.

[2]) О Люсе Лисиновой смотри статью „Замоскворечье в Октябре 1917 г.“ стр. 96.

[3]) Путем беседы группа, учтя топографию данного пункта, может сама определить место нахождения штаба, выяснить невозможность его расположения по другой стороне Остоженки, открытой для выстрелов.

У Полуэктова пер.

Об'единенными силами передового отряда 193-го полка и красногвардейцев юнкера отброшены за Полуэктов переулок. Теперь необходимо здесь укрепиться и предотвратить возможность продвижения неприятельских броневиков. Окопы—надежная преграда для них. К 30 октября Остоженка перекапывается у Полуэктова переулка. Роют окоп главным образом женщины Уваровского парка. С большим трудом они выворачивают булыжники тяжелыми ломами, а затем кирками и лопатами вырывают канаву глубиной в 1—1½ аршина. Работают без передышки: все должно быть закончено к рассвету. Перед окопами наваливают тюки с ватой в 12—14 пудов каждый. Бесшумно, как кроты, делают женщины свое дело; темнота скрывает работающих. Безмолвны темные дома... И вдруг—блеснет на мгновение свет в окне высокого дома, слышится залп: это враг стреляет из винтовки, стреляет наугад, в пугающую тьму. Выстрелы свистят над головами работающих.

Полуэктовым переулком выйдем на Кропоткинскую улицу.

Кропоткинская ул. (б. Пречистенка), против пожарной каланчи

Здесь нам сразу бросается в глаза здание пожарного депо, испещренное следами пуль. Далее, вверх по Кропоткинской виднеется стена высокого дома № 13 с исклеванною пулями штукатуркой—работа красногвардейских винтовок [1]). Все трамвайные мачты пробуравлены пулями.

Уже с первых дней Пречистенка представляет необыкновенную картину: здесь трещат пулеметы и летят разрывные пули, посылаемые юнкерами в направлении Зубовской площади. На пожарной каланче установлен неприятельский пулемет. И все же небольшие отряды красногвардейцев по 8—10 человек не оставляют отважных попыток наступления.

В конце концов их настойчивая стрельба заставляет белых снять пулемет с пожарной вышки [2]).

Иногда смелость и находчивость этих групп, таких ничтожных перед лицом врага, неожиданно дает счастливый исход отдельным моментам борьбы.

Представим туманный рассвет холодного октябрьского дня. Здесь за колоннами белого дома № 19, где помещался

---

[1]) Для того, чтобы увидеть ее, нам нужно выйти на середину мостовой.

[2]) Участие в обстреле каланчи принимали главным образом рабочий Власов с фабрики Гюбнера и Каюков—рабочий фабрики Гивартовского.

институт благородных девиц Чертовой (а теперь здание Военной академии), притаилось 8 красногвардейцев. Целую ночь провели они на посту в тонких пальтишках и пиджаках. Они дрожат от холода, но крепко сжимают винтовки, ежеминутно готовые броситься на врага.

Но вот впереди на Кропоткинской шум и движение. В тумане неясно вырисовываются перебегающие фигуры; число их увеличивается. Это юнкера повели наступление. Положение крошечной горсти красногвардейцев делается критическим. Не теряя самообладания, некоторые из товарищей начинают стрелять, чтоб создать панику в рядах неприятеля. Расчет оправдался: юнкера убегают, на месте сражения остается раненый. Из-за угла Мертвого переулка высовывается рука, держащая на полуторааршинной палке белый флаг с красным крестом—предложение прекратить стрельбу и убрать раненых. Из института выходят, озираясь вокруг, несколько гимназистов и институток с носилками. Но по их действиям видно, что не подача помощи заставила их выйти из института: они ищут возможности ускользнуть в штаб, где сообщат о количестве сражающихся красногвардейцев. Оглушительный выстрел в мостовую с грозным окриком: «Стой! Вернись!» разбивает их планы, и перепуганные «санитары» стремглав убегают обратно в институт, бросив носилки на мостовую.

Наступление снова отбито: юнкера отхлынули к штабу. Кропоткинская наполовину занята красными отрядами. Отдельные группы красногвардейцев бесстрашно продвигаются вперед.

Угол Кропоткинской и Барыковского пер.

Чем ближе к штабу, тем опаснее. Здесь расставлены красные патрули, никого не пропускающие без пароля. Их пароль «глаз».

Вот патруль—молодой рабочий—строго окликает проходящего:

— Кто идет?

Человек, по виду свой, молчит...

— Пароль!

И, не дождавшись ответа, нетерпеливо вскрикивает:

— «Глаз», что ли? Говори!

За подобное «нетерпение» молодой патруль получает хороший нагоняй от прохожего, оказавшегося начальником боевой десятки [1]).

---

[1]) Эти сведения получены от начальника боевого десятка тов. В. Новикова.

Угол Остоженки и Барыковского пер.

Отдельные храбрецы взбираются на крыши высоких домов переулка [1]). Перебегая по чердакам, они подвигаются к Остоженке. Они солидно вооружены. Кроме винтовок, у них ручные бомбы: небольшие продолговатые «лимоны», «бутылочки», с разрывающимися кольцами у горлышка. У иных красногвардейцев на левых рукавах прикреплены серные дощечки, о которые они чиркают запалами маленьких круглых бомб заграничного образца, и затем быстро бросают их по направлению к штабу.

Как узнает ревком обо всем, происходящем в районе?

Туда поступают донесения—сжатым, телеграммным языком написанные записки, иногда на маленьких клочках бумаги, иногда без даты и подписи. Но они написаны под свежим впечатлением события, быть может—в момент самого боя, в момент высшего напряжения, когда нет места выдумкам и фальши—поэтому они особенно интересны и ценны.

Пройдем к тому месту, о котором говорится в донесении, помеченном 31 октября.

Угол Остоженки, против Зачатьевского пер.

Перед нами угловой серый дом с многочисленными следами пуль. Против него маленькая желтая церковь Воскресения. Ремонт церкви залечил раны, нанесенные ей во время борьбы: средний купол был тогда совершенно разрушен.

Поперек мостовой были окопы. Там вдали—окоп белых и барикады из дров, в сажень вышиной .В середине между плотно сложенными поленьями оставлялись отверстия, бойницы для выстрелов.

Вот как рассказывает об этом донесение:

„Район Остоженки...

Наиболее решительные действия развиваются нами по Остоженке. ...На Остоженке поперек улицы вырыты наши и неприятельские окопы. Окопы юнкеров незначительно выдвинуты перед штабом... В наших руках весь 1-й Зачатьевский пер. Угольная церковь и колокольня в наших руках. Но по колокольне ведется из противоположного дома пулеметный обстрел... Было предположено поставить на колокольню бомбомет, но это не удалось из-за сильного обстрела. В настоящее время бомбомет стоит в окопах. Из него произведено несколько выстрелов по штабу округа. По полученным данным, обстрелом из бомбомета причинили штабу значительные повреждения".

---

[1]) В дни борьбы здесь, на Остоженке погибает от раны в живот рабочий из Замоскворечья тов. Добрынин, видный боевик района. (О Добрынине см. стр. 100).

31 октября, после артиллерийского обстрела штаба с Воробьевых гор, когда во дворе штаба начинают разрываться снаряды, положение ослабевшего врага становится безнадежным. Сдача штаба неминуема. Подойдем к нему ближе.

Остоженка, угол Всеволожского пер.

Перед нами узкий коридор Всеволжского пер. Слева тянутся разнообразной величины и окраски дома; правая его половина сплошь занята однотонной массой широко раскинувшегося корпуса штаба Московского военного округа (теперь ПУОКР). Тут, в переулке, служебные постройки: Главный передний фасад—на Пречистенке.

Всеволожский пер., против ворот штаба

Все окна в штабе забарикадированы бумагами, книгами и папками штабных дел. Юнкера отчаянно обороняются. Но их дело проиграно: 1 ноября красные входят в ворота штаба, знаменуя победу.

В донесении разведчика мы читаем:

„Штаб юнкеров на Пречистенке сдался...

...Утром они втащили пулемет в штаб, и красногвардейцы обезоружили юнкеров без всякого сопротивления...“

Пройдем к переднему фасаду здания на Пречистенку.

Пречистенка, у Хрущевского пер. против штаба

После подписания мирного договора в памятный день 2 ноября на штабе взвивается красный флаг. Толпы народа наполняют улицы. 3 ноября еще кое-где слышится стрельба; но это—последние отголоски промчавшейся бури. Жизнь начинает входить в обычную колею.

Как выдержали рабочие это необычайное напряжение борьбы, как вышли из нее победителями, способными удержать за собою завоевания?

Ответим на это словами старого большевика М. С. Ольминского:

„Мы всецело обязаны победой стихийному под'ему массы, а также стойкости энергии районных руководителей, бывших все время с массой и шедшей с нею в ногу.

Октябрьские дни прояснили классовое сознание так, как не могли прояснить его десятки лет пропаганды и агитации“.

С. Закс.

Замоскворечье в Октябре

Колокольня церкви Фрола и Лавра на Зацепской площади

Мощью и спокойным величием веет от вековых стен Кремля, охраняемого красным флагом ВЦИК уже в течение целого десятилетия. Не только для нас, граждан СССР,— для угнетенных всего мира является он залогом будущей победы над игом капитала.

Северное окно

Но десять лет тому назад не такие чувства пробуждал Кремль: наполненный дворцами и монархическими памятниками, он казался воплощением силы ненавистного самодержавия. Февральская революция, свергнув дворянско-монархический строй, выдвинула на первый план новую силу— буржуазию, стремившуюся подчинить себе широкие массы. Тут же, рядом с Кремлем, мы видим Китай-город[1]) — этот выросший и окрепший под охраной самдержавия центр торгово-промышленного и финансового капитала. Но это владычество буржуазии оказалось непрочным: оно было свергнуто восставшим пролетариатом в памятные дни Октября. 25 октября были получены в Москве первые точные сведения о начале революции в Петрограде, и уже 26 октября организуются обе враждебные силы: буржуазия в городской думе избирает Комитет общественной безопасности; в здании Моссовета развертывается деятельность Военно-революционного комитета, избранного накануне на пленарном заседании советов. Учитывая чрезвычайно важное стратегическое значение Кремля и пользуясь своим преобладанием в центре,

[1]) Границы его легко отметить по круглым куполам зданий ВЦИК и ЦК ВКП(б).

силы контр-революции уже 28-го захватывают Кремль и прочно в нем укрепляются.

Откуда же черпает свои силы революция? К ней на помощь, с далеких окраин, широкими, мощными потоками идут организованные массы трудящихся.

Западное окно

Перед нами широко раскинулось Замоскворечье, обрамляемое на горизонте зеленой рамкой Воробьевых гор, пересекаемых серыми и красными трубами кирпичных заводов.

Восточное окно

Совсем у наших ног высится красное здание Саратовского вокзала, сразу поддержавшего восстание силами рабочих своих мастерских, грузчиков хлеба [1]), чернорабочих. Южнее высятся трубы одной из крупнейших фабрик Москвы, фабрики б. Цинделя, а еще дальше к югу вырастает целый лес фабричных и заводских труб. Это настоящий «черный город», город тяжелого труда, всевозможных лишений, выковавший в жестокой борьбе за существование ненависть к угнетателям и твердую, спаянную волю к действию, к борьбе.

Южное окно

Перед нами небольшая группа тесно сплоченных труб. Это два небольших предприятия, по 200—300 рабочих—суконная фабрика Котова и деревообделочный завод Ганзена. Мало выделяется среди этих труб и труба главного опорного пункта Октября в Замоскворечье—металлургического завода Владимира Ильича, тогда завода Михельсона. Роль этого завода была настолько значительна, что на нем необходимо остановиться несколько подробнее.

Еще в революцию 1905 г. завод (тогда Гоппера) выделил активных массовиков и участвовал во всех крупных событиях района. С 1916 г. там успешно ведется большевистская пропаганда и организуется рабочая группа большевиков [2]). Тесная связь с большевиками—студентами Коммерческого института, сорганизовавшимися, главным образом, вокруг своей студенческой столовой, помогает михель-

---

[1]) Работавших на железнодорожном элеваторе.

[2]) В нее входили тт.: Куприянов, Горбачек, Мартынов, Уваров, Стрелков.

соновцам организованно провести февральские дни. Уже 28 февраля они участвуют в революционной демонстрации, 1 марта выбирают своих представителей в совет рабочих депутатов, а 8 марта—свой первый завком [1]), который вскоре явочным порядком проводит 8-часовой рабочий день и контроль над производством [2]). Все время до октября проходит в горячей подготовке к предстоящей новой, требующей напряжения всех сил борьбе. Прежде всего необходимо было подготовить бойцов и вооружить их. Рабочий завода, тов. Пан и сын мастера Никифоров, бежавший из царской армии, проявляют необыкновенную энергию в деле организации Красной гвардии. На складах Сибирского банка, близ Саратовского вокзала, михельсоновцы захватили оружие, эвакуированное из Варшавы, и, спрятав на одну ночь под полом частной квартиры в доме № 10 по Партийному переулку, сложили затем у себя на заводе, укрывши в стенах Гранатного корпуса [3]). Был у михельсоновцев и пулемет, на котором обучались стрелять красногвардейцы. В ночные смены отливались и нарезывались ручные гранаты. Горячо отзываясь на апрельские и на июльские события, участвуя в демонстрациях, завод ждал только сигнала, чтобы вооруженно выступить против буржуазии. Благодаря налаженной связи с партийной организацией Замоскворечья, уже 24 октября на заводе были получены сведения о начавшемся восстании в Петрограде, а 25-го завод забастовал, не дожидаясь об'явления всеобщей стачки. Забастовка проходила чрезвычайно организованно. Ежедневно в 8 часов утра собравшиеся рабочие получали от своего завкома информацию о событиях в Петрограде, а затем и в Москве (поскольку в эти бурные дни удавалось доставать сведения). На призыв завкома пополнить ряды Красной гвардии вырастали длинные очереди желающих записаться [4]). Число красногвардейцев, вначале доходившее до 100 человек, росло с каждым днем. Небольшая часть Красной гвардии осталась охранять завод, причем питательным пунктом и штабом служила заводская столовая [5]). Еще 26 октября отряд михельсоновцев из 10 человек был послан в центр на охрану совета, а остальные направлены в распоряжение Замоскворецкого ревкома. Мы встретимся с ними позднее, когда пойдем на передовые позиции Замоскворечья, а теперь

---

[1]) Из 44 членов; из них 8 большевиков.

[2]) Живым воспоминанием об этих первых достижениях революции являются две железных стершихся доски на стене дома № 4 по Партийному пер., где в феврале и октябре помещался завком.

[3]) См. схематический чертеж-план завода, приложение А.

[4]) Запись принималась в помещении завкома.

[5]) Во дворе дома № 6 по Партийному переулку.

вспомним о крупном организующем влиянии завода на примыкающие части Замоскворечья. В самом начале борьбы при заводе была устроена ремонтная мастерская для перевозочных средств для Замоскворецкого ревкома. Этой мастерской ведал специально прикомандированный к ней товарищ [1]), который нес там постоянное дежурство [2]).

Оказав этим крупную услугу всему району, михельсоновцы сыграли значительную роль и в деле организации соседних, более мелких предприятий—фабрики Котова, завода Ганзена, завода «Поставщик». Но еще большее значение имело

Члены 1-го Завкома завода б. Михельсона и члены полкового комитета 55-го полка (27 апреля 1917 г.).

их планомерное и настойчивое воздействие на другую движущую революционную силу, от которой зависел исход Октябрьских событий—на солдатские массы Александровских (теперь Чернышевских) казарм [3]). В феврале михельсоновцы увлекают стоящий в казармах запасный батальон 55 полка к участию в демонстрациях. Всю весну и всю осень (летом

[1]) Тов. Ильин.

[2]) Помимо литературы в основу рассказа о заводе Михельсона положены сведения, полученные от участников Октября, рабочих завода—тт. Куприянова, Ермакова, Иванова и Ильина.

[3]) Они названы так в честь красноармейца Чернышева, сгоревшего на посту часового во время пожара на пороховых складах в 1919 г.

солдаты отбывали лагерный сбор) идут постоянные митинги на плацу, перед казармами, где излюбленные ораторы михельсоновцы [1]), произносят горячие речи с импровизированной трибуны—дерева [2]). Несмотря на текучий состав запасного батальона 55-го полка, посылавшего постоянные пополнения на фронт, солдаты были так сагитированы, что не возникало сомнений, к кому они примкнут в случае вооруженного восстания. Положение осложнялось тем, что в 5 и 6 корпусах казарм были размещены 2-я, 3-я и 4-я школы прапорщиков [3]); при этом количество юнкеров [4]) превышало общее число запасных солдат [5]). Но еще до начала военных действий большинство юнкеров ушло в Кремль, а оставшиеся (не больше 100 человек) просидели все дни восстания, запершись в своем корпусе, и сдались после падения Кремля. Солдаты 55-го полка примкнули к пришедшим их «снимать» михельсоновцам в первые же дни Октября.

Итак, мы видим, что уже в самые первые дни Октября Замоскворечье находилось в чрезвычайно благоприятных условиях: две главные движущие силы революции—пролетариат и примкнувшее к нему крестьянство (в лице солдат)—были готовы к вооруженной борьбе.

Южное окно

Прежде всего необходимо было обезвредить местного врага, если таковой был. Посмотрим еще раз с колокольни на открывающуюся панораму. Там, на севере, в центре города—сосредоточены главные силы врага; здесь, на юге, сгруппированы силы революции: фабрики, заводы, казармы, а промежуточную зону между ними занимает масса трех-

Западное окно

четырех-этажных каменных домов-мешков, населенных служащими, мелкими торговцами, ремесленниками, буржуазной интеллигенцией. Все это обыватели. Их отношение к революции всегда нейтральное, выжидательное. В 1905 г. и в феврале 1917 г. они симпатизировали революционерам, но

---

[1]) Тт. Афанасьев и Иванов.

[2]) Демонстрируется фотография—группа завкома завода Михельсона и комитет 55-го полка.

[3]) В 4 корпусе были квартиры офицеров.

[4]) Приблизительно 300 человек на школу.

[5]) Солдат насчитывалось человек 500—700.

в Октябре их тайные симпатии всецело были на стороне Кремля и Китай-города; однако, перейти открыто на сторону белых они боялись. Таким образом, по первому взгляду, своего «домашнего», явного врага у Замоскворечья в Октябре не было. Но, стоит только спуститься с колокольни и пройти немного по Стремянному переулку, как мы поймем свою ошибку: такой враг был у Замоскворечья в лице учащихся Коммерческого института. Уже самая архитектура здания, пышно-замысловатая и бессгильная, не говоря о названии, заставляет угадывать его строителей и попечителей—представителей московского торгово-промышленного и финансового капитала.

Стремянный пер., против института имени Плеханова

Основанный в 1902 г., институт, как и подобает дегищу буржуазии, был в качестве частной высшей школы достагочно либерален: в нем находили приют изгнанные из государственных университетов либеральные профессора; условия приема для учащихся были несравненно легче, чем в других высших школах, поэтому и состав учащихся был относительно демократичнее. Конечно, большинство студентов Коммерческого института было все-таки выходцами из крупной и мелкой буржуазии, но в обычное мирное время это большинство всегда бывает пассивным. Немудрено, что все общественные студенческие дела, в частности организация студенческой столовой, велись активным меньшинством, в котором с самого начала играла видную роль большевистская группа. О ее роли и деятельности нам придется говорить несколько позже, а теперь нам необходимо выяснить, как будет держать себя в Октябре большинство студентов Коммерческого институга. Совершенно очевидно, что оно не только не встанет на сторону революции, но, наоборот, будет вести с ней борьбу.

Имея тесную связь с Александровским военным училищем через студентов-добровольцев и взятых на военную службу с 1 и 2 курса, студенты попытались с самого начала превратить институт в опорный пункт белых. Поздно вечером 26-го они привезли на автомобиле несколько тюков с винтовками и переправили их на чердак института. Это заметил один из технических служащих института, тов. Рудаков; он увидел и собравшихся на чердаке, очевидно, для совещания, человек 40 студентов и немедленно сообщил об этом знакомым студентам-большевикам, которые, в свою очередь, дали знать в 55-й полк. Небольшой отряд этого полка (человек 10) был встречен близ ворот института

тов. Рудаковым, предложившим солдатам показать им наиболее легкий и быстрый способ захватить здание.

Быстро обезоружив стоявшего у ворот на карауле студента и заперев его в сторожку, отряд стремительно направился к громадному окну нижнего коридора [1]).

Солдаты дали залп и в разбитое окно быстро вскочили в коридор. Это неожиданное нападение так ошеломило студентов, что (их было человек 40) они, беспорядочно стреляя, бросились спасаться во все закоулки института. Часть их была застигнута и обезоружена в вестибюле нового корпуса (и теперь на потолке видны следы пуль), часть в аудиториях (ни с той, ни с другой стороны убитых не было). Когда уже все было закончено, к институту подошла рота 55-го полка, которая заняла здание и поставила вокруг караулы, а во дворе пулеметы. С этого момента институт делается настолько надежным и безопасным местом, что 30 октября там располагается партийный центр большевиков—революционная «пятерка» [2]). Правда, студенты-белогвардейцы попытались еще раз выступить активно против восставшего пролетариата: в один из первых же дней восстания они обстреляли на углу Б. Серпуховской и Стремянного переулка идущих к своему ревкому красногвардейцев-михельсоновцев. Этой небольшой стычкой закончились все попытки активного выступления белогвардейцев: в дальнейшем замоскворецкому пролетариату не приходилось тратить сил на борьбу в своем районе—он мог их нести нерастраченными для завоевания центра.

Угол Б. Серпуховской и Стремянного пер.

Направимся теперь к столовой Коммерческого института, которая была центром большевистской организации студентов-коммерсантов.

Люсиновская ул., против д. № 28

Мы на б. Малой Серпуховской, теперь Люсиновской улице, против небольшого купеческого особняка. Из-за ворот виднеются кирпичные стены и крыши большого склада. В этом особняке и помещалась «столовка». Здесь еще в годы реакции играла активную роль группа студентов-большеви-

---

1) Новое здание во дворе.

2) В основу этого рассказа положено сообщение самого участника события тов. Рудакова.

ков. В подвале столовой печатались на гектографе листовки. После Февральской революции столовая делается обычным местом шумных сходок и митингов, постоянными участниками которых были рабочие завода Михельсона. Вполне понятно, что и в дни Октября столовая не потеряла своего революционного значения: в ней помещались в эти дни не только редакции «Известий», «Правды» и «Социал-демократа», но и Замоскворецкий райком. Но особенно велико было значение столовой, как организационного центра Замоскворецкого пролетариата. При первой же поверхностной беседе с рабочими завода им. Владимира Ильича, участниками Октября, легко убедиться, что для них представление об организации завода связано неразрывно с представлением о «столовке». С большим чувством вспоминают они имена тт. Тер-Ваганяна, Кириллова, Арутюнянца, Фельдмана и Колоскова (студентов Коммерческого института), большевиков, из которых последние двое были платными секретарями завкома с марта по октябрь 1917 г.

Особенно теплым чувством согреты их воспоминания о Люсе Лисиновой [1]) (ее именем названа и улица, на которой мы стоим). Активный работник большевистской группы института, она вся отдается партийной работе: устраивает ночевки нелегальным товарищам, хранит литературу, а, главное, ведет пропаганду на замоскворецких фабриках и заводах. Это она организует большевистскую ячейку у Михельсона еще в 1916 г. и вплоть до Октября поддерживает с заводом самые тесные отношения. Но в Октябре ее кипучей, самоотверженной натуре стало «нечего делать» в Замоскворечье. Революционный долг увлекал ее туда, где нужнее всего были силы, где борьба шла со всем

Люся Лисинова—парторганизатор Замоскворецкого района, погибшая в октябрьские бои 1917 г.

[1]) Демонстрируется фотография Люси Лисиновой.

напряжением. „Я иду к нашим, на Остоженку", сказала она товарищам. Там, на Остоженке, она и была убита.

Пойдем же и мы по направлению к центру, куда стремились все помыслы бойцов Замоскворечья.

Угол Люсиновской ул. и Добрынинской площади

Самое название бывшей Серпуховской площади вызывает в памяти новый героический образ.

Товарищ Добрынин, рабочий переведенного из Петрограда телеграфно-телефонного завода [1]), кудрявый, румяный весельчак, со всей страстностью молодости рвался в самые опасные места. Он тоже не остался в Замоскворечьи, а отправился в Хамовники, где борьба велась так напряженно. Там, на Остоженке, он был смертельно ранен и умер, как умирают только в революционной борьбе, со словами: «Да здравствует революция, да здравствует победа пролетариата!» Сюда, на Добрынинскую площадь, отголоски этой героической борьбы доходили только так, как они могут доходить до глубокого тыла. Площадь охранялась патрулями 55-го полка, предупреждавшими и пресекавшими всякие попытки погромов и грабежа.

Тут же, на площади, в помещении кофейной «Франция» [2]) находился районный перевязочный пункт. Перевязочные средства удобно было получать из аптеки, находящейся и в настоящее время на противоположной стороне площади, а в санитарах и сестрах не было недостатка. Между прочим, среди красных сестер и санитаров было довольно много кондукторов Шаболовского трамвайного парка (расположен дальше, на Шаболовке).

Коровий вал, д. № 3

Неподалеку от площади находился и боевой склад: в помещении театра «Великан» в первые дни революции было хранилище патронов, а затем и революционного оружия. Тот же тыл заботился и о питании бойцов.

Идя дальше по Коровьему валу, мы скоро начинаем чувствовать запах свежего хлеба, в открытые ворота видим платформу, нагруженную караваями, людей в белых фартуках, а беглый осмотр самого здания со множеством труб и

[1]) На Татарской ул., против завода Доброва и Набгольц.
[2]) В настоящее время тут помещается книжный магазин.

вентиляторов убеждает нас, что это—специально приспособленная и давно существующая пекарня. Существовала она и в октябре 1917 г.

Коровий вал, д. № 5

Она находилась тогда в ведении военного ведомства, но работали в ней рабочие, а не солдаты. Естественно, что она не могла остаться в стороне от событий: работа там не прекращалась, и хлеб рассылался по боевым позициям. Туда, к позициям, мы и направимся и, приглядываясь по дороге к встречным зданиям и вывескам, попытаемся определить социальный состав этого квартала и подойти к вопросу об его отношении к Октябрьской революции.

Сквер на Октябрьской площади

Подводя итоги своим наблюдениям, мы легко придем к выводу, что эту часть Замоскворечья населяли в большинстве служащие, мелкие торговцы, ремесленники,—в общем, представители «обывательщины», которой любопытно бывает посмотреть, что за стрельба идет за углом, но, чуть только стрельба усилится, а главное станет ближе—«самое лучшее—в окно вставить перину: очень хорошо защищает от пуль...»[1]). Полной противоположностью этим трусливым обывателям были люди, сосредоточившиеся в помещении ресторана Полякова [2]): здесь в дни Октября помещался и исполнительный комитет Замоскворецкого совета рабочих и солдатских депутатов, и военно-революционный комитет и штаб Красной гвардии Замоскворецкого района.

Здесь кипела непрерывная и напряженная работа. «Во время этой недели не было ни дня, ни ночи. Была беспрерывная борьба, были тревоги, были радости. Было напряжение всех духовных и физических сил. И мы победили. Действительность мне представляется, как происходившая во сне, а на самом деле он превратился в действительность»,—говорит об этих днях товарищ Волин, председатель Замоскворецкого ревкома [3]).

Во главе штаба Красной гвардии стоял человек с «седой львиной головой и молодым, горячим сердцем бойца» [4])—

---

1) Подлинное выражение некоей гр. Лариной.
2) Угол Коровьего вала и Октябрьской площади, дом № 3.
3) „Октябрьские дни в Москве и районах“, стр. 150.
4) „Октябрские дни“, стр. 148.

проф. астрономии П. К. Штернберг [1]). Большевик с 1905 г., он в дни Октября налаживает охрану Моссовета, а затем руководит всей боевой работой Замоскворечья. И после Октября он не вернулся к любимой научной деятельности, а продолжал работать на фронте гражданской войны. Работая до изнеможения, он простудился во время одной из своих поездок по восточному фронту и умер в 1920 г.

П. К. Штернберг — руководитель военной организации Замоскворецкого района.

Штаб и ревком были центром, к которому стягивались силы окраин; сюда идут михельсоновцы, сюда вызываются 50 человек из Даниловского подрайонного комитета [2]).

---

[1]) Демонстрируется фотография П. К. Штернберга.

[2]) Боевой приказ исполкома Замоскворецкого района от 31 октября 1917 г.: „Замоскворецкий Военно-революционный комитет приказывает: Даниловскому подрайонному комитету выслать в совет на Калужскую площадь 50 человек с винтовками.

Председатель — В. Волин. Секретарь Михайлов.

Сюда же шлют свои силы и соседние опорные пункты Октября—трамвайный парк на Шаболовке, несший, главным образом, службу связи, и завод бр. Бромлей (теперь «Красный Пролетарий»). Вооруженные рабочие тотчас же направлялись на позиции, но оружия нехватало на всех, желавших итти на защиту революции и буквально наводнявших площадь. Не только эти рвущиеся в бой защитники революции,—самая обстановка площади напоминала о близости позиций. В углу ее, как раз в том месте, где сходятся Шаболовка и Донская улицы, стояло орудие, обращенное дулом к Кремлю. Когда 1 ноября начался обстрел Кремля с Воробьевых гор, снаряды нередко летели через площадь.

Еще сильнее чувствуется близость позиций на Крымском валу. Улица спускается к Крымскому мосту, а на противоположной стороне реки снова поднимается к Крымской площади. Там, в лицее цесаревича Николая (ныне институт красной профессуры) обосновались юнкера, в первые дни восстания крепко державшие в своих руках значительную часть Хамовников. Оттуда, сверху, им легко было держать под обстрелом и мост и весь Крымский вал. Опасаясь их наступления и прикрывая свой штаб, борцы Замоскворечья поспешили защитить подступы к Калужской площади.

Крымский вал, против д. № 4

Как раз на том месте, где мы стоим, была быстро сооружена оригинальная баррикада из тюков хлопка, вывезенного со складов, помещавшихся во дворе столовой Коммерческого института.

Территория б. с.-х. выставки, близ театра

Чем ближе к мосту, тем напряженнее чувствуется близость борьбы. В этой борьбе горячее участие принимали и рабочие Варшавского арматурного завода, эвакуированного время войны и занявшего здание завода «Малый Бромлей»[1]).

Направимся вместе с ними на самые передовые позиции к Крымскому мосту.

У Крымского моста

Его стратегическое значение станет вполне очевидным, если мы припомним, что по ту сторону Москва-реки уже

---

[1]) Здание перестроено в настоящее время под театр.

начинается центр, где так напряженно велась борьба; от моста совсем недалеко Остоженка, где погибли и Люся Лисинова, и тов. Добрынин, и 16-летний мальчик Андреев, сын рабочего завода Михельсона, упросивший записать его в Красную гвардию.

Судьба Замоскворечья зависела от того, в чьих руках будет мост; вот почему красногвардейцы и солдаты революционного 55-го полка напрягали все усилия, чтобы отстоять его. Замоскворецкий конец моста был укреплен окопами, там все время стояли патрули. Хамовнический же конец был 27 октября захвачен юнкерами и в течение двух дней несколько раз переходил, под напором революционных отрядов Хамовников, в руки красных. Пользуясь этими моментами, Замоскворечье приходило на помощь Хамовникам своими продовольственными запасами, которые грузились на трамвай; рабочие и работницы их переправляли через мост, подталкивая руками, так как трамвайная сеть была повреждена и не действовала. Только 29 октября мост был окончательно освобожден от белогвардейцев, и через него борцы Замоскворечья направились на помощь восставшим Хамовникам.

Достаточно самого беглого взгляда на план Москвы [1]), чтобы уяснить себе не меньшее стратегическое значение и остальных мостов Москва-реки, особенно Каменного и Москворецкого; за овладение этими мостами пришлось положить немало сил и красногвардейцам Замоскворечья, и солдатам 55-го полка. Для укрепления своей позиции у Каменного моста они захватили трамвайную электрическую станцию (трубы ее хорошо видны от Крымского моста). Выбив отгуда белых, красные бойцы Замоскворечья начали обстрел противника с высоты башни станции.

Вокруг фабрики б. Эйнем, красные стены которой поднимаются у самого берега Москва-реки, уже 26 октября были слышны ружейные залпы. Несколько позднее на чердаке фабрики был помещен пулемет, из которого красногвардейцы стреляли по Кремлю. Не остались в бездействии и рабочие завода Густава Листа (теперь «Красный факел») [2]), расположенного как раз против Кремля, на Софийской набережной: он выставил свой отряд Красной гвардии; по соседству с ним, пользуясь перемирием (в ночь с 30 на 31 октября), красные отряды заняли новые позиции на крышах прилегающих домов. Еще бо́льшую роль сыграла в Октябрьские дни центральная электрическая станция (МОГЭС), бывшая одним из важнейших пунктов Замоскво-

[1]) Показывается план Москвы.
[2]) Этого предприятия от моста не видно, можно указать его на плане.

речья. Уже 26 октября там образован был штаб для руководства боевыми действиями. В первые дни восстания, когда вопрос шел только о том, чтобы не допустить врага перейти мосты и начать наступление на Замоскворечье, рота 55-го полка стойко охраняла станцию, а к концу восстания сама станция перешла в наступление и повела обстрел Кремля и храма Христа Спасителя, на котором действовали пулеметы белых [1]).

Таким образом, мы видим, что излучина, образуемая Москвой-рекой, клином врезающаяся в центр и соединенная с ним мостами, оказалась, при начавшемся наступлении красных, очень выгодной в стратегическом отношении. И все же наступление было бы далеко не таким удачным, если бы на стороне революции, с первых же дней восстания, не стояла артиллерия. 3

Замоскворецкий ревком, учитывая решающее значение действия тяжелой артиллерии, требовал от Центрального штаба открытия орудийного огня по городской думе [2]).

1 ноября необходимость обстрела Кремля из тяжелых орудий становится очевидной и для Центрального штаба. Кремль бомбардируется с Воробьевых гор, с Бабьегородской плотины [2]), от рабочих казарм Бутиковской фабрики. В то же время районы напрягают последние усилия и в дружном натиске тесным кольцом сжимают Кремль. С утра 2 ноября начинается его штурм, но белые там еще держатся. Однако, уже к вечеру, как это видно из боевого приказа [3]) исполкома Замоскворецкого совета рабочих и солдатских депутатов, «враг сдался».

Сплоченность сил пролетариата, геройское мужество и самоотверженность его бойцов укрепили на ВЦИК'е развевающийся победоносный красный флаг.

О. Козлова.

---

[1]) Это предприятие указать на плане.

[2]) Приказ Замоскворецкого ревкома: „Замоскворецкий Военно-революционный комитет единогласно постановил требовать от Центрального штаба открытия орудийного огня по Думе. Председатель Б. Волин".

[3]) Боевой приказ исполкома Замоскворецкого совета рабочих и солдатских депутатов от 2 ноября: „Враг сдался. Все наши условия приняты. Признана власть Советов. Условия сдачи противной стороной оружия вырабатываются. Быть настороже; позиций не ослаблять. Огонь и боевые действия прекратить. Председатель Б. Волин. Секретарь Борисов".

Городской район в октябрьские дни

У крыльца Коммунального музея

Мы у Сухаревской башни. Наше внимание привлекает сильное движение, наполняющее площадь разнообразными звуками. Непрерывной цепью тянутся по всем направлениям трамваи, несутся автобусы, мелькают быстроходные автомобили, трескучие такси и громыхают тяжелые грузовики. То и дело слышатся окрики легковых и ломовых извозчиков. Пешеходная сутолока, в которой встречаются самые разнообразные слои населения: пригородные крестьяне, приехавшие за покупками, домашние хозяйки; часто мелькают торговые дельцы всех рангов—от лотошника в засаленном фартуке до владельца крупного магазина с громадным торговым оборотом. Мы находимся в торговой части города. Перед нами самый большой в Москве рынок—Сухаревский, в эпоху военного коммунизма гремевший на всю РСФСР, да и теперь делающий миллионные торговые обороты.

Обратим внимание на перспективу убегающей перед нами улицы—Сретенки, окаймленной по обеим сторонам каменными домами. Нижние этажи каждого дома заняты магазинами, продающими всевозможные предметы первой необходимости. Здесь можно встретить и Всесоюзный текстильный синдикат, и универсальный магазин, и магазин шляп, обуви, трикотажа; масса мелких частных галантерейных и гастрономических лавочек; булочные, фруктовые палатки и т. п. Но зато вы здесь не найдете больших витрин с предметами роскоши. Это не центр, хотя и здесь царит оживленное деловое движение. Это и не окраина, занятая, как обычно в Москве, промышленными предприятиями и рабочим населением. Но если перейти трамвайную линию вправо и остановиться в сквере, мы увидим и окраины, вынесшие на своих плечах всю тяжесть октябрьской борьбы.

Левая сторона сквера, у Сухаревской башни

Красиво раскинулась северо-западная часть Москвы: море домов всех типов. Ваш взгляд ласкает кое-где прорывающаяся зелень—это остатки былых усадеб дворянства, на смену которому во второй половине XIX века выступает купечество. Над этими былыми дворянскими гнездами и купеческими особняками возвышаются громадные доходные серые дома буржуазии XX века. В этом море разнообразных типов домов то тут, то там несутся вверх силуэты колоколен, церквей, монастырей, соборов, среди которых выделяется один своими массивными ржавыми куполами—это собор на Миусской площади в честь Александра Невского, постройку которого задержала империалистическая война и остановила революция. Это довольно безвкусный памятник эпохи царизма, когда Николай II накануне революции воздвигал повсюду церкви в честь своих предков; именем же Александра назывались трое из Романовых.

Миусская площадь и прилегающие к ней переулки—это уже промышленный район. Рядом с собором находятся трамвайные мастерские ГЖД; немного левее от площади помещаются мастерские Московско-Белорусско-Балтийской железной дороги.

Если итти правее Миусской площади, ближе к окраинам, нам будут все чаще попадаться фабрики, заводы и различные промышленные предприятия. По количеству рабочего населения Красно-Пресненский район до революции занимал третье место в Москве. Рабочее население этого района в борьбе за власть бросило громадную силу в октябрьские дни на помощь центру, имея связь с центром, главным образом, через Городской ревком, помещавшийся в те дни в трактире Романова[1]), перед которым мы находимся.

У Сухаревской башни, против Мещанской, правая сторона

Маленькое, ветхое двухэтажное здание, которе занимал Военно-революционный комитет, выходит на Малую Сухаревскую площадь и широкую, относительно спокойную, 1-ую Мещанскую улицу, застроенную в части, прилегающей к Сухаревской башне, большими благоустроенными каменными домами. Население в этих домах, так же как и в домах на Сухаревской площади, Сретенке и в прилегающих переулках, в подавляющем большинстве, до октябрьских дней было торговое, буржуазно-мещанское.

---

[1]) Угол 1-й Мещанской и Сухаревской площади, д. № 7/1.

Уже с 15 октября в этом домике политическая жизнь бьет ключом: здесь помещается комитет Городского района РСДРП(б), а затем переезжает сюда и районный совет рабочих депутатов. За несколько дней до переворота в этом помещении собирается МК РСДРП и обсуждает создавшееся положение, а накануне 25-го происходит собрание большевиков Городского района совместно с членами союза молодежи. На собрании выносится резолюция об организации вооруженного восстания. Члены партии с собрания расходятся по различным районам, с призывом готовиться к борьбе. 26 октября Горревком получает приказ от только что образовавшегося ВРК в центре[1]) дать ему в помощь вооруженную силу. Этот приказ сообщается по ячейкам заводов, фабрик, мастерских, и через несколько часов к трактиру Романова отовсюду стекается рабочая масса. Первыми прибыли из Ростокинского подрайона рабочие Крестовской водокачки и Красная гвардия завода Михельсона (из Красно-Пресненского района), готовившиеся к борьбе еще с июльских дней. Идут товарищи из Сокольнического и Красно-Пресненского районов, а вечером 26-го в Горревком приходят из центра 30 человек двинцев—солдаты Двинского полка, по приказу Керенского сидевшие в тюрьме и освобожденные большевиками.

Не узнать теперь когда-то веселого трактира Романова: наверху беспрерывно идет заседание ревкома; на лестнице, внизу, всюду снует черная озабоченная рабочая масса, беспрерывно щелкают затворы винтовок. Здесь записываются в Красную гвардию, здесь выдают и оружие. Рабочая масса полна энтузиазма, она рвется в бой, но, несмотря на это, положение незавидное: в районе почти нет Красной гвардии, нехватает всем оружия—на 5—7 человек одна винтовка; в стратегическом отношении позиция самая невыгодная—дом открыт для нападения с двух сторон, не имеет двора, а соседство буржуазно-мещанского населения не обещает ничего хорошего.

На Большой Сухаревской площади, против д. № 4

В таком же стратегически невыгодном положении находился и Народный дом на Большой Сухаревской площади, бывший центром собраний, политической и культурной жизни союза молодежи, там же и обучалась Красная гвардия. 27 октября, в темный, холодный вечер, в д. № 4 открывается

[1]) ВРК избран в ночь на 26 октября в Политехническом музее, помещался в Моссовете на Скобелевской площади.

общее собрание гласных районных дум, на котором, по предложению большевиков, был организован совет районных дум. Во время заседания шли бурные споры между с.-д. большевиками и другими политическими группировками. В этот же холодный, темный вечер раздались первые выстрелы, а вслед за ними с чердаков ближайших высоких домов начали палить по ветхому трактиру Романова. Возникла необходимость в первую очередь обезопасить себя от нападения и не допустить до разгрома ревкома, как это случилось в других местах [1]). Рабочие прямо с заседания отправились строить баррикады [2]). Материал для постройки—кирки, ломы, лопаты—привезли из Сокольнического трамвайного парка. Через несколько часов Сухаревская площадь ощетинилась траншеями, окопами, баррикадами. Между тем, стрельба усилилась, а баррикады и траншеи защищали плохо, так как обстреливали с крыши и чердаков дом № 31 [3]), где кучка белых установила пулемет и производила стрельбу прямо по трактиру Романова. Надо было найти какой-то пробовали делать обыски в доме № 31, но они не приносили никаких результатов, и вот тут-то на помощь пришли солдаты Спасских казарм.

Против Спасских казарм, в конце Большой Сухаревской площади

Солдатская отсталая масса не сразу во всех казармах перешла на сторону рабочих, были шатания. Солдаты, будучи слабо подготовлены идеологически и технически, не могли быстро разрешить вопрос о вооруженном восстании. 28 октября в Спасских казармах устраивается митинг и выносится резолюция о поддержке Военно-революционного комитета. После этого сейчас же арестовали командную верхушку и отправили отряды на помощь ревкому. Правда, это была в большинстве только живая сила, так как оружия в Спасских казармах было очень мало в виду разоружения казарм по приказу Керенского еще в сентябрьские дни; тем не менее, пришедшие солдаты влили большую уверенность в ряды рабочей массы. Солдаты по приходе сейчас же приступили к работе: притащили из казармы 2 пулемета и установили их на Сухаревской башне. Пулеметы заработали, и тотчас же прекратился обстрел с соседних домов. Юнкера

---

[1]) В Дорогомилове разгромила ревком 5-я школа прапорщиков; в Сокольниках была попытка со стороны офицеров из центра разгромить ревком.

[2]) Баррикады были нарыты по линии палаток от башни, загораживали вход на Сретенку и у дома № 5 поперек 1-й Мещанской.

[3]) Дом на углу Сретенки и Сухаревской площади.

из дома № 31 ушли вглубь Сретенки и укрепились на доме № 19. А мелкобуржуазное население, помогавшее юнкерам, не могло без поддержки продолжать борьбу. Оно трусливо нападало из-за угла и, почувствовав перевес на враждебной стороне, замолчало, ожидая исхода событий, чтобы перейти на сторону победителя. Велика была радость солдат Спасских казарм, когда узнали, что их товарищи отбили нападение на ревком. «И без офицеров стратегию знаем», уверяли они рабочих [1]). А ведь только отбить нападение было мало, надо было дать помощь в центр в то время, как районы от центра были уже отрезаны (см. приложение Б). Как вы видите по плану, белые к утру 28-го заняли всю центральную часть города до Садового кольца, заняли и укрепили Кремль, телеграф, телефонную станцию и гостиницы по Театральной площади.

У белых к 26 октября было много хорошо вооруженного и подготовленного войска, тогда как у большевиков была лишь живая сила, был энтузиазм, но не было оружия, не было и военных руководителей. Рабочие в большинстве не умели даже обращаться с винтовкой, и вот с такими-то силами красные начинают наступление на центр по Сретенке. После обстрела из пулеметов с Сухаревской башни Сретенка, казалось, вымерла, но едва показываются красные патрули, как враждебное буржуазное население начинает стрельбу из форточек, подворотень, чердаков; установить—откуда, из какого дома стреляют,—невозможно.

Белые при активной поддержке населения отбивают наступление. Последнее возобновляется несколько раз, и всякий раз оно отбивается противником. Укрепить за собой Сретенку так и не удалось до 1 ноября. Пробовали наступать по переулкам, ведущим от Сухаревской площади в центр, но и здесь терпели неудачи, как и на Сретенке. После этого начали наступать по Мясницкой.

Садовая-Спасская, против дома № 18

Мясницкая недалеко, пройдем вместе с отрядом, но по дороге остановимся у дома «Великан», где в октябрьские дни помещался 251-й пехотный полк, выразивший 28 октября сочувствие большевикам и перешедший на сторону ревкома. Полк вооружен. Он сейчас же приступает к активным действиям: часть солдат на Садовой у казарм начинает проверку документов и обыски проходящей подозрительной публики. Останавливают и обыскивают преимущественно

[1]) „Октябрьские дни в Москве и в районах“, статья Расина.

военных и граждан в котелках; сопротивляющихся отправляют в полковой комитет. У задержанных военных отбирают оружие и арестовывают; оружие отдается рабочим. Другая часть солдат отправляется к ревкому; остальные делятся на отряды, садятся на грузовики и отправляются к Мясницкой.

Угол Садовой и Орликова пер., правая сторона

Пройдем за ними и мы вверх по Садовой и остановимся на правом углу Орликова переулка.

Перед нами северо-восточная часть Москвы—Сокольники, промышленный район с большими фабриками, заводами, трамвайными и железнодорожными мастерскими, вокзалами и громадным рабочим населением. Сейчас в районе нас привлекает Каланчевская площадь—средоточие железнодорожных путей, где расположились три крупных вокзала (нам хорошо видны Октябрьский—до революции Николаевский—и Ярославский). В октябрьские дни железные дороги имели самостоятельную организацию. Эти вокзалы с первого дня переворота находились в руках восставших, но положение красных было крайне тяжелое, особенно на Николаевской железной дороге. Все время встречали упорный саботаж со стороны служащих, да и между партийными группировками в железнодорожном комитете шли большие разногласия, которые сильно вредили в деле организации и подготовки к вооруженному восстанию. 26 октября в мастерских Казанской железной дороги записалось в Красную гвардию 120 человек. Организовали ревком из 4 лиц, который поместился в царском павильоне на Николаевской железной дороге. Оружия в ревкоме совершенно не было, в то время как у начальника милиции имелись «на всякий случай» ящики с револьверами системы «Наган». С большим трудом удалось разоружить милицию, враждебно настроенную к Военно-революционному комитету, и револьверы перенести в павильон. Этими револьверами и вооружились члены ревкома и 30 человек Красной гвардии.

С таким же трудом удалось установить контроль над железнодорожным телеграфом, что во время восстания было крайне необходимо. Немногим лучше было положение и на Ярославской железной дороге.

28 октября в ревком пришли представители Викжеля и сообщили, что из Бологого по направлению к Москве идет бронированный поезд. Поезд этот был в руках правительства, и, очевидно, на нем ехали контр-революционные войска. Вслед за поездом едут, стремясь его догнать, 2 эшелона

матросов. Поезд, угрожая оружием, не позволяет себя задержать.

После такого сообщения члены ревкома тт. Зимин и Бочаров на паровозе отправляются навстречу узнать, кто едет, и если это войска Керенского, то во что бы то ни стало поезд задержать. А на Каланчевской площади, готовясь к приему поезда, Красная гвардия железнодорожников роет окопы и строит баррикады.

Через некоторое время площадь была готова к бою.

Напряженная атмосфера, наконец, разряжается: тяжелое ожидание врага сменяется бурной радостью: бронированный поезд пришел, но не с командой Керенского, а с матросами-большевиками, приехавшими из Петрограда в помощь московскому пролетариату. Приходит и второе не менее важное радостное известие—на Казанской железной дороге стоит целый поезд с новенькими винтовками; казаки, охранявшие поезд, разбежались, и винтовками вооружается Красная гвардия Железнодорожного района, а остальные развозятся по районным ревкомам.

Рабочие вооружены. Можно итти на центр, и вот уже к вечеру 28 октября на Мясницкую устремляется людская лавина: рабочие, работницы, партийные и беспартийные; идут даже те рабочие, которые до борьбы были в рядах партии меньшевиков.

„Вы-то зачем идете? Ведь вы были против вооруженного востания",— смеясь, спрашиваю товарищей. Те смущенно отвечают: „Были против, пока не начались военные действия, а теперь наших же бьют, нельзя оставаться дома" [1]).

У киоска на Мясницкой, против телеграфа

Наступают по Сретенке, по переулкам, ведущим от Садовой в центр, и особенно усиливают наступление по Мясницкой. Отряд за отрядом пробирается вдоль улицы. Их встречает сильный огонь: стреляют не только белые отряды, укрепившиеся в отдельных домах, но и обыватели.

Красные не отступают: они теперь вооружены; прижимаясь к стенам, прячась за выступами, посылая вперед разведчиков, выбивая белые отряды из укрепленных ими мест, они проникают все глубже и глубже. Вот и у телеграфа. Там засели юнкера, которые не хотят уступить ни пяди земли без боя. Жестоко сражаются обе стороны. Юнкера стреляют со зданий телеграфа, почтамта, с домов против почтамта, с Тургеневской площади, а буржуазное населе-

[1]) „Октябрь в Москве и районах", статья Расина.

ние открывает канонаду со стороны Чистопрудного бульвара. Юнкера и население напрягают все силы, но не могут сдержать натиск Красной гвардии и солдат. Белые отступают вглубь Мясницкой. Почтамт и телеграф взяты, но войти внутрь нельзя, так как служащие закрыли помещение и упорно не желают отдавать ключей. Красные с трудом получают возможность проникнуть внутрь зданий. Там пустота, изредка на полу встречаются тела мертвых юнкеров; служащие разбежались.

На работу встало 20 человек Красной гвардии под руководством активнейшего партийного работника Горрайона В. Н. Подбельского [1]).

К вечеру Красную гвардию сменяет телеграфно-прожекторный полк. На телеграфе и почтамте революционные силы пытаются восстановить работу, а на улице еще продолжается борьба,

В. Н. Подбельский — партийный работник Городского района и член Моск. Воен.-рев. комитета в октябре 1917 г.

От почтамта по Мясницкой по направлению к центру пройти невозможно: дорога преграждена трамвайными мачтами и киосками, улица покрыта баррикадами, опутана телеграфной и телефонной проволокой. Под сильным огнем противника красные стремятся проникнуть к телефонной станции. Нападение ведется с нескольких пунктов: часть отрядов занимает Тургеневскую площадь, часть очищает дома от неприятеля, разбирает баррикады и проволочные заграждения, а один отряд движется в обход телефонной станции по Боброву переулку. За этими отрядами и пройдем.

Угол Милютинского и Боброва пер.

Перед нами кривые, узкие переулки с выступами, углублениями, проходными дворами, высокими домами, весьма удобными для обороняющихся и невыгодными для насту-

[1]) Позже был народным комиссаром почт и телеграфов; умер в 1919 г. от заражения крови, которым он заболел вследствие незначительного ранения, полученного на субботнике.

пающих, а потому путь по Боброву переулку так же тяжел, как и на Мясницкой. Стреляли отовсюду: с чердаков, с крыш, из форточек, из-за угла; приходилось поэтому обыскивать каждый дом. Дом № 6, выходящий на Тургеневскую площадь, обыскивали шесть раз и каждый раз находили все больше и больше оружия. В доме № 6 большую помощь белым оказывала учащаяся молодежь, которая в октябрьские дни находилась в стане контр-революции.

Все-таки, благодаря громадному энтузиазму Красной гвардии, сопротивление белых в Бобровом переулке было сломлено. Красные прорвались в Милютинский переулок, где вести борьбу было еще тяжелее. Это не первый отряд пробрался к цитадели юнкеров. Со стороны переулков, ведущих с Сухаревской площади в центр, несколько раз пробивались красные отряды, но всегда их отбивали с телефонной станции: возвышенное положение дома давало возможность засевшим юнкерам делать наблюдения на громадном расстоянии и заранее обстреливать приближавшегося врага. Тем не менее, прорвавшийся отряд укрепляется в д. № 17 и недостроенном доме № 20/2. На лесах дома № 20/2 устанавливают пулемет и начинают обстрел телефонной башни. Юнкера методически отвечают на обстрел красных. Следы обстрела—перед нами. Видно испещренную пулями верхнюю правую башенку телефонной станции; пробита вся верхняя часть стены дома № 20/2, выходящая во двор костела. Это белые сбивали пулемет красных с недостроенного дома. Хотя красные и укрепились в двух домах, положение их было крайне тяжелое: особенно трудно приходилось по ночам. Вот что рассказывает Леонид Четыркин, солдат 215-го пехотного полка, проведший ночь в Милютинском переулке:

„Мы идем обходной улицей в засаду к Милютинскому переулку.

Очутились в каком-то здании с маленькими комнатами. При мигающих огнях лампы я различаю сонные, усталые лица борцов в серых шинелях.

Я вхожу в одну комнату. Здесь несколько женщин. Они поят чаем измученных революционеров, засевших в доме. Они обадривают нас...

Нам тоже дают чаю и по большой белой булке.

Наскоро выпив чай и машинально поедая хлеб, мы расходимся по комнатам для засады. Я с Ивановым попадаю в небольшую комнату с двумя окнами, изрешетенными пулями... В ней совершенно темно... Светлеют только окна...

Мы долго сидим молча и слышим беспрерывную трескотню ружейных выстрелов. Время медленно идет...

Вдруг страшный удар оглушает меня, и только спустя некоторое время я узнаю, что жив, и замечаю Иванова, который, кажется, тоже сомневается в своем существовании. Весь полк около нас, и мы сами сплошь покрыты штукатуркой. Мы долго удивленно смотрим друг на друга.

Это из бомбомета с церкви загрели в угол нашего дома.

— Чуть-чуть...

— Да, чуть-чуть...

Мы вполголоса обсуждаем степень миновавшей опасности...

Но, что это еще?.. Слышатся испуганные возгласы, хлопанье дверей... Бегут по коридорам... И повышающееся, как звук сирены, гуденье, непонятное и какое-то неизбежное, режет ухо.

— Бронированный автомобиль!.. Нас окружают!..—испуганно говорит кто-то.

— Все к окнам!—кричит вольноопределяющийся с револьвером, и лицо его нервно подергивается...—Нас не могут окружить!.. Мы их сами окружили!.. Я застрелю того, кто побежит!..

Мы ждем. Непонятный звук становится все выше и выше и превращается в одну сверлящую ноту... Раздается беспорядочный залп выстрелов. Беспрерывно заработал наш пулемет.

Новый страшный удар оглушил нас; разорвалась вторая бомба в том же углу нашего окна...

Броневик проехал.

Мы отряхиваем с себя известь...

Через некоторое время он проехал обратно, и я успел рассмотреть его темную массу, промелькнувшую мимо нашего окна.

Как мы узнали после, он привез патронов юнкерам, засевшим в телефонной башне, и увез с собой часть их...

Медленно рассветало... Я постепенно увидел весь хаос комнаты, в которой мы сидели. На полу были разбросаны платье, картонки, саквояжи, валялись простреленные патроны, и все это было обсыпано известью штукатурки..." [1])

30 октября, рабочие выбили белых из костела. Юнкера отошли вглубь переулка, вырыли окопы и забаррикадировали подходы к станции штабелями дров и телефонными катушками. Взять станцию со стороны переулка не удалось.

Сквер на углу Мясницкой и Милютинского пер.

Посмотрим, что же делалось на оставленной нами Мясницкой. Пройдем по переулку и остановимся в сквере на месте бывшей здесь в то время церкви св. Евпла, которая еще до начала военных действий, 26 октября, была занята под руководством покойного тов. Ведерникова солдатами 56-го полка. На колокольне этой, разобранной теперь, церкви, красные поставили пулемет, белым удалось его снять и овладеть удобной позицией. Юнкера, офицерский отряд, 1-й телеграфный запасный полк и самокатчики несколько раз пытались взять станцию приступом, но отступали под ружейным и пулеметным огнем красных. Однако, после четырехчасового боя белые овладели станцией и захватили в ней солдат Военно-революционного комитета.

Чтобы лучше понять характер происходившей здесь борьбы, попробуем ориентироваться в окружающей местности. Перед нами сильное движение, но отличное от Сухаревки: здесь чаще мелькают легковые автомобили и пролетки, чисто одетая публика с портфелями в руках—это служащие

[1]) „Октябрь в Москве". Изд. Моссовета. М. 1919 г., стр. 196 и др.

контор, почтамта, телеграфа и других учреждений, расположенных в районе. Присмотримся к монументальному материалу Мясницкой улицы. Верхние этажи зданий в значительной своей части заняты под конторы. Нижние этажи зданий и подвалы заняты под магазины, 80% которых торгует предметами оборудования фабрик и заводов. Торговля на Мясницкой имеет не губернский масштаб, как мы видели на Сухаревке и Сретенке, а всесоюзный. Мясницкая—улица тяжелой индустрии. Мясницкая до Октября—центр крупной промышленной русской и иностранной буржуазии; отсюда такое острое сопротивление красным отрядам. Здесь лучше чем где-либо понимали сущность происходившей борьбы; здесь уже не прятались трусливо в подворотнях и не ждали исхода событий, чтобы перейти на сторону победителя, а сами активно участвовали в классовой борьбе: проволока из магазинов, предназначенная для продажи, была отправлена на улицу. Но эти заграждения не остановили все более и более нараставшую в своем количестве солдатскую и рабочую массу. Находясь под жестоким обстрелом, теряя лучших борцов и товарищей, красные отряды шли вперед, не оставляя наступления на телефонную станцию. И белые дрогнули, не выдержав натиска. В самый разгар борьбы они просят перемирия, и это само по себе уже говорило о слабости. В стане белых уже началось физическое и моральное разложение. Они чувствуют перевес противника. Ходят слухи, будто бы приехавшие отряды с фронта, вызванные Рябцевым в помощь юнкерам, по приезде в Москву перешли на сторону восставших и сражаются против тех, кто их вызвал. Эти слухи вносят сильное разложение в белые отряды. К 1 ноября у белых уже были на исходе патроны, и одними своими силами, без поддержки, они не могли долго держаться. Руководящие органы заключили перемирие, но оно фактически не состоялось. В Городском районе белые сами сорвали перемирие, которое они попытались использовать для переформирования своих частей. Им необходимо было отрезать Центральный военно-революционный комитет от Городского ревкома, через который только и велась связь большевистского центра с рабочими окраинами. Но юнкерам не удалось осуществить своего желания. Красные поняли маневр и, не дожидаясь конца перемирия, вновь повели наступление. Из Спасских казарм на Мясницкую к телефонной станции доставили 2 бомбомета, достали снаряды и дали несколько залпов по телефонной станции.

После обстрела из бомбомета белые начали отступать. К 1 ноября станция сдалась. Победителям досталось 400 пленных, технические средства и много провизии.

Что борьба была сильной и длительной, об этом красноречиво говорят следы обстрела, сохранившиеся до десятой годовщины Октябрьской революции. Пробита пулями левая башенка телефонной станции, изрешетена верхняя часть домов №№ 3 и 1, рядом с телефонной станцией, на Мясницкой встречаются заплатанные витрины магазинов, особенно они выделяются на углу Златоустинского и Мясницкой в доме № 8/2.

Разбитый дом в Фуркасовском пер., у телефонной станции

С тяжелыми жертвами была взята телефонная станция, которая теперь вновь начинает налаживать прерванную было связь окраин с центром.

Красные пробираются к Лубянке. По дороге в Фуркасовском переулке пришлось разобрать проволочные заграждения, выбить засаду белых из дома № 8/2, отбить нападение обывателей из дома № 6.

Разрушенный дом в Фуркасовском переулке

Лубянская пл. у фонтана, с правой стороны

Вот мы и на Лубянской площади, в давно желанном центре. Здесь отряды Городского района встречаются с отрядами Рогожско-Симоновского и Лефортовского районов, пробившимися сюда немного ранее.

В Китай-городе и на Театральной площади уже борются красно-пресненцы. Совсем недалеко, на Никольской, у Феррейна, двинцы бьют из орудия по последнему оплоту белых—Кремлю.

Со стороны Большой и Малой Лубянок прорвались другие отряды Горрайона. Но борьба все еще идет. Враг засел в отдельных домах Лубянок и Китай-города и обстреливает красные отряды. Лишь 2 ноября борьбу прекращает приказ из Центрального ВРК, возвестивший о сдаче белых. Контр-революция сдала свои позиции пролетариату, вынес-

шему на своих плечах всю тяжесть октябрьских дней. Особенно в эти дни тяжело было Городскому району.

С первого дня борьбы у Городского революционного комитета возникает несколько трудно разрешимых задач: наладить связь центра с окраинами, сорганизовать беспартийную рабочую массу, привлечь на свою сторону шатавшуюся солдатскую среду, не имея оружия, вооружить эту массу и отправить ее в центр; не дать возможности отрезать себя от рабочих районов, откуда черпались для борьбы основные силы; зорко следить за враждебными соседями, которые тяжелым и узким кольцом сжимали Горревком, руководивший борьбою.

Ревком, опираясь на рабочие массы, блестяще разрешил эти задачи и вышел победителем в октябрьские дни.

10 ноября рабочие и солдаты в праздничных парядах через Лубянскую площадь, к стенам Кремля, несли 80 красных гробов,—то были тела товарищей, погибших в борьбе с контр-революцией.

О. Тарутина.

Октябрь в Бауманском районе

„На тыловой позиции“

Сквер у Земляного вала

Мы на Земляном валу, в стороне от движения, за оградой сквера.

Кругом кипит шумная жизнь площади: в разных направлениях движутся пешеходы, порой сливающиеся в большие потоки с прерывающимися волнами; проезжают ломовики, легковые извозчики; шум, грохот. Вся эта движущаяся масса прорезается нитями трамвайных вагонов и вспыхивающей то здесь, то там сигнализацией, придающей какое-то беспокойство и стремительность прерывистому движению. На зданиях, окаймляющих площадь, пестрят торговые вывески.

Этот пункт мало чем отличается от центральных частей города. Чем об'яснить это движение? Мы на перекрестке путей, на пересечении кругового движения вокруг ядра города (линия трамвая «Б») и одной из стремящихся к центру уличных артерий.

Возьмем схематический план города и постараемся на нем найти пункт нашей остановки. Четкие контуры графических линий еще более подчеркивают, что мы находимся на границе между центром и окраиной. Из центра сюда вливается улица Покровка.

В октябрьские дни со стороны белых было стремление занять все эти проводимые пути к центру и вытеснить восставших рабочих в районы. Районы же—резервуар сил красных—непрерывно наступали на центр.

С деятельностью одного из таких районов (Бауманского) нам предстоит познакомиться в экскурсии.

Скажем сначала несколько слов о том, что происходило в центре. 25 октября образовался Военно-революционный комитет, выбранный на заседании совета рабочих депутатов. ВРК поместился в здании совета на Тверской улице.

В противовес ему вырос буржуазный центр—Комитет общественной безопасности, об'единивший вокруг себя юнкеров, офицерство и студенчество (указываем расположение сил по карте) [1]).

В момент образования Военно-революционного комитета 25 октября у него почти не было реальных организованных сил.

В 12 ч. ночи, в бывшем генерал-губернаторском доме, в его распоряжении была лишь небольшая команда самокатчиков. Его положение в буржуазном районе было очень тяжелым. Единственный путь для связи с рабочими массами—по Тверской. Наступление белых грозило отрезать его от районов.

Перед всеми районами стоит общая задача—посылать силы (рабочих и солдат) на помощь ревкому, чтобы укрепить положение. Кроме того, из центра поступает директива: каждому району вести наступление по направлению к центру. Покровка и была той магистралью, по которой двигались рабочие отряды и воинские части Басманного и Лефортовского районов.

Район стал называться Бауманновским уже после Октябрьской революции, в честь члена Московского комитета большевистской партии Н. Э. Баумана, убитого черносотенцем во время демонстрации 18 октября 1905 г. В октябрьские дни район состоял из двух административно-обособленных частей: Благуше-Лефортовского и Басманного (смотрим карту). Кроме того, современный Бауманновский район включил в себя и часть территории бывшего Городского района.

Двинемся вглубь района, чтобы выявить его лицо и те задачи, которые он осуществлял в октябрьские дни.

Гороховская ул., у ворот д. № 13

Идем по Гороховской улице, по левой ее стороне. После шумной площади она кажется особенно безлюдной; искривленная, она окаймлена невысокими облезлыми домами. Едва переходим мост, как в поле зрения экскурсантов попадает длинное здание с вывесками: столовой Наркпит и участковой страхкассы Курской железной дороги. В конце улицы [2])

[1]) См. приложение Б.

[2]) Здесь Гороховская круто поворачивает влево.

останавливаемся. Перед нами вырастают трубы газового завода, придающие суровость и мощность открывающемуся пейзажу города. С ними контрастируют легковесные, небольшие деревянные домишки, дополняющие в целом картину рабочего района, связанного с железной дорогой.

Угол Гороховской и Нижне-Сусального пер.

Приближаемся к заводу и охватываем взглядом его раскинувшиеся корпуса. Газовый завод существует здесь с 1865 г., на нем занято около 500 рабочих. Его первое революционное выступление относится к 1896 г., к моменту коронации Николая II, когда рабочие пытались прекратить выпуск газа для иллюминации Кремля. В марте 1907 г. рабочие газового завода участвовали в забастовке городских рабочих. Перед Февральской революцией завод был на плохом счету у полиции. В 1917 г. околодочные и городовые зорко выслеживали здесь крамолу, вели наблюдения, прячась в бочках с квашеной капустой, мучных мешках и т. д.

В угловом доме помещался полицейский участок, разгромленный в феврале 1917 г. Теперь здесь сосредоточен целый рабочий городок: есть кооператив, столовая, клуб.

Но сразу нам трудно решить, кого обслуживает этот клуб, с каким предприятием он больше связан: с железнодорожными учреждениями или с заводом; давно ли он на этом месте, и если недавно, то что здесь было в 1917? Попытаемся ответить на эти вопросы.

Гороховская, около д. № 11

Прежде всего всмотримся в самое здание клуба. Светло-серый цвет выделяет его из окружающих зданий, форма зданий очень проста и четка; отделка органически связана со структурой, симметрично расположена по сторонам фасада и по сюжету представляет обычные эмблемы Союза: серп и молот на фоне земного шара. Это заставляет предполагать, что если здание и не переделывалось, то фасад его отделывался специально для клуба.

Продолжаем наблюдения. Отделан только фасад, боковые части здания—обычный кирпич. Всматриваемся в него: он не однороден. Верхняя часть стены сложена из свежих, новых кирпичей, а нижняя—из закоптелых. Возникает мысль, что для клуба имени Кухмистерова использован остов какого-то ранее существовавшего здания, и весьма вероятно, что назначение этого здания не было связано ни с приле-

гающими к нему железнодорожными учреждениями, ни с газовым заводом.

Теперь это клуб Курской железной дороги, и самое название клуба связано с именем одного из активных участников революции 1905 г. на Курской железной дороге.

Попытаемся проникнуть на территорию, занятую клубом.

Во дворе клуба имени Кухмистерова

К основному зданию примыкает ряд корпусов; среди них есть низкие, одноэтажные, с большими окнами, фабричного типа: тут же полуразрушенное здание, с грудой обвалившихся кирпичей. Во двор заходит ветвь железной дороги.

Теперь перед нами открылась не парадная сторона, а другая, деловая, которая легче поможет нам представить себе тот патронный завод № 1 Военно-промышленного комитета, который существовал здесь в 1917 г.

Среди рабочих этого завода был целый ряд социал-демократов, прошедших суровую школу подпольной работы. Уже летом 1917 г. на заводе образовалась под руководством Якова Фюлюкова фабрично-заводская ячейка союза молодежи при МК РСДРП(б) в количестве 60 человек.

Двинемся несколько вперед и осмотримся кругом. Между этим заводом и соседним домом не чувствуешь резкого отмежевания. Действительно, эти два владения были тесно связаны между собой: в одном из зданий, выходящих в переулок, помещался клуб завода Военно-промышленного комитета. Мы в центре, насыщенном рабочими. Тут же, рядом, проходит железная дорога. Двинемся несколько дальше, по направлению к линии.

У полотна железной дороги

Перед нами широко раскинулись рельсовые пути, за ними видны железнодорожные здания, влево—крыша Курского вокзала. По ту сторону вокзала (не переходя линии), в Сыромятниках, расположен арматурный завод (ныне Арматрест, прежде Гаккенталь), один из опорных пунктов влияния социал-демократии в 1917 г.

Мы видим, что вокзал, важный стратегический пункт, находится в 1917 г. в удачном окружении. С первых же дней боевых действий (29 октября) рабочие вытесняют белых с вокзала и овладевают им; они устраняют главный железнодорожный комитет, подчиненный Викжелю, избирают

Военно-революционный комитет дороги, который обязан тщательно следить за продвижением войск, задерживать отряды, идущие к противнику, и пропускать свои. 31 октября с Курского вокзала прибыло из Владимира и других городов до двух тысяч революционных солдат, хорошо дисциплинированных и принявших участие в октябрьской борьбе.

Рабочие близлежащих заводов образуют Красную гвардию. Завод Военно-промышленного комитета дал отряд в 500 человек, арматурный завод Гаккенталь [1])—в 259 человек, большое количество красногвардейцев дал также газовый завод. Рабочие несут охрану вокзала и идут на помощь центру.

Кто же организует эти силы? Существует ли какой-нибудь районный центр, руководящий движением? Где помещается этот центр Басманного района? Как районы связаны между собою и с центром?

Нижне-Сусальный пер., перед д. № 4

Мы снова в Нижне-Сусальном переулке, узком пространстве, замкнутом с трех сторон. Возникает мысль об удобстве сконцентрировать здесь, в центре рабочего населения, руководящий революционный центр. Перед нами ряд небольших двухэтажных домиков. В одном из них, в клубе Военно-промышленного завода, где находился после февраля районный совет, и поместился Военно-революционный комитет. На стене здания видим доску с надписью:

„Здесь впервые собрались представители революционных рабочих Басманного района, восставших в октябре 1917 г. против гнета буржуазной эксплоатации. Здесь был заложен один из камней, что образовали гранитный фундамент рабоче-крестьянской власти.

Слава восставшим".

В состав комитета [2]) входили рабочие соседних, только что рассмотренных предприятий и других предприятий района. С завода Военно-промышленного комитета входил Бочаров, с газового завода Маркин-Панкратов [3]).

Как начал организовываться этот центр? Еще 25 октября в районах было получено из центра следующее предписание:

---

[1]) Нижне-Сыромятническая улица, дом № 2.

[2]) Революционный комитет состоял из следующих лиц: Зеленский Вирон, Бочаров, Я. И., Мандельштам, А. В. (Одиссей), Иванов, В. И Маркин-Панкратов, И. Т., Щербаков П. П.

[3]) Желательно показать группу активных работников района, в крайнем случае—фотографии отдельных лиц.

„Собираться: заводским комитетам, районным советам рабочих депутатов, районным думам избрать революционный центр в районе; определить, что занимать в районе (здания, помещения и т. д.). Немедленно вооружиться, занимать склады оружия; связаться с революционным центром в совете и партии".

Районы не были отрезаны от центра и действовали под его руководством. Как боевой центр, Военно-революционный комитет начинает действовать с вечера 27 октября [1]), по возвращении рабочих из Сухаревского народного дома, где происходило собрание гласных районных дум [2]).

Группа красногвардейцев со штабом Басманного района, выступавших активно в Октябре 1917 г.

Там было получено известие об ультиматуме Рябцева и первых боевых столкновениях, послуживших сигналом к организации рабочих во всех районах.

Кровавая борьба становилась неизбежной. На митингах по заводам и фабрикам ораторы выясняют массам создавшееся положение. Массы призываются к действию, чтобы показать штабу свою реальную силу.

---

[1]) По воспоминаниям участника октябрьских дней в Басманном районе Маркина-Панкратова.

[2]) Собрание было созвано в противовес буржуазной Центральной думе.

„По первому зову революционного комитета в этот же вечер собралась масса рабочих, чтобы вооружиться и составить первые кадры Красной гвардии. Оружия нашлось едва лишь для десятой части явившихся, патронов было так мало, что красногвардейцы были очень довольны, когда им могли дать по пяти штук, а то и так выходили на посты—с одними винтовками".

Мандельштам, активный участник октябрьских дней, вспоминает характерный случай. В помещение Военно-революционного комитета красноармеец лет семнадцати вводит двух или трех вооруженных офицеров. После того как они были разоружены, Мандельштам спросил красногвардейца: «А у тебя заряжена винтовка?» Он говорит: «Нет, у меня нет ни одного патрона».

„Так мы начали эти великие дни. Первое оружие, которое мы получили, это было отнятое у врагов [1]).

„Когда вспоминаешь первые два дня восстания и это первое появление, на улицах Москвы Красной гвардии, невольно удивляешься воинственному настроению рабочих, вооруженных больше революционным чувством, чем действительным оружием" [2]).

Военно-революционный комитет прежде всего принимает меры к добыванию оружия. На третий день оружие было найдено в большом количестве на линии железной дороги, у Казанского вокзала. Рабочие вооружаются наганами и винтовками. Посылаются отряды в центр; кроме того, в районе есть свои задачи, требующие вооруженных сил.

Мы рассмотрели только один уголок района, представляющий сгусток рабочего населения. Стоит только взглянуть на противоположную сторону улицы, и мы увидим забор какого-то громадного сада, напоминающего нам о другом.

Угол Н.-Сусального пер. и Гороховской ул.

Это сад Межевого института. Здесь ютились классовые противники рабочего класса. Известно, что студенчество в 1917 г. или было нейтрально, или становилось на сторону белых. Наличие таких центров учащейся молодежи заставляло усиливать за ними наблюдение: здесь производились обыски, аресты, а это отрывало силы на тыловую работу. Кроме того, в районе находился и активный противник—

[1]) А. Мандельштам. „Предтеча Красной армии". („Октябрьские дни в Москве и районах"). М. 1922 г. Стр. 119).

[2]) А. Мандельштам. „В Басманном районе". („Октябрьское восстание в Москве"). Сборник документов и статей под ред. Овсянникова. М. 1922 г. Стр. 133.

Алексеевское военное училище, которое сосредоточило на себе все революционные силы района. В своих действиях Басманный район не был оторван от соседних—Лефортовского и Рогожского: он действовал согласованно с ними. Здесь, в этом здании Военно-революционного комитета на заседании был выработан план об'единенного наступления на Алексеевское военное училище, о котором мы узнаем в дальнейшем ходе экскурсии. Военно-революционный комитет нес также ряд других повседневных задач, обеспечивающих тыл. Нужно было охранять Курский вокзал, помещение Военно-революционного комитета; нужно было расставить по всему району посты, установить патрулирование по улицам. Посты были расставлены по Басманной, вдоль Земляного вала, за газовым заводом. По всему району велось патрулирование. Пойдем и мы за одним из таких патрулей.

Угол Вознесенской и Гороховской ул.

Мы прошли замкнутую кривую улицу с целым рядом учебных заведений. Перед нами открывается покойный ландшафт с небольшими двухэтажными домиками. Безлюдно. Так было здесь и в октябрьские дни. На улицах пустынно. Живой души не видно, только редкие патрули проверяют документы, да вдали трещит пулемет. Патруль задерживал подозрительных лиц и направлял их в Военно-революционный комитет.

Вознесенская, угол Елизаветинской ул.

Двинемся дальше. Перед нами вырастает радиостанция имени Коминтерна [1]). Характер улицы изменился: открылся широкий простор пустырей и зеленых насаждений. Эти пустыри начинаются сразу за газовым заводом и тянутся до берега Яузы, а за рекой расположена рощица. Сначала об этих пустырях забыли в Военно-революционном комитете, но завод уже выставил свои цепи для охраны и для наблюдения за противоположным берегом. Задача сводилась к тому, чтобы не допустить здесь юнкеров из Алексеевского училища прорваться к центру.

Где же находится это Алексеевское училище? Пока еще нам его не видно. Поднимемся в гору. Вдалеке, над массой деревьев, вырастают остроконечные крыши кадетских корпусов, господствующие над улицей. Но это неопасное гос-

[1]) В октябрьские дни ее не было: она построена позднее.

подство: корпуса находятся на очень далеком расстоянии и могут быть использованы разве как наблюдательный пункт, но едва ли для обстрела.

Чем ближе к училищу, тем бдительнее охрана рабочих.

Угол б. Немецкой и Вознесенской ул.

Перед нами возвышается лес труб, еще более подчеркивающий фабричный характер района и то окружение, в котором находилось Алексеевское военное училище. Прямо против нас расположен мыловаренный завод, далее текстильная фабрика. Вдали, на противоположном берегу Яузы, виднеется винный склад, охраняемый юнкерами.

По Немецкой улице и далее по Воскресенской несли охрану позиций части телеграфно-прожекторного полка и роты самокатчиков, совместно с красногвардейцами фабрик и заводов. Силами одного района нельзя было справиться с училищем; винтовок было мало, пулеметов ни одного, были тяжелые орудия, но не было снарядов, и их приходилось добывать в различных пунктах. Есть указания, что помощь в виде снарядов шла не только через ближайший Лефортовский район, но и через Городской.

Вознесенская ул., у д. № 20

Двигаемся дальше. Чем характерен тот участок, который мы проходим? Он заканчивается выступом небольшого одноэтажного домика, закрывающего от нас то, что расположено впереди. Стоит нам сойти с тротуара на середину улицы, ближе к противоположной стороне, как перед нами выступают здания красных казарм и Алексеевского военного училища. Ясно, что положение красных, находящихся на противоположной стороне, опаснее, чем здесь. Там надо строить баррикады и окопы под пулеметным огнем белых.

Один из рабочих, член Красной гвардии фабрики Фермана (Сокольнического района) рассказывает:

„Отправились на грузовике отвезти патроны к Яузе, увидели кадетские корпуса. Там засели офицеры и кадеты, шла усиленная ружейная стрельба. Ехать посреди улицы было нельзя. Грузовик медленно продвигался почти по самому тротуару, к маленькому одноэтажному дому недалеко от берега Яузы, где стояли наши орудия“ [1]).

---

[1]) Воспоминания тов. Игнатова, члена Красной гвардии фабрики Фермана („Октябрьские дни в Сокольниках“, стр. 62).

Здесь так ярко описаны условия, в которых приходилось действовать красным, что не трудно угадать то направление, в котором двигался автомобиль, и место расположения орудий красных.

Вознесенская, д. 24

Останавливаемся у ворот дома. В глубине двора видны деревья и заборы. Там за забором стояли орудия, обстреливавшие в упор Адексеевское училище [1]).

На Дворцовом мосту

Едва мы минуем выступ дома, как попадаем на мост. Перед нами широко раскинувшаяся берегами Яуза. На противоположной стороне, слева, тянутся сад и пруды бывшего Лефортовского дворца, своими размерами напоминающие дворянское прошлое; выше раскинулись казарменные здания: слева—красные казармы, справа, за оградой—Алексеевское военное училище. Все окружение создает для училища естественную защиту, а его прочные здания еще более усиливают эту естественную крепость. Алексеевское училище и кадетские корпуса представляли собой значительную по количеству и качеству силу. В них находилось около 400 юнкеров и кадет. Они были хорошо вооружены винтовками и пулеметами. В обширном саду у них были окопы, проволочные заграждения и пулеметные гнезда.

Обойдем вокруг и посмотрим, каково было окружение Алексеевского училища с другой стороны. Не было ли здесь, около, хоть какого-нибудь сторонника белых?

Коровий брод

По Кукуевскому переулку выйдем на «Коровий брод». Перед нами здание московского Высшего технического училища. В 1905 г. это—революционный центр, в октябре 1917 г. за училищем ведется непрерывное наблюдение Военно-революционного комитета. Дальше виднеется вышка бывшей полицейской части.

---

[1]) Указания Тулякова (в материалах Музея революции): у Дворцового моста (с Немецкой направо, во дворе последнего дома) два орудия, 42 линейные гаубицы, пехота Мастяжарт, самокатные батальоны и красногвардейцы Басманного района.

„Милиция заняла сочувственную позицию, и Военно-революционный комитет поддерживал тесную связь с ней. Правда, часть командного состава вела среди милиционеров агитацию против партии большевиков. Эта агитация поддерживалась в первые дни беспрестанными телефонограммами начальника милиции Воскресенского, который, наряду с лживыми измышлениями о победах белогвардейцев в Москве и Петрограде, не скупился на угрозы и обещания репрессий милиционерам, отказавшимся поддерживать „законный порядок". Милиционеров эти телеграммы волновали. Они прибегали с ними в Военно-революционный комитет, но здесь мы их успокаивали" [1]).

Большинство начальников милиции было смещено и на их место назначены надежные товарищи из рабочих и партийцев.

Двинемся дальше по Малой Почтовой улице. Лицо районе меняется—деревянные двухэтажные домики, узкие улицы.

М. Почтовая ул., д. № 10/25

Входим во двор одного из домов. Перед нами открывается широкий горизонт. Кое-где видны фабричные трубы и верхушки деревьев. Это окраина! Ощущение какой-то силы, широты и простора охватывает нас; создается впечатление, что мы стоим в центре какого-то узла. Внизу разбросаны однотипные красные крыши ряда низких одноэтажных зданий.

Вся эта территория в 1917 г. была занята мастерскими тяжелой осадной артиллерии, в которых ремонтировались орудия, производились необходимые принадлежности для артиллерии. В них было сконцентрировано до 5.000 солдат-рабочих. В октябрьские дни здесь был свой ревком, составлявший как бы отделение Лефортовского военно-революционного комитета. Еще до октября мастерские были базой военной организации партии, подготовлявшей вооруженные силы среди солдат: в августе 1917 г. на заводе было до 900 человек, входивших в военную организацию большевиков,—уже в то время здесь стала зарождаться Красная гвардия.

«Рабочие поняли, что если придется браться за винтовку, бараном итти нельзя» [2]) и начали постепенно организовываться. К началу Октябрьской революции в мастерских уже был красногвардейский полк, разделенный на батальо-

---

[1]) М. Розенштейн.—„В Благуше-Лефортовском районе". (Октябрьские дни в Москве. Сборник статей и воспоминаний под ред. Н. Овсянникова, стр. 111).

[2]) Осипов.—„У Алексеевского училища" Октябрьские дни в Москве и районах, стр. 121.

ны и роты с полковым, батальонными и ротными командирами. В организации мастерских большое участие принимали Демидов и Туляков [1]). Мастерские представляли крупную боевую силу, вооруженный центр, составлявший как бы отделение Военно-революционного комитета [2]). Здесь было до 70 тяжелых орудий, около 70 штук берданок и 40 винтовок. Чтобы оградить себя от возможного нападения, по прилегающим улицам были вырыты окопы. Для продвижения и связи было оставлено несколько улиц, наиболее усиленно охранявшихся. Спускаемся с возвышения и выходим на Ладожскую улицу, окидываем взором здание с наружной стороны и двигаемся дальше. Выходим на поляну. Перед нами узкой лентой сверкает Яуза. Влево, вверх по течению, среди пустырей и мелких порослей, маячат фабричные трубы. Эти заводы давали не только живую силу, но и составляли техническую базу района. Так на заводе „Проводник" выдавались по требованию Военно-революционного комитета бензин и запасные шины для автомобилей, поддерживавших связь внутри района и с центром. На заводе «Гном» и «Рон» [3]) в спешном порядке исправлялись автомобили, легко портившиеся от сильной гонки и перегрузки. Со строительных работ завода «Проводник» был взят шанцевый инструмент для рытья окопов и т. д.

Тов. Демидов, руководивший действиями советской артиллерии Благуше-Лефортовского района в октябре 1917 г.

Перед нами второй фабричный узел, Благуше-Лефортовский район с Введенской площадью в центре. Там, в бывшем Введенском народном доме, Военно-революционный комитет формирует Красную гвардию, об'единяя ее с солдатскими

---

[1]) Показываем портрет Демидова.
[2]) Показываем снимок мастерских с пушками.
[3]) Угол Ткацкой и Мочальской улицы.

частями района [1]). Мы обошли Алексеевское училище с двух сторон. Всюду его окружают силы красных, кое-где лишь небольшие кучки сочувствующих ему, но не активных сторонников (Техническое училище, госпиталь). С третьей стороны, за кадетскими корпусами, тянется пустой плац, к которому примыкает Рогожско-Симоновский район, ведущий наступление при помощи 85-го полка.

Мастерские тяжелой осадной артиллерии заняли самые опасные позиции против Алексеевского училища. Здесь,

Мастерские тяжелой артиллерии в октябре 1917 г.

на площадке у Госпитального переулка стояло 3 орудия, 42-линейные гаубицы. Артиллерия стояла и в Госпитальном переулке; там же были окопы.

На Госпитальном мосту

Поднимаемся к мосту. Перед нами открывается широкая луговина, затрудняющая подступ к училищу. Влево возвышается высокое нарядное здание; по своей архитектуре оно

---

[1]) В районе находились следующие воинские части: 1) телеграфно-прожекторный полк, 2) 261-я Калужская дружина, 3) 207-я запасная автомобильная рота (военный Преображенский гараж).

резко контрастирует с окружающим. Это Военный госпиталь, который хотя и обслуживал красных, но на него нельзя было вполне положиться. По воспоминаниям Тулякова, из окна Военного госпиталя был убит часовой у стоявшего здесь орудия. Из центра был получен приказ с рассветом 29 октября начать наступление на Алексеевское училище. С 4 часов утра 3-я рота артиллерийских мастерских пошла в наступление, и к 5 часам цепи красных окружили все здание. Разведка юнкеров с появлением наших цепей была усилена, и началась перестрелка. Со стороны юнкеров загрохотали по нашим цепям бомбометы и пулеметы. Стали появляться раненые. Прежде, чем начать артиллерийский обстрел в училище, были посланы парламентеры с предложением сдаться. Юнкера ответили насмешками и заявили, что войти в училище можно только через их трупы. Около 10 часов открыли артиллерийский огонь. Первые три выстрела были даны вверх, с расчетом, что юнкера пришлют своих делегатов для переговоров о мире, но юнкера ответили ураганным бомбометным и пулеметным огнем [1]). Борьба началась. Два санитарных автомобиля стали работать по перевозке раненых. Многие рабочие, несмотря на полученные раны, перевязав их тряпкой или носовым платком, продолжали итти в наступление. Снова загудели орудия. Но первые выстрелы были неудачны: не было панорам, приходилось прицеливаться «на-глазок»; в результате получились большие перелеты, снаряды летели в Рогожско-Симоновский район и там разрушили несколько домов, унеся человеческие жертвы. Было принято много усилий к розыску панорам; наконец, тов. Кардыш нашел панорамы, установил их на орудиях и связал батареи телефоном с наблюдателями. Положение изменилось: ядра стали попадать в цель. Бой продолжался до 3 часов дня; юнкера были выбиты из окопов и вытеснены в глубь сада к зданиям корпусов.

Пойдем вслед за отступающими юнкерами.

На верхней аллее Головинского сада

Отсюда еще ярче выступает неприступность этой крепости. Озера преграждают путь рабочим и делают неуязвимым большое пространство. Только небольшая полоса, по которой мы подошли, требовала усиленной защиты.

Нужно было большое упорство рабочих и сильный артиллерийский огонь, чтобы вытеснить отсюда юнкеров. Все же

---

[1]) На основании воспоминаний Осипова („Октябрьские дни в Москве и районах“, стр. 122).

орудий, стоявших на Яузе, оказалось мало: еще одно орудие подвезли к Лефортовской тюрьме, одно на Вознесенскую улицу и стали стрелять в упор по самому зданию. Когда начался обстрел с трех сторон, и здание стало разрушаться, из I и II корпуса были выделены делегаты с приглашением начать мирные переговоры в здании кадетских корпусов. Туда направилась делегация. Идем вслед за нею. Перед нами, слева, открывается здание конюшен — здесь был устроен юнкерами перевязочный пункт. Впереди за ветвями белеет здание I и II кадетского корпусов [1]). Приближаясь к зданию, замечаем большие рытвины и канавы, которые

Окоп в саду б. Александровского училища.

было удобно использовать вместо окопов: здесь поддерживается до последнего момента передовая линия огня. Тут же, на деревьях, обрывки колючей проволки, вбитой гвоздями прямо в стволы деревьев,—очевидно, остатки проволочного заграждения.

Перед кадетскими корпусами

Спускаемся ниже: перед нами четко вырисовывается здание I и II корпусов, окруженные зеркалом пруда, слева—

[1]) Эти корпуса находились под одной крышей. В I кадетском корпусе теперь помещается Стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА имени Коминтерна „Выстрел", во II кадетском корпусе—Московская военно-инженерная школа имени Коминтерна.

пустое пространство, ничем не защищенное, к которому примыкают постройки госпиталя и городские строения. Все это позволяет атакующим подходить незамеченными на близкое расстояние. Вдали темное здание Лефортовской тюрьмы, около которой большевиками было поставлено орудие. Со стороны реки у здания—хорошая защита; не то мы видим здесь. Корпус здания открыт для обстрела.

Эти корпуса сдались первыми, хотя и не сразу. Когда в корпус прибыла делегация для переговоров о сдаче, директор отказался сдать оружие, мотивируя это приказом Комитета общественной безопасности. Ему ответили, что на основании приказа Военно-революционного комитета перемирие возможно только при обезоружении. Сдающимся была дана гарантия безопасности, но оружие оставить отказались; на размышление дали пять минут, заявив, что по окончании срока будет открыт артиллерийский обстрел, но не успела делегация выйти из корпуса, как было получено письмо от директора, что корпус сдается. Внутрь здания корпуса была введена рота солдат, и стали вывозить из здания оружие [1]).

Алексеевское училище, узнав о сдаче двух корпусов, обрушилось на сдавшихся офицеров, как на изменников и предателей. Обстрел наших цепей усилился. В этот момент было получено известие о перемирии, заключенном в центре. Демидов, руководивший осадой училища, не был согласен с заключением перемирия в момент разгара борьбы и «продолжал бомбардировку этого чортова гнезда, хотя это и грозило арестом» [2]).

Аросев так передает свой разговор с Демидовым по телефону:

„В трубку слышно, как ухнул снаряд.—Бух!

— Демидыч, прекрати немедленно огонь. Это распоряжение Комитета, будешь строго отвечать за неподчинение.

— Не слышу.

Снаряд опять!—Бух!

— Именем Военно-революционного комитета приказываю тебе прекратить огонь.

...Бух!

— Ни черта не слышно, ты лучше пришли распоряжение письменно.

— Хорошо, Демидыч, я посылаю тебе человека на автомобиле.

— Нет, на автомобиле не присылай, его обстреляют. Лучше на лошади и в коляске [3]).

---

[1]) На основании воспоминаний Тулякова: „Н-ская мастерская". Октябрьские дни в Москве и районах, стр. 47.

[2]) Демидов. „Мастерские тяжелой осадной артиллерии в октябрьские дни", „Путь к Октябрю", ч. I, стр. 195.

[3]) Аросев. „Как было". „Москва в Октябре". МСРКД. М. 1919 г. Стр. 79.

Обстрел все продолжался. Под непрерывным орудийным огнем заговорило о сдаче и Алексеевское училище. Юнкера выбросили белый флаг и прислали своего представителя для переговоров о мире. В училище отправились Демидов и Масленников.

Идем и мы к училищу по опустевшему саду.

В аллее сада, у моста

Дальше, за деревьями виднеются стены Красных казарм, за которыми расположено Алексеевское училище.

Постараемся представить себе создавшуюся обстановку. Кругом темнота. Корпус училища зияет черными пробоинами; юнкера уже почти не отстреливаются,—они перешли в подвалы. Делегация входит в училище, пред'являет присланную белыми бумажку. Встретивший их офицер не обращает на бумажку никакого внимания. Окружающие стали наносить делегатам оскорбления, послышались крики в задних рядах:

«Что с ними разговаривать, поднимай их на штыки!»[1].

— «В чем дело? Почему такое отношение?»

Вот, что рассказывает об этом дальше Демидов:

„На наши голоса откуда-то появился начальник училища Авсюк, заявив, что писал нам и просил для переговоров; он повел нас в дежурную комнаты.

Всюду раздавались крики: „Бей их! Стреляй их!“

Авсюк раз'яснил: „В училище получился раскол. Часть за переговоры, а часть против“, и огласил телефонограмму, только что полученную от Рябцева, где говорилось, что к Москве подходит подкрепление из Твери и Ярославля: пехота, кавалерия и артиллерия.

Часть говорила: Несколько часов мы должны продержаться, пока придет подкрепление“.

Мы предложили свои условия мира, которые сводились к следующему юнкера должны сдать оружие, и мы распускаем их на два месяца в отпуск а находившихся в Кремле добровольцев отдаем под суд“[2].

Сначала они не хотели согласиться, тогда Демидов хотел прервать переговоры. Видя, что с ними разговаривают, как с побежденными, они пошли на уступки, «согласились с первым пунктом, а на втором и третьем мы не настаивали».

«В Алексеевское училище были введены наши караулы, назначен комиссар»[3].

---

[1]) На основании воспоминаний Демидова. „Путь к Октябрю“, ч. I, стр. 27.

[2]) Демидов. „Мастерские тяжелой осадной артиллерии в октябрьские дни“. „Путь к Октябрю“, ч. I, стр. 197.

[3]) Там же.

Перед Красными казармами, справа от ворот сада

Идем за красными частями, занявшими училище. Мы в центре наружного двора. Оглядываемся кругом. Здание бывших Красных казарм носит следы артиллерийского обстрела: на стенах темнеют красные пятна заделанных пробоин. В каменные стены ограды местами вкраплены деревянные заплаты.

Все это говорит об упорной борьбе, которая происходила здесь в октябрьские дни. Юнкера были окружены, действовали во враждебной среде и, несмотря на технический перевес, должны были сдаться. Взято было много оружия, в том числе 16 пулеметов. Юнкера были арестованы в здании училища, охрану которого взяли на себя солдаты мастерских тяжелой осадной артиллерии. Но пробоины в зданиях были так велики, что уследить было очень трудно: количество юнкеров с каждым днем стало уменьшаться, и они были переведены в Лефортовскую тюрьму.

Со взятием училища силы Бауманского района были освобождены и двинулись на помощь центру. Они принимали участие во взятии Думы, «Метрополя», Кремля.

У памятника

В середине двора, за оградой, видим памятник погибшим в гражданской войне, говорящий нам о тех трудностях и потерях, через которые прошел рабочий класс для распространения и закрепления завоеваний Октября. Приближаемся к зданию училища.

У угла Красных казарм (между вторым и третьим деревом)

Воспринимаем общий ансамбль здания, с уходящей вглубь линией корпуса.

На фоне серой стены четко выделяются темные, блестящие статуи. Взгляд скользит по излучине балюстрады под'езда и останавливаемся на выступе крыльца и стене здания. На ней выделяется черная доска с блестящей золотой надписью: «Пехотная школа их. М. Ю. Ашенбреннера» [1]). Это современное назначение здания. Рядом с ней видим другую доску. Читаем: «Здесь было одно из самых прочных гнезд буржуазной контр-революции. В октябре 1917 г. восстав-

[1]) М. Ю. Ашенбреннер—революционер 70—80-х годов, состоял полковником, был членом Военной организации „Народной воли“, был приговорен к смертной казни, пробыл 20 лет в одиночном заключении в Шлиссельбургской крепости. Умер в 1926 г. в звании почетного красноармейца.

шие рабочие разорили это гнездо. Ныне здесь кузница командного состава революционной рабоче-крестьянской Красной армии».

Перед статуями

Переменим позицию. Перед нами статуи: красноармеец в каске со вскинутой винтовкой и рабочий с тяжелым молотом. Они говорт нам о сямычке рабочих и крестьян, об едином фронте их в октябрьские дни; еще раз напоминают, что в октябрьские дни не было отдельных героев, героем была сама масса рабочих и крестьян. Статуи перед чами в взаимном сопоставлении подчеркивают ту роль, которую сыграл рабочий класс в строительстве Красной армии, дав ей свой рабочий костяк за годы гражданской войны.

«Говоря о Красной армии,—отмечает Мандельштам,—мы должны вспомнить того красноармейца, который вышел на улицу, не умея стрелять и не имея ни одного патрона, который вооружился и научился действовать на баррикадах в пылу сражения» [1]).

Для летней экскурсии возможен другой вариант.

После остановки в Н.-Сусальном переулке (у газового завода) пройти через двор в сад Института физкультуры, при этом надо зафиксировать зрительное впечатление от широко раскинувшегося среди пустырей газового завода, железной дороги и заводов в Сыромятниках, противопоставив их мощь и силу безмятежному покою только что пройденной улицы, выпукло подчеркнув этот рабочий узел, символизирующий силу и мощь рабочего класса.

Отсюда же осмотреть винный склад, охраняемый юнкерами; затем берегом Яузы пройти к Немецкой улице и углу Вознесенской. Этот вариант неудобен для зимних и осенних месяцев, так как пробираться сюда по глубокому снегу или по грязи трудно.

Возможно сократить маршрут экскурсии, закончив ее у Дворцового моста. Тогда в виде дополнения надо выйти на Красно-Курсантскую площадь, осветив вопрос о причинах сдачи училища, сдавленного кольцом красных.

Л. Финогеева [2]).

---

[1]) А. Мандельштам.—„Предтеча Красной гвардии“ Октябрьские дни в Москве и районах, стр. 120.

[2]) В разработке экскурсии принимал участие В. П. Глаголев.

Дорогомилово в октябре 1917 года

На Варгунихиной горе

Варгунихина гора высоко поднимается над Москва-рекой. Перед нею, по ту сторону реки—от труб Трехгорного пивоваренного завода до одиноко маячащей трубы Химического завода—расположено Дорогомилово. Справа от него на горизонте выступают трубы Б. Пресненской мануфактуры; слева—ряд труб текстильных фабрик Хамовников. Они уже за границей Дорогомилова. Голубая извилина Москва-реки (взглянем на план) отделяет этот район от всей остальной территории города, и узенькая полоска Бородинского моста—единственная связь его с центром. Окинем взором Дорогомилово. Над множеством одноэтажных домов высится башня Брянского вокзала. Дорогомилово—привокзальный район, и это сразу поднимает интерес к его революционной истории.

Крепкими нитями-рельсами связаны с Москвой все отдаленные части государства. В мирное время вокзалы—открытые ворота города. В революцию—это его форпосты, и лишь тот победитель, кто ими овладеет.

А Брянская (Киево-Воронежская) железная дорога таила в себе немалые опасности. Она соединяла Москву с Юго-западным фронтом, откуда шло безпрерывное движение войск. Чтобы победить, рабочие должны были иметь в своих руках вокзал, а следовательно, и быть организаторами борьбы и обороны района.

Легкая ли это была задача? Взглянем еще раз на расположение района. Он весь перед нашими глазами, потому что расположен в котловине. Как легко с возвышенной центральной части города держать Дорогомилово под постоянным наблюдением и угрозой обстрела! Как просто, пользуясь естественной преградой—рекой, захватить только один мост и отрезать район от руководящих борьбой центров!

Мы видим, что расположение вокзала в этом районе делает его важным стратегическим пунктом; видим, что топография Дорогомилова создает большие трудности для его охраны. Нам надо пройти вглубь Дорогомилова, почувствовать его жизнь, выяснить состав его населения: лишь это нам даст ключ к пониманию того, как шла здесь октябрьская борьба.

От Бородинского моста по Б. Дорогомиловской до угла 1-го Лугового (б. 2-го Бородинского пер.)

Уже за мостом чувствуется оживление по сравнению с тихой Варгунихиной горой. Направо, за большим угловым домом, тянется ряд серенькых деревянных домишек. Над ними поднимается вывеска небольшого напилочного завода. Налево едут нагруженные подводы. Дальше шум и движение увеличиваются. У 2-го Дорогомиловского переулка особенно людно. Здесь и остановка трамвая, где толпится разношерстная публика; сюда с шумом заворачивает и автобус, который кажется слишком большим для узенького переулка и слишком нарядным для его убогих домишек. Извозчики ожидают здесь пассажиров. Вдоль стен стоят шумливые и навязчивые продавцы яблок, папирос и различного мелкого ходового товара.

Вокзал—вот центр, вокруг которого сосредоточена эта жизнь.

Он вызывает прилив и отлив шумной людской волны, он регулирует кажущееся нестройным движение.

Вся улица пестрит непрерывной цепью вывесок. Продуктовые магазины, разная мелочная торговля перемежается с многочисленными ремесленными мастерскими и небольшими промышленными заведениями. Оживление улицы несколько спадает, когда мы отходим от вокзала. Но, несмотря на рабочее время, людей на улице много. Мы видим женщин с корзинками—очевидно, домашние хозяйки; мимо нас торопливо проходят пешеходы-дельцы; встречаются оборванные в конец, бродящие без всякой видимой цели завсегдатаи находящегося недалеко ночлежного дома.

Угол Б. Дорогомиловской и 1-го Лугового (б. 2-го Бородинского пер.)

Наши наблюдения требуют вывода: 1) Жизнь улицы безусловно связана с Брянским вокзалом (особенно в части, прилегающей к нему). 2) В целом она носит ремесленно-торговый характер, причем торговля и производство мелкого масштаба. Этот вывод подтверждает карта промыш-

ленности Дорогомилова [1]) и дает возможность распространить его на весь район. Среди множества мелких предприятий выделяется лишь Брянский вокзал с железнодорожными мастерскими и четыре значительных промышленных предприятия, из которых два до 1917 г. имели менее 100 рабочих. Состав населения связан с характером промышленности района. Здесь преобладают ремесленники, торговцы, к которым присоединяется дорогомиловская беднота.

Чтобы дополнить впечатление от района, пройдем в его заселенную часть. По дороге видим небольшие деревянные дома. Не доходя до 2-й Бородинской улицы, остановимся.

1-й Луговой (б. 2-й Бородинский пер.), не доходя 2-й Бородинской ул.

Перед нами открывается пейзаж, напоминающий глухой провинциальный уголок. На немощенной, грязной улице можно увидеть коз и свинью с поросятами, иногда сюда забредет и корова. Вдали, там, где улица подходит к реке, до поздней осени зеленеет травка (зимой это большое снежное поле). На перекрестке водоразборный пункт, к которому неторопливо подходят женщины с ведрами. Эти наблюдения говорят нам об условиях жизни дорогомиловцев. В маленьких домиках этого захолустного района нет никакого благоустройства. В них теснится рабочая и ремесленная беднота. И какой богатой и нарядной по сравнению с ними кажется расположенная за ними церковь Богоявления! И теперь в праздничные дни ее посещает дорогомиловская «аристократия». Раньше она владела большим приходом и существовала на средства разбогатевших мещан и торговцев. В последнее время мы замечаем орабочение Дорогомилова. До революции в нем насчитывалось всего 6—7 тыс. рабочих. Такой состав населения определял его революционное прошлое. В эпоху реакции темное мещанское Дорогомилово было поставщиком членов союза русского народа. По словам одной из участниц Октябрьской борьбы [2]), «волны Февральской революции с ее революционным под'емом всех пролетарских сил в последнюю очередь докатились до Дорогомилова».

Характерно для этого района—за церковью, в церковном дворе, в доме священника, нашла себе приют первая организация, рожденная Февральской революцией. Хозяин небольшого завода, домовладелец, торговец, священник и другие представители мелкобуржуазного населения Дорого-

[1]) См. приложение Д.

[2]) Товарищ Фаслер, парторганизатор Дорогомиловского подрайона.

милова об'единились в этом Комитете общественных организаций. Голоса единичных представителей рабочих звучали в ней резким диссонансом.

Конечно, не эта организация могла руководить Дорогомиловым в октябрьские дни. Рабочие скоро покинулии ее, перенеся свою работу туда, где формировались движущие силы Октября. Пройдем несколько шагов вперед.

Угол 1-го Лугового (б. 2-го Бородинского пер.) и 2-й Бородинской ул.

Слева мы видим громадный желтый дом, который сразу бросается в глаза. В нем теперь, как и до войны 1914 г., помещается школа. Во время войны школа была занята лазаретом, в котором находилась команда выздоравливающих солдат. За этим домом мы видим массивные трубы Трехгорного завода. Это одно из крупных промышленных предприятий района. Между рабочими и солдатами Дорогомилова было общение. О чем могли говорить солдаты, испытавшие всю тяжесть фронтовой жизни? Могли ли они быть опорой Временному правительству? Конечно, нет. Да и в рабочей массе нарастало глухое недовольство. Нужно было оформить неясное стремление к борьбе, спаять между собой разрозненные и слабые революционные силы Дорогомилова. К этим организующим центрам мы сейчас направимся.

Проходным двором, вид которого еще раз подкрепляет наше впечатление от района, пройдем в Хухриков переулок и повернем направо к большому четырехэтажному дому (М. Дорогомиловская ул., д. № 9).

Еремеевский пер., против четырехэтажного дома

Это школа, которая в 1917 г. тоже была занята под лазарет. Здесь перед Октябрем силами большевиков Дорогомилова и отчасти Хамовников была организована партийная школа, которая посещалась рабочими и солдатами из лазаретов. Горячие беседы о положении рабочих в тылу и солдат на фронте, обсуждение контр-революционной деятельности правительства, выяснение необходимости дальнейшей борьбы—шли здесь беспрестанно. Слова манифеста VI с'езда РСДРП (большевиков) падали на подготовленную почву. В нем говорилось:

„Рано торжествует контр-революция свою победу. Пулей не накормишь голодных...

Рабочим нужен хлеб, крестьянам нужна земля, тем и другим нужен мир. Готовьтесь же к новым битвам, наши боевые товарищи. . Под знамя партии, пролетариат и солдаты!.. Да здравствует мировая рабочая революция!"

Маленькая группа дорогомиловцев начинает усиленно готовиться к борьбе. Посмотрим на фотографию группы участников Октября. (Это снимок, сделанный уже после Октябрьских дней). Мы видим на нем рабочих и солдат. (Обращают на себя внимание и две женщины, игравшие видную роль в организации сил района) [1]). Рабочие и солдаты вооружены. Это—красногвардейцы. С августа началась запись в Красную гвардию. Раздобыли несколько винтовок и револьверов. Солдаты обучали рабочих стрельбе. Вся эта работа производилась большевиками Дорогомиловского района при ближайшем

Группа красногвардейцев Дорогомиловского района.

участии примыкавшей к ним группы беспартийных рабочих. Разрозненные силы Дорогомилова об'единились. Центром об'единения, а затем и центром борьбы, стал районный совет. Перейдем к зданию совета.

Б. Дорогомиловская ул., против д. № 22

Перед нами двухэтажный кирпичный дом. Сейчас уже ничто не напоминает нам о том, что происходило здесь 10 лет тому назад (теперь здесь помещается ночлежный дом). Совет был организован здесь после июльских дней, по инициативе беспартийных рабочих. К октябрю в нем образовалась

[1]) Тт. Ванторина и Саруль.

довольно сильная большевистская фракция, которая постепенно завоевывала все большее влияние в массах.

Наступает 25 октября. Из центра получается известие о том, что восстание неизбежно. Избирается ревком [1]). Его члены обходят все предприятия Дорогомилова, передают последние известия из центра и призывают к борьбе. С 25 по 27 октября помещение совета беспрерывно заполняется потоком людей. Скоро здание перестает вмещать всех приходящих, и на улице растет толпа. Это не обычная толпа зевак, пришедшая узнать последние известия. Это—рабочие и солдаты, готовые жертвовать собой и итти в бой. Солдаты разбиваются на десятки и выбирают командиров. Красногвардейские патрули должны разойтись по всему району, для охраны. Видно, на хорошую почву упала большевистская агитация в предоктябрьский период!

Но какое требование беспрестанно повторяется в шумных залах совета? Почему боевое настроение сменяется беспокойством? В совете только три револьвера и одна винтовка [2]). И перед членами ревкома встает трудная задача—достать оружие. С Брянскаго вокзала (его серое здание виднеется за нами) приезжают вооруженные офицеры. Туда ревком направляет свои силы. Оружие отбирается и приносится в совет. Впрочем, не всегда это удается. Вот к совету привели двух офицеров. Они просят не отбирать у них оружие. Они будто бы едут прямо на фронт, а в город, и не собираются итти. Свои слова они подтверждают честным словом офицера, и их отпускают...

К ночи (27-го) толпа, окружающая здание, расходится. Через освещенные окна совета видно, как непрерывно заседает ревком. Один красногвардеец-часовой безмолвно стоит у входных дверей. Вдруг темная улица наполняется движением. Идут вооруженные люди. Не возвращаются ли те члены совета, которые были посланы в центр [3]) за оружием? Для раздумья нет времени. Одна секунда—и в темноте вырисовываются блестящие офицерские погоны, за ними фигуры юнкеров 5-й школы прапорщиков. Они уже у самого совета, они окружают его со всех сторон. Часовой успел

---

[1]) В ревком первого состава входили тт. Фаслер, Шломин, Меднис, Панов и др. Так как почти все избранные были отозваны в Хамовники, ревком пополняется товарищами: Федосовым, Фонченко, Ерофеевым, Пановым, Ванториной.

[2]) Хамовнический ревком, не учтя стратегической важности Дорогомилова, предложили в целях об'единения передать все его вооруженные силы Хамовникам. Хотя это предложение и не встретило полного сочувствия, все же часть членов ревкома и группа красногвардейцев с винтовками уходят в Хамовнический район, уменьшив и без того слабые силы Дорогомилова.

[3]) В центр за оружием были посланы тт. Фонченко и Ерофеев.

крикнуть: «Кругом юнкера!» Члены ревкома начали выбегать на улицу. Но дадим слово для описания происходящего члену ревкома, пережившему это нападение юнкеров [1]).

„Кто-то успел погасить огонь. На улице была полная темнота... стрелять было невозможно... юнкера наших встречали в дверях и били прикладами... Нам троим удалось пробраться во двор, но ворота снаружи были уже заняты юнкерами... Нам пришлось спрятаться в конюшне. Двое товарищей залезли на сеновал и тем спаслись от ареста, но я была арестована вошедшими юнкерами. Меня привели в совет, и там меня офицер спросил, узнаю ли я его. Я узнала его—это был тот, который дал честное слово... Нас хотели вести в Александровское училище, но дошедши до Варгунихиной горы, решили меня отпустить... Я вернулась обратно... Совет горел всеми огнями“...

Юнкера ушли, но совет был разгромлен: мебель изрублена, стекла выбиты, а красное знамя совета лежало на полу, изорванное и исколотое штыками.

Вокруг совета все было спокойно. Окружающие домики молчали. Мещанское Дорогомилово было пассивно и этой пассивностью помогало контр-революции.

Только утром 28-го о разгроме совета узнали красногвардейцы и солдаты.

Снова толпой они окружили совет, но юнкера той же 5-й школы прапорщиков пулеметным обстрелом с Варгунихиной горы заставили их разойтись.

Опять встает вопрос об оружии. За ним надо отправиться в центр. Это—трудная задача, но другого выхода нет. Молодой рабочий—слесарь Митрофан Иванович Шломин—вызывается итти за ним на Тверскую, в Моссовет. Разгромленное, опустевшее здание совета запирается на ключ. Члены ревкома идут на Брянский вокзал продолжать разоружение офицеров. Пойдем и мы за ними (через М. Дорогомиловскую улицу).

На площади против Брянского вокзала

Мы на площади, против Брянского вокзала. С этого пункта он весь перед нашими глазами. С двух сторон высоко поднимаются колонны, а над ними, на стене,—герб СССР. Статуи над главным входом говорят о том, с какими частями соединяет нас Киево-Воронежская железная дорога. Над зданием возвышается стройная башня с часами, которую мы уже видели в начале экскурсии. Это высокая башня была очень удобным наблюдательным пунктом в Октябрь-

[1]) Тов. Ванторина. См. „Хамовники в октябре 1917 г.“. Изд. Хамовнич. райкома РКП, стр. 6—7.

ские дни. Вокзал в то время помещался за зданием существующего теперь вокзала, (новое здание было использовано под лазарет) [1]). В начале борьбы вокзал попыталась захватить в свои руки «верхушка» железнодорожников, находившаяся под влиянием Викжеля. Военный линейный контролер Киево-Воронежской железной дороги вывесил на вокзале об'явление:

„В настоящее тревожное время, в связи с выступлением безответственных лиц, прикрывающихся лозунгами большевизма, мною... для охраны станции и пути вызваны казаки... Всякая вооруженная команда, появляющаяся в пределах станции и полосе отчуждения железной дороги, будет немедленно задерживаться и обезоруживаться.. Я буду принимать немедленно самые решительные меры против нарушителей тишины и порядка“ [2]).

Но реальной силы викжелевцы не имели, и вокзал фактически перешел в руки «нарушителей тишины и порядка». Именно они несли «охрану станции и пути». В помещении вокзала были расставлены караулы; у телеграфа и телефона размещены дежурные; у поворотного круга—часовые; на путях до станции Нары—вооруженные патрули. С вышки вокзала наблюдали красные посты.

Каждый поезд встречают члены созданной для этого комиссии при ревкоме [3]), обыскивают пассажиров и отбирают оружие. Пассажирские поезда прибывают редко, зато беспрестанно движутся военные эшелоны.

29 октября на вокзал приходят тревожные вести: к Москве по Киево-Воронежской железной дороге движется ударный батальон, от Малоярославца идут два эшелона казаков. Тотчас же навстречу противнику и на помощь вооруженным патрулям высылаются агитаторы. Они обращаются к ударникам:

„В Москве идет борьба между солдатами и юнкерами. Неужели вы пойдете против своих братьев, неужели будете проливать их кровь, чтобы снова подставить свои спины под плетки господ офицеров“. Ударники недоумевают. „Нас обманули,- говорят они.—Мы думали, что едем в Москву для получения обмундировки. Мы не знали, что нашими руками офицеры собирались усмирить московское восстание“

Сагитировав ударников, их временно задерживают на станциях неподалеку от Москвы [4]).

Только одна группа ударников—80 человек во главе с тремя офицерами (под видом сагитированных)—ночью под'-

---

[1]) Для выяснения событий на Брянском вокзале использован неизданный материал: 1) воспоминания тов. В. Фонченко, 2) коллективные воспоминания участников—рабочих депо.

[2]) См. сб. „Октябрьское восстание в Москве“. ГИЗ. М. 1922 г. Стр. 192.

[3]) После разгрома ревкома вновь организуется в составе Федосова, Фонченко и Ванторинои.

[4]) На станциях Наре и Апреловке.

езжает к Москве. В 7 часов утра 30 октября они прорвались на вокзал, арестовали солдата, заменявшего коменданта, взломали цейхгауз и захватили несколько десятов берданок.

Вооруженные, они направились на помощь к штабу белых (Александровское училище).

Этот случай заставил усилить охрану вокзала. На помощь красногвардейцам по Окружной железной дороге прибывает полурота солдат 193-го полка во главе с прапорщиком Сулацким [1]). Но занятие вокзала революционными войсками противоречило требованиям Викжеля, оно нарушало (указанный выше) приказ линейного контролера. И с печатью «Железнодорожного комитета служащих», на имя «гражданина Сулацкого, заведующего отрядом на Брянском вокзале», посылается отношение с просьбой не нарушать нейтралитета и вывести с территории станции роту 193-го полка. На это отношение полковым комитетом 193-го полка была наложена краткая, но ясная резолюция: «По поводу сего отношения сделано распоряжение: остаться на месте... отряду нашего полка» .

Между тем ударники продолжали прибывать. Эшелоны, не поддававшиеся агитации, заводились в тупик и не пропускались в Москву. Остальные прибывали на вокзал и передавали себя в распоряжение Военно-революционного комитета. Ревком не мог оставить всех в Дорогомилове: не хватало ни оружия, ни продовольствия. Солдаты небольшими группами направлялись через привокзальную площадь к набережной искать переправы.

На набережной, лицом к Хамовникам

На противоположном берегу, за фабричными трубами, находятся Хамовнические казармы. Именно оттуда прибыла занявшая вокзал рота 193-го полка. Туда шли приезжавшие солдаты. На набережной, против фабрик, стояли лодки. С опаской, оглядываясь по сторонам, солдаты переезжали через хмурую осеннюю реку, так четко передававшую и свист пули, и треск пулемета, и далекое «уханье» орудий. На берегу солдаты высаживались. Красногвардейские патрули, стоявшие на улицах, указывали им путь в казармы.

Лодки, оставленные у берега, скоро находили других пассажиров: их использовала разведка, державшая связь между Дорогомиловым и Хамовниками. Нужно выяснить, где наступают юнкера,—разведка быстро приносит необхо-

[1]) Прапорщик Сулацкий был введен в ревком.

димые сведения; нужно добыть подкрепление—она выполняет и это. В разгар борьбы разведчица [1]) приводит из Хамовнических казарм вооруженный отряд 193-го полка. Ночью, в полнейшей темноте, он переезжает в Дорогомилово. А через некоторое время опять поскрипывают невидимые весла, управляемые невидимым гребцом. Это из Хамовников доставляется продовольствие. Портрет гребца перед нами [2]). Это совсем молодой еще рабочий, один из многих, выполнявших в дни восстания тяжелую работу по „связи“ и „разведке“. Напрасно мы станем искать в их воспоминаниях описания „подвигов“ и необыкновенных происшествий. Их рассказ краток и прост. Но в этих немногих словах дается яркая характеристика Октября, заставившего всю рабочую массу подняться, сорганизоваться и заговорить языком винтовки и пулемета.

Рабочий Петушков—разведчик в Дорогомилове.

Вернемся к октябрьским событиям. Возникает естественный вопрос: зачем с такими трудностями переправляться через реку, когда можно легко пройти через мост? Но в эти дни восстания мост и река поменялись ролями. Река—естественная преграда—использовалась как связь между районами. Мост, в обычное время связывающий Дорогомилово с центром, стал крепкой преградой в развертывающейся борьбе: на него было направлено наступление юнкеров [3]).

Бородинский мост, у обелиска справа

В первые дни восстания на мосту было спокойно. Красногвардейские патрули дежурили почти беспрерывно. Но дви-

---

[1]) Тов. Саруль, работница фабрики б. Арндт, расстрелянная впоследствии белыми на Восточном фронте.

[2]) Тов. Петушков, рабочий шорно-седельных мастерских Земского союза.

[3]) Сведения о борьбе за мост взяты из неизданных воспоминаний начальника боевых сил района, рабочего фабрики б. Штейнмана, тов. Федосова, бессменно там находившегося.

жение пешеходов по мосту не прекращалось. Приезжавшие с вокзала быстро переходили через мост. Часто это были сестры милосердия, приезжавшие с санитарными поездами. Патрули недоверчиво окидывали взглядом торопливые фигуры сестер, осторожно несших свои небольшие чемоданы. Недоверие сменялось подозрением, которое нужно было проверить. И вот одна из сестер арестована, чемодан открыт и... один за другим в руки красногвардейцев переходят наганы, осторожно выкладываются небольшие продолговатые бомбы [1]).

Это оружие скоро было пущено в ход: 28 октября к мосту под'езжает броневик 5-й школы прапорщиков и начинает наступление. Красные сильным обстрелом не дают ему прорваться. На звук выстрелов к мосту прибегают человек 20 вооруженных железнодорожников, несколько десятков красногвардейцев и солдат из команды выздоравливающих и часть отряда 193-го полка. Барьер у обелиска служит им прикрытием. Идущая полукругом скамья, вся асфальтовая площадка, лестница и даже часть крытого спуска к реке занята рядами бойцов. Они прицелились, и по первому сигналу начинают стрельбу. Юнкера не ожидали такого отпора. Они дают несколько залпов и, круто повернув, быстро уезжают обратно. Им вдогонку вместе с последними пулями несется громкий смех: «Что, не удалось?» Радуются красногвардейцы. Легкая победа окрылила их, им хочется вновь применить к делу свою боевую отвагу. Долго ждать не приходится. Потерпев неудачу с броневиком, юнкера пытаются другим способом прорваться через мост. Совершенно бесшумно к мосту подкатывает автомобиль и останавливается, не дав ни единого выстрела.

Но охрана на-стороже. Зоркий глаз красногвардейца быстро распознает пассажиров. Это опять юнкера с офицерами во главе. Нужно обезвредить «молчаливого» врага, пока он не «заговорил». Группа красногвардейцев бросается вперед. Одна минута, небольшая схватка—и автомобиль в их руках. Рабочие с гордостью везут его к совету [2]).

Бородинский мост, у обелиска слева

В тот же день произошла еще одна стычка с юнкерами. У моста их появилось всего 20—30 чел., но за этим авангардом стояла сильная своим вооружением 5-я школа

---

[1]) Оружие и бомбы сестры проносили в центр по поручению офицеров, находившихся в госпитале в новом помещении Брянского вокзала.

[2]) Захватом автомобиля руководили братья Митраковы, рабочие фабрики Штейнмана, активные участники боев.

прапорщиков. Выстрелы неслись со Смоленской улицы и с набережной. Красногвардейцы уже не сидели за прикрытием: они шли вперед, отбивая юнкеров. Схватки происходили по обе стороны моста. После недолгого боя юнкера ушли. Красногвардейцы и солдаты вернулись на прежние места за барьер. Мост опустел. Только в самом начале моста, у линии трамвая осталась лежать неподвижная фигура—первая жертва борьбы [1]). На высоком сером обелиске до сих пор сохранились следы юнкерских пуль, крепкая чугунная доска во многих местах пробита насквозь.

После этого боя перестрелка на мосту уже не прекращалась. Состав отрядов постоянно менялся. Усталых сменяли новые товарищи по борьбе.

Но члены ревкома все время на своем посту, они готовятся к предстоящей тревожной ночи Мост нужно забаррикадировать.

На левом тротуаре моста, против трамвайного столба

На Брянском вокзале достают проволоку, ее привязывают к трамвайному столбу и к перилам моста. Сюда же подкатывается бочка, сверху наваливается телеграфный столб—и баррикада готова. Наступает ночь. Освещения на улицах нет. Ни в одном доме не светятся окна. «Тьма такая, что за три шага ничего не видно»,—вспоминает один из участников об этой ночи. По обе стороны моста—враги.

Они не видят друг друга и не знают расположений сил. Вдруг взлетает вверх пущенная кем-то осветительная ракета. Мост сразу ожил. Четко вырисовываются фигуры красногвардейцев и солдат и движущиеся навстречу две колонны юнкеров. Настроение дорогомиловцев падает: юнкеров гораздо больше, они прекрасно вооружены, с ними военные специалисты. Вряд ли удастся отбить их атаку. Ракета потухла, и в темноте начался отчаянный бой. Юнкера беспрерывно били по мосту из пулемета, поставленного на колокольне церкви на Варгунихиной горе. В это же время и сзади, с вышки углового дома, раздаются предательские выстрелы: мещанское Дорогомилово попыталось активно выступить против рабочих [2]).

Под обстрелом фронта и тыла, дорогомиловцы отступают в глубь темных улиц. Юнкера не надолго захватывают мост. Стрельба то прекращается, то возобновляется с новой силой. Ружейная пальба прерывается грохотом орудий.

---

[1]) В этом бою были ранены тт. Козлов, Сахаров, Баринов и др.

[2]) Несмотря на тщательный обыск, найти стрелявших не удалось.

Это «соседи»—пресненские рабочие направляют на помощь Дорогомилову свою артиллерию, поставленную на Горбатом Мосту.

Нужно мобилизовать все наличные силы, все небольшие запасы оружия, всех способных командовать разрозненными отрядами. И член ревкома, работница Ванторина—снимок ее перед нами—на ряду с другими ведет один из отрядов в наступление на Бородинский мост...

Е. И. Ванто—член Дорогомиловского военно-революц. к-та в 1917 г.

Мост снова в руках красных. Они захватывают его до самой Смоленской улицы.

Бородинский мост, у колонн

Теперь можно было укрепиться и на этой улице: главное препятствие—пулемет на церковной колокольне—снят метким огнем артиллеристов с Пресни. Церковь на Варгунихиной горе—лишь форпост юнкеров. Их база—5-я школа прапорщиков. Цель дорогомиловцев—обладание школой. Но раньше нужно было точно выяснить ее расположение, чтобы знать, куда наводить орудия и направлять отряды. Начальник боевых сил Дорогомилова [1]) вместе с пресненским артиллеристом идут на разведку.

К школе, круто поднимаясь, ведет Шубинский переулок.

Шубинский пер., на под'еме

находившийся обычно под бдительной охраной юнкеров. Еще в первые дни борьбы он был свидетелем кровавой расправы юнкеров: здесь на спуске был убит посланный за оружием в Моссовет товарищ Шломин. Он вез полученное оружие на грузовике. На Смоленском рынке его задержали юнкера и повели по направлению к школе. У Шубинского переулка

[1]) Тов. Федосов.

отряд остановился, Шломина отпустили, приказав бежать вниз, к набережной. Сделав несколько шагов, он упал, сраженный пулями, пущенными вдогонку [1]). Вот по этому-то опасному переулку темной ночью пробирались двое смельчаков. Но на этот раз в переулке не было ни одного юнкерского патруля. И разведчики без всякой помехи выполнили свою задачу: расположение школы было выяснено, расстояние до набережной и до моста размерено шагами. Теперь можно было составить точный план обстрела.

Разведчики повернули назад. Вдруг один из них—высокий, румяный, черноусый артиллерист—остановился. «Подожди,—сказал он,—я хочу оставить кое-что юнкерам на память». Быстро завернув за угол, он вынул приготовленную продолговатую бомбу-«огурец» и изо всех сил швырнул ее в глубь переулка по направлению к ненавистной школе. Резкий звук взрыва на мгновение нарушил тишину. Разведчики прижались к стене, затаив дыхание. Опять все стихло. С крутого Шубинского переулка бесшумно спустились две фигуры [2]). Спустя некоторое время отсюда началось наступление—последний бой с юнкерами.

Смоленский пер., против д. № 4

Высокое здание 5-й школы прапорщиков перед нами. До сих пор на нем частично сохранились следы обстрела. Под большой надписью «5-я школа ХОНО» прибита скромная вывеска: «Рабочие курсы имени тов. Шломина». Этим названием рабочие—участники Октября—отметили память погибшего здесь товарища. Наступление на школу началось 1 ноября. По всему переулку летели пули, отбивая атаку. Все здание школы дрожало от метких снарядов артиллерии. Звенели разбитые стекла, осыпалась штукатурка, на мостовую падали куски кирпичей. Юнкера напрягают все свои силы, но их сопротивление напрасно. С Шубинского переулка идут дорогомиловцы; со Смоленской улицы—рабочие и солдаты Хамовников; со Смоленского переулка наступает Пресненская Красная гвардия. В ногу с рабочими Москвы в бою участвует отряд орехово-зуевцев, приехавших по вызову Военно-революционного комитета на помощь восставшим. Под напором противника юнкера отступают. Часть красногвардейцев занимает помещение школы для охраны оста-

---

[1]) Одновременно был убит ехавший с ним из Моссовета неизвестный рабочий. От шофера Мухина, которому удалось отделаться тяжелым ранением, получены сведения об этом расстреле.

[2]) Этот эпизод очень типичен для характеристики партизанской борьбы в городе.

вленного юнкерами богатого имущества. Часть окружает отряд пленных юнкеров и ждет дальнейших распоряжений. Часть готовится к новым боям: победив своего местного врага, надо итти дальше, на помощь центру.

Смоленская ул., против Смоленского пер.

Со Смоленской улицы видны контуры высоких домов Арбата. За ними, окруженный сочувствующей буржуазией и защищенный пулеметами, главный военный штаб белых—Александровское училище. Туда должны направиться красногвардейские отряды. Однако, наступление задерживается: в районе упорно циркулируют слухи о мире. 3 ноября они подтверждаются приказом из центра:

„Военно-ревлюционный комитет предписывает прекратить военные действия против противника, если с его стороны не будет замечено наступления. При первой же попытке нападения на нас оказать ему самый решительный отпор".

Судя по последним строкам приказа, мир еще недостаточно прочен. Действительно, надеясь на возобновление борьбы, вооруженные юнкера проходят по Арбату и Смоленской улице, рассчитывая уехать с Брянского вокзала. Но путь к вокзалу охраняется патрулями. На вокзале—«тщательная бдительность революционных войск» [1]). Попытка юнкеров нарушить условия мира [2]) не удается. Дорогомиловцы до конца выполняют свой долг.

3 ноября из ревкома в центр, группами и в одиночку, идут рабочие разузнать о текущих событиях и получить директивы на будущее. А через неделю, 10 ноября, вверх по Смоленской улице медленно движется похоронное шествие. Погибшие в бою дорогомиловцы должны лежать в братской могиле на Красной площади, вместе со всем передовым отрядом пролетарской революции. Слабое по количеству революционных сил Дорогомилово, несмотря на враждебное окружение, сумело организоваться и вооружиться в процессе борьбы. Под руководством маленькой кучки передовых рабочих оно внесло в общемосковскую борьбу свою необходимую помощь. Но окончательно победить упорного врага оно смогло только при братской поддержке соседних, более сильных районов.

А. Б. Закс.

---

[1]) Донесение разведчика Комолова.
[2]) По мирному договору 2 ноября юнкера обязывались сдать оружие.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1-е

ПРИКАЗ ВСЕМ ВОЙСКАМ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА

„Революционные войска победили. Юнкера и белая гвардия сдают оружие. Все силы буржуазии разбиты на-голову и сдаются, приняв наши требования. Вся власть в руках Военно-революционного комитета. Московские рабочие и солдаты дорогой ценой завоевали всю власть в Москве. Все на охрану завоеваний новой рабочей, солдатской и крестьянской революции! Враг сдался.

Военно-революционный комитет приказывает прекратить всякие военные действия (ружейный, пулеметный и орудийный огонь). С прекращением военных действий войска советов остаются на своих местах до сдачи оружия юнкерами и белой гвардией. Войскам не расходиться до особого приказа Военно-революционного комитета!

Председатель Военно-революционного комитета *Г. Усиевич*".
2 ноября 1917 г. 9 час. вечера.

(Из сборн. „Москва в Октябре 1917 г.", стр. 36).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2-е

ДОГОВОР

Между Военно-революционным комитетом и Комитетом общественной безопасности 2 ноября с. г., 5 ч. в.

1. Комитет общественной безопасности прекращает свое существование.

2. Белая гвардия возвращает оружие и расформировывается. Офицеры остаются при присвоенном их званию оружии. В юнкерских училищах сохраняется лишь то оружие, которое необходимо для обучения. Все остальное оружие юнкерами возвращается. Военно-революционный комитет гарантирует всем свободу и неприкосновенность личности.

3. Для разрешения вопроса о способах осуществления разоружения, о коем говорится в п. 2, организуется комиссия из представителей Военно-революционного комитета, представителей командного состава и представителей организаций, принимавших участие в посредничестве.

4. С момента подписи мирного договора, обе стороны немедленно отдают приказ о прекращении всякой стрельбы и всяких военных действий с принятием решительных мер к неуклонному исполнению этого приказа на местах.

5. По подписании соглашения все пленные обеих сторон немедленно освобождаются.

Представители Военно-революционного комитета: *В. Смирнов.* *П. Смидович.*

Представители Комитета общественной безопасности: *Руднев.* *Сорокин* *Студницкий*

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Анулов Ф.—Тактика Октября в Питере и в Москве. „Пролетарская революция“, 1922 г. № 4.

2*. Аросев А.—Как это произошло. „Октябрьские дни в Москве“. (Воспоминания. Материалы). М. Изд. „Красная новь“, 1923 г.

2а. Аросев.—Московский совет в 1917 г. Изд. „Библ. Огонька“. 1927 г.

3. Вознесенский А.—Москва в Октябре 1917 г. „Былое“, 1926 г. № 1 (35).

4. Волин, Б.—Московский совет перед Октябрем. „Пролетарская революция“, 1922 г., № 10.

5. Давыдовский Я. Л.—1-я артиллерийская бригада в Октябре 1917 г. „Пролетарская революция“, 1923 г., № 9.

5а*. Игнатов. Московский совет рабочих депутатов.

6. Из воспоминаний о московском Октябре (речи участников вечера воспоминаний 1921 г.). „Пролетарская революция“, 1922 г., № 10.

7. Из речи тов. Бухарина на вечере воспоминаний в 1921 г. „Пролетарская революция“, 1922 г., № 10.

8. Карзыкин Н.—Расстрел юнкерами арсенальцев в Кремле 28 октября 1917 г. „Пролетарская революция“, 1922 г., № 5.

9. Карпов, В.—Казаки в Октябре. (Эпизод из времен октябрьских боев в Москве). „Пролетарская революция“, 1923 г., № 9.

10*. Молодая Пресня в Октябре. Изд. Красно-Пресненского райкома, 1923 г.

11. Моравский.—В Октябрьские дни в Москве. „Прол. рев.“. № 6.

12*. „Москва в октябре 1917 г.“ Иллюстрированный сборник заметок воспоминаний участников движения со вступительной статьей и под редакцией Н. Овсянникова. Моск. Отд. Печати МСР и КД, 1919 г.

13*. Муралов Н.—Из впечатлений о боевых днях в Москве. „Пролетарская революция“, 1922 г., № 10.

14. „Наше рождение“. Московский истомольский сборник под редакцией Ацаркина и Зверева. Изд. „Новая Москва“, 1924 г.

15*. Октябрь на Пресне. Воспоминания. Изд. „Красная новь“, 1925 г.

16*. Октябрьские дни в Москве и районах. Моск. бюро Испарта, 1922 г.

17*. Октябрьские дни в Сокольническом районе—по воспоминаниям участников. М. Изд. „Красная новь“, 1922 г.

18*. Октябрьское восстание в Москве—сборник документов, статей и воспоминаний, под ред. Н. Овсянникова. Моск. бюро Испарта. М. ГИЗ. 1922 г.

19*. По революционной Москве. Историко-топографический справочник-путеводитель. Изд. МКХ, 1926 г.

20. Рид Джон.—Десять дней, которые потрясли мир.

21. Сокол Б.—Что я помню (октябрь 1917 г. в Москве). „Пролетарская революция“, 1921 г., № 2.

22. Соловьев В.—В Московском совете и районах, (из пережитого). „Пролетарская революция“, 1924 г., № 10.

23*. Хамовники в октябре 1917 г. Сборник. Изд. Хамовн. райкома, 1922 г.

24. Шлихтер А.—Октябрьские дни (1917 г.). „Пролетарская революция“, 1922 г., № 5.

25. Шлихтер А.—Памятные дни в Москве. „Пролетарская революция“, 1922 г., № 10.

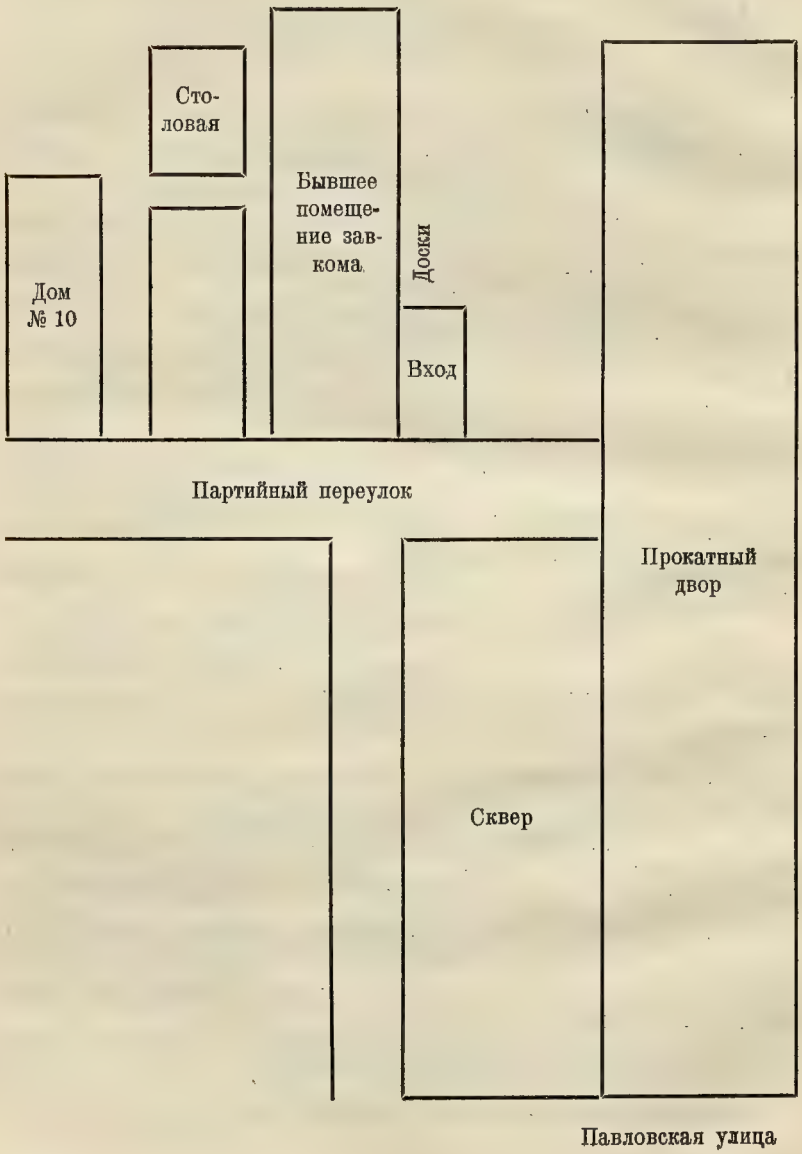
Как литературное пособие, дающее изображение Октябрьской революции в беллетристической форме, нужно указать:

Яковлев А.—Октябрь (повесть).

Звездочкой отмечены наиболее нужные пособия.

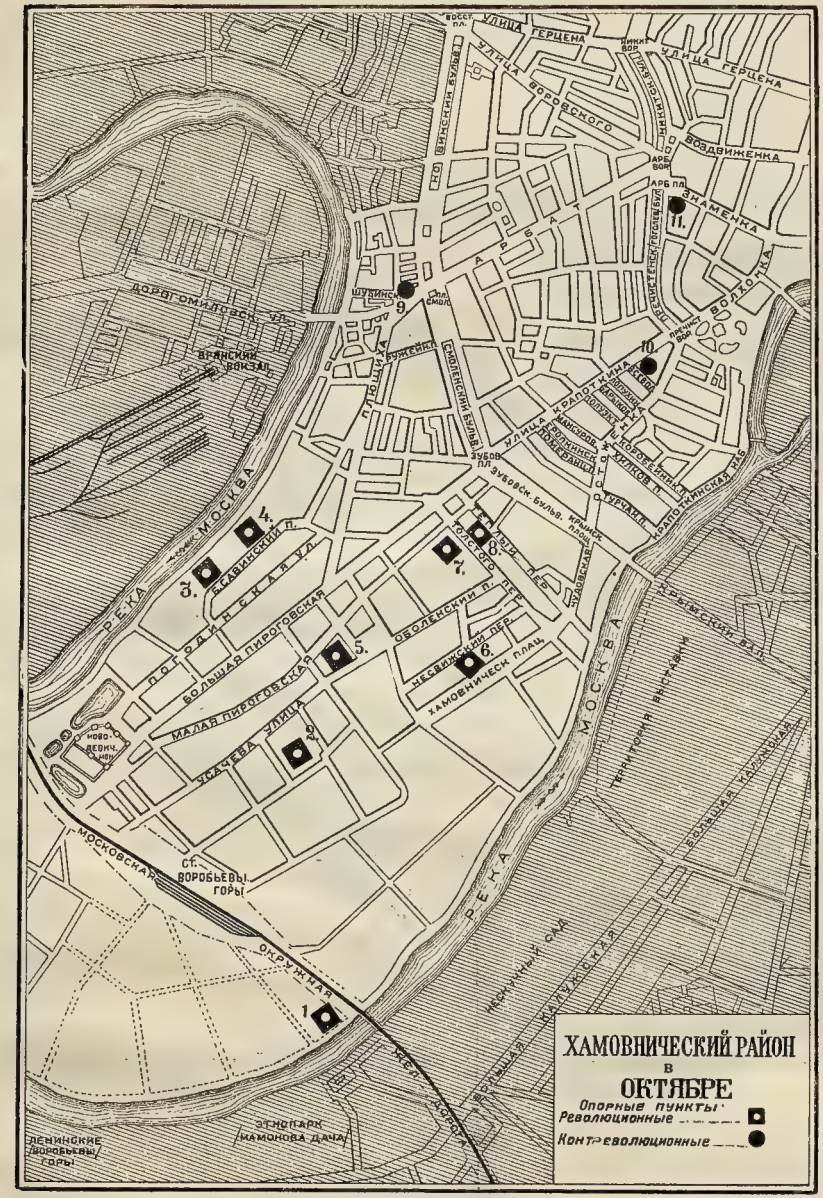
Приложение А

Схематический чертеж части территории завода Владимира Ильича (бывш. Михельсон)



ПЛАН
центральной части города МОСКВЫ
Ярославский вокзал
Николаевск. вокз.
Казанский вокзал
КРАСНО-ПРЕСНЕНСКИЙ РАЙОН
СОКОЛЬНИЧЕСКИЙ РАЙОН
БАУМАНОВСКИЙ РАЙОН
ХАМОВНИЧЕСКИЙ РАЙОН
КИТАЙ-ГОРОД
КРЕМЛЬ
РОГОЖСКО-СИМОНОВСКИЙ РАЙОН
ЗАМОСКВОРЕЦКИЙ РАЙОН
РЕКА МОСКВА
Укрепленные пункты белых
восставших рабочих
С 28 по 30 октября вся часть города внутри Садового Кольца находилась в руках белых.
A.W.

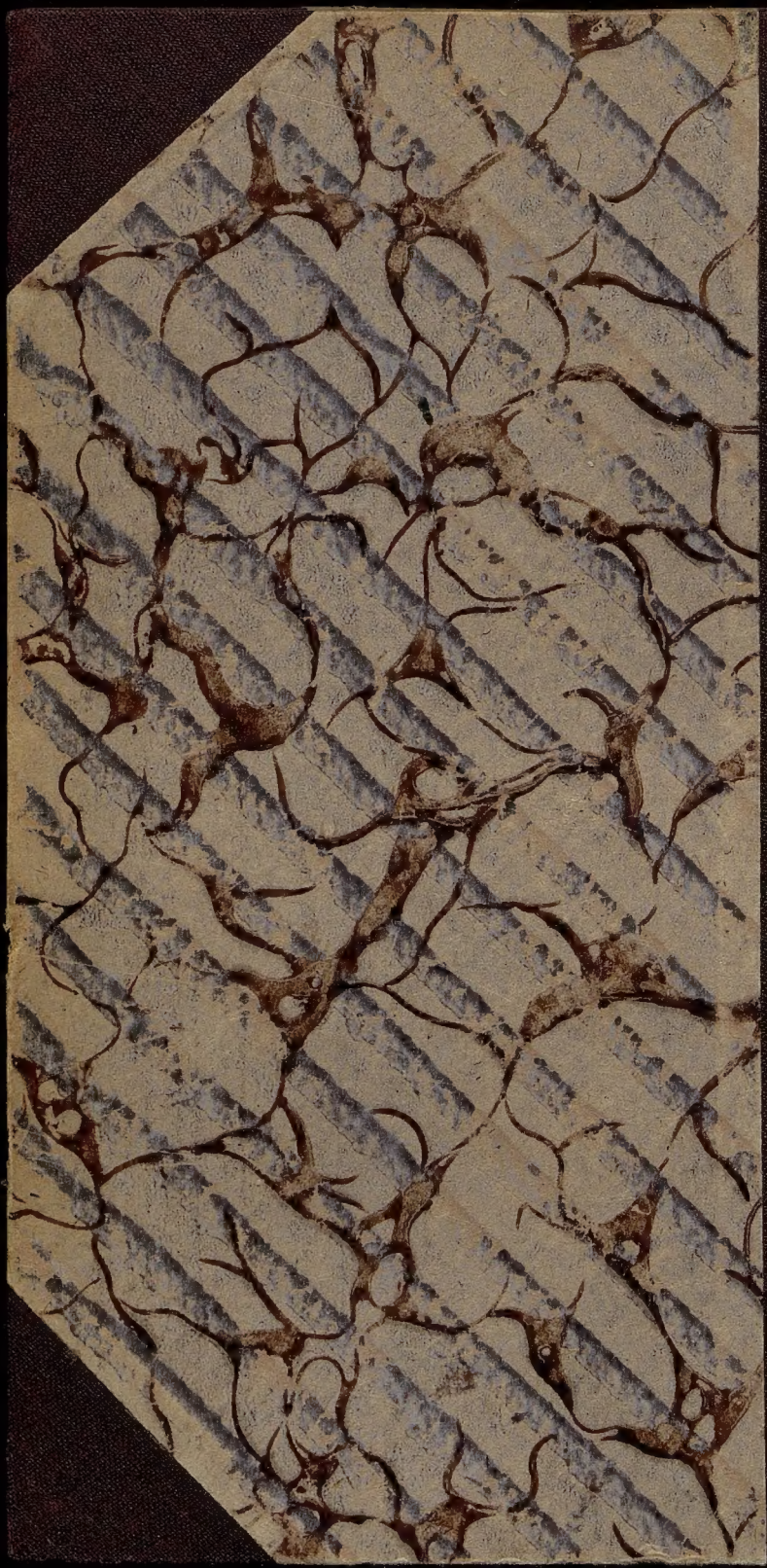
ПЛАН КРЕМЛЯ
МАСШТАБ
0 50 100 150 метр
СЕВЕРНАЯ БАШНЯ
НИКОЛЬСКИЕ ВОРОТА
АРСЕНАЛ
ВЦИК (окружн. суд)
ТРОИЦКИЕ ВОР
КАЛАЕВСКАЯ (сенатская площ.)
КРЕМЛЕВСК. КАЗ.
СПАССКИЕ ВОРОТА
ЦАРЬ-ПУШКА
НИКОЛАЕВСК. ДВОРЕЦ
ПОТЕШН. ДВ
УСПЕНСКИЙ СОБОР
ЦАРЬ КОЛОКОЛ
ГРАНОВИТАЯ ПАЛАТА
ЖНЯ ИВАНА ВЕЛИКОГО
АРХАНГЕЛЬСКИЙ СОБОР
ДВОРЕЦ
БЛАГОВЕЩ. СОБ
ОРУЖЕЙНАЯ ПАЛАТА
БОРОВИЦКИЕ ВОРОТА
ТАЙНИЦКИЕ ВОРОТА
БЕКЛЕМИШЕВА БАШНЯ
ВОДОВЗВОДНАЯ БАШНЯ
РЕКА МОСКВА
А.Ш.



№ 1—завод б. Второва („Гознак“); № 2—завод „Каучук“; № 3—ф-ка б. Гивордовского („Ливерс“); № 4—ф-ка б. Гюбнер („им. Я. М. Свердлова“); № 5—б. Уваровский (Артамоновский) трамвайный парк; № 6—б. Хамовнические („им. Троцкого“) казармы; № 7—Хамовнический пивоваренный завод; № 8—ф-ка б. Жиро („Красная Роза“); № 9—5-я Смоленская школа прапорщиков (курсы „им. т. Шлюминса“); № 10—Штаб Московского Военного Округа (ПУОКР); № 11—Александровское училище (Реввоенсовет).

Приложение Д

Библиотека
Государственного Комитета

ЦЕНА 1 р. 35 к.
Р

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:
ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА
„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“
Москва, Кузнецкий Мост, д. 7. Телефон 5-20-57
Ленинград, Пр. 25 Октяб., д. 68. Телефон 2-28-56